

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»

Т. Г. Боргоякова
А. В. Гусейнова

**СТАТУС И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ
ЮЖНОЙ СИБИРИ**

Абакан
2017

УДК 81'27:(39+314)(571.1/5)
ББК 81.006.2(2Рос-16)
Б82

*Печатается по рекомендации Научно-технического совета
и по решению Редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»*

Рецензенты: **Селютина И. Я.**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук;
Каксин А. Д., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.

Боргоякова, Тамара Герасимовна

Б82 Статус и функционирование тюркских языков Южной Сибири / Т. Г. Боргоякова, А. В. Гусейнова. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2017. – 136 с.
ISBN 978-5-7810-1586-3

Монография посвящена выявлению особенностей современной социолингвистической ситуации в республиках Южной Сибири – Тыва, Алтай и Хакасия. В работе даётся этнодемографическая характеристика республик, рассматривается динамика языковой лояльности титульных народов, анализируется языковое законодательство Российской Федерации и южносибирских республик, исследуются проблемы функционирования тюркских языков с особым акцентом на динамику социолингвистических процессов в Республике Хакасия.

Издание предназначено широкому кругу лингвистов, тюркологов, преподавателей и студентов, а также рассчитано на использование в вузовских лекционных и практических курсах, при подготовке студентов по направлению 45.04.01 – Филология в рамках магистерских программ «Хакасский язык, литература, культура», «Английский язык и межкультурная коммуникация», «Юридическая лингвистика», по направлению бакалавриата 44.03.05 – Педагогическое образование, профиль «Хакасский язык, литература» и «Русский язык», а также аспирантов по направлениям 45.06.01 – Языкознание и литературоведение в рамках научных специальностей 10.02.19 – Теория языка и 10.02.02 – Языки народов РФ (хакасский язык).

УДК 81'27:(39+314)(571.1/5)
ББК 81.006.2(2Рос-16)

ISBN 978-5-7810-1586-3

© ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова», 2017
© Боргоякова Т. Г., Гусейнова А. В., 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Этнодемографическая характеристика республик Южной Сибири	7
1.1. Автономии тюркских народов республик Южной Сибири	7
1.2. Пространственные и демографические особенности размещения народов республик Южной Сибири	10
1.3. Развитие этнодемографической структуры населения республик Южной Сибири ..	11
1.4. Динамика сельского и городского типа расселения среди титульных народов республик Южной Сибири	15
Глава 2. Динамика языковой лояльности тюркских народов Южной Сибири	18
2.1. Языковая лояльность тюркских народов республик Южной Сибири	18
2.2. Этнический аспект дифференциации языковой лояльности	20
Глава 3. Языковое законодательство Российской Федерации и республик Южной Сибири	24
3.1. История правового регулирования языковых отношений в СССР	24
3.2. Языковое законодательство РФ	28
3.3. Языковое законодательство в республиках Южной Сибири	31
3.3.1. Языковое законодательство Республики Тыва	31
3.3.2. Языковое законодательство Республики Алтай	33
3.3.3. Языковое законодательство Республики Хакасия	35
3.4. Законодательство РФ и терминология Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств	45
3.5. Государственные программы сохранения и развития языков народов Республики Хакасия	51
Глава 4. Функционирование миноритарных языков Республик Южной Сибири	54
4.1. Сферы функционирования миноритарных языков Южной Сибири	54
4.2. Функционирование ГТЯ РЮС в сфере СМИ и художественной литературы	55
4.3. Функционирование ГТЯ РЮС в сфере образования	60
4.4. Динамика современных социолингвистических процессов в РТ и РХ (по итогам анкетирования)	69
4.5. Витальность тюркских языков Южной Сибири	75
Глава 5. Динамика функционирования хакасского языка в условиях контактного билингвизма	86
5.1. Понятие «коммуникативное пространство» и его элементы	86
5.1.1. Сфера образования	87
5.1.2. Сфера массовой коммуникации	92
5.1.3. Сфера духовной культуры	95
5.1.4. Сфера религии	98
5.1.5. Сфера городского пространства	100
5.2. Языковая лояльность жителей Хакасии	104
5.3. Особенности коммуникативного поведения хакасов в полиэтнической среде	112
5.3.1. Гендерные особенности функционирования хакасского языка	112
5.3.2. Особенности функционирования хакасского языка, связанные с местом проживания его носителей	116
5.3.3. Возрастные особенности функционирования хакасского языка	119
5.4. Роль языка в этнической самоидентификации хакасов (результаты социолингвистического опроса старшеклассников Хакасской национальной гимназии)	122
Заключение	126
Библиографический список	130

ВВЕДЕНИЕ

Динамичные процессы глобализации оказывают негативное влияние на витальность миноритарных языков и культур, что актуализирует необходимость социолингвистических исследований для выработки стратегий сохранения лингвистического наследия человечества. Определяя социолингвистику как сочетание интеллектуального и нравственного поиска, Д. Фишман [Fishman, 1991] высоко оценивал работу социолингвистов по привлечению внимания к катастрофическому положению многих языков мира во второй половине XX века. Убедительность их научной аргументации стала одной из причин признания ценности лингвокультурного плюрализма в большинстве развитых стран мира и создания современных основ международного, межгосударственного и национального языкового законодательства.

Изучение проблем взаимодействия языков в условиях многонационального государства относится к основным задачам современной отечественной социолингвистики. Работы В. М. Алпатова, В. Ю. Михальченко, А. Н. Баскакова, Н. Б. Вахтина, Ю. Н. Караулова и других ученых, посвящённые анализу неоднородной языковой ситуации в современной России и ее регионах, составляют методологическую базу исследований по данному направлению.

Реализация российского языкового законодательства проходит на фоне глубоких социально-экономических и политических преобразований, влияющих на языковую ситуацию в регионах, на языковую компетенцию и ориентацию носителей миноритарных языков, на языковую политику государства в целом. Совершенно очевидно, что эти процессы требуют обстоятельных, глубоких конкретных социолингвистических исследований, которые должны быть направлены на наиболее актуальные и значительные проблемы функционирования языков России, такие как эффективность реализации законов о языках применительно к практике регионов, поддержка функционирования и исследование языков малочисленных народов [Михальченко, 2001, с. 7]. Актуальным является изучение международного опыта возрождения и поддержки конкретных языков в полиэтническом социальном контексте на фоне современных процессов глобализации и гомогенизации. Лингвоэкологическая направленность языковой политики связывается с переходом от экономической парадигмы развития обществ к более широкой социокультурной пара-

дигме, при которой все большую ценность получают культурное, этническое, языковое многообразие и человеческий фактор.

Анализируя языковую ситуацию и иерархию языков коренных народов Российской Федерации, Ю. Н. Караулов [Караулов, 2001] относит двуязычие к основным факторам обеспечения лингвистической безопасности, поддержки, сохранения и защиты родных языков за счет создания баланса базовых потребностей. Соглашаясь с позитивной ролью и прагматической выгодой двуязычия для успешной социализации представителей коренных народов, необходимо учитывать и другую сторону медали – опасность языковой ассимиляции этносов. Степень угрозы значительно выше в условиях так называемого асимметричного билингвизма, к которому относится национально-русское двуязычие в России и республиках Южной Сибири (РЮС). Данный тип двуязычия развивается в результате «функционально неравноправных отношений между различными языками, функционирующими в обществе» [Словарь..., 2006, с. 27]. Поэтому «баланс базовых потребностей» должен рассматриваться и корректироваться с учетом статуса языков народов России и динамики языковой ситуации в ее автономиях, а также противоречивого характера билингвизма как лингвосоциального явления.

К позитивным изменениям последних двадцати пяти лет, послужившим законодательному укреплению позиций миноритарных языков, несомненно, следует отнести Европейскую хартию региональных или миноритарных языков, принятую Советом Европы (1992), и систему современного российского языкового законодательства, включающего, прежде всего, Федеральный закон «О языках народов Российской Федерации» (1991).

Согласно дефиниции, предложенной в Хартии, миноритарные языки (*minority languages*) – это языки, традиционно используемые на данной территории государства жителями этого государства, представляющими собой группу, численно меньшую, чем остальное население государства [European Charter..., 1992]. Территория, на которой используется миноритарный язык, означает географический район, в котором упомянутый язык является средством общения части населения, что служит основанием для принятия различных мер по его защите и развитию.

Может возникнуть вопрос о правомерности отнесения к разряду миноритарных языков, наряду с шорским, и языки, имеющие статус государственных языков в РЮС, так как в отечественной социолингвистике к этой категории часто относят только языки коренных малочисленных народов РФ [Нерознак, 2002, с. 14]. В соответствии с ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» к коренным малочисленным народам Российской Федерации (или малочисленным народам) отнесены «народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные об-

раз жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями» [ФЗ]. В связи с этим следует отметить, что в Хартии, в отличие от Российского Федерального закона, не содержится каких-либо указаний количественного характера. Официальные языки автономий подпадают под категорию региональных или миноритарных, так как их определение базируется на наличии исторической территории, на которой традиционно используется язык группы, численно уступающей населению, говорящему на официальном (государственном) языке государства. К миноритарным языкам не относятся языки, имеющие государственный статус на уровне всего государства, языки иммигрантов и языки народов, которые не имеют исторической закреплённости за определенной территорией данного государства.

В данной работе предлагается анализ развития языковых ситуаций в РЮС с привлечением данных по шорскому языку. Вначале не предполагалось привлекать алтайский материал, остановившись на анализе языкового материала двух республик – Хакасия и Тыва. Однако без учета данных по Республике Алтай оказалось трудно проводить сопоставление и строить социолингвистическую типологию Южно-Сибирского региона. Поэтому часть классификационных моделей конструируется с участием алтайских компонентов языковой ситуации. Многие вопросы, связанные с историческими аспектами развития языков и языковых ситуаций в РЮС, были представлены в монографии «Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири» [Боргоякова, 2002]. В данной работе мы не останавливаемся на них, но для сравнения полученных новых данных ссылаемся на приведенный там материал.

Представленная монография состоит из введения, пяти глав и заключения. Первые четыре главы, подготовленные Т. Г. Боргояковой при поддержке гранта РГНФ (Проект № 12-04-00112), были доработаны с учетом изменений, произошедших в последние годы. Пятая глава написана А. В. Гусейновой на основе положений ее кандидатской диссертации «Динамика языковой ситуации в Республике Хакасия», успешно защищенной в 2014 году.

Более пристальное внимание к языковой ситуации в РХ можно объяснить наличием достаточного количества социолингвистических исследований и публикаций, позволяющих оценить динамику и перспективы языковой политики и языкового планирования в этой республике, начиная с 2001 года. Мы надеемся, что наше исследование внесет вклад в уточнение и прогнозирование современного социолингвистического профиля РЮС, в развитие социолингвистики, в которой постулируется представление о языке как «социальной архитектуре», выводящее на характеристику вопросов языковой политики, языкового планирования и социальной справедливости.

ГЛАВА 1. ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕСПУБЛИК ЮЖНОЙ СИБИРИ

Миноритарные тюркские языки Южной Сибири представлены традиционными для данного ареала, преимущественно младописьменными языками (алтайским, тувинским, хакасским, шорским и др.), которые функционируют в соответствующих территориально-административных и социально-коммуникативных пространствах. В соответствии с федеральным и региональным языковым законодательством (конституции РФ и республик, федеральный и республиканские законы о языках) с начала 1990-х гг. алтайский, тувинский и хакасский языки имеют статус государственных на территории соответствующих республик в дополнение к общегосударственному русскому языку

Шорский язык активно развивался в рамках созданного в 1927 г. Горно-Шорского национального района, в котором шорцы составляли около 70 % населения с компактным характером проживания. В 1939 году автономия была упразднена с разделением на три административных района – Таштагольский, Кузедеевский и Мысковский [Кимеев, 2012, с. 40]. Принятое решение, продиктованное приоритетами экономического развития региона, оказало отрицательное влияние на развитие шорского этноса и его языка, который лидирует в отрицательной динамике демографической и коммуникативной мощности в сравнении с другими тюркскими языками Южной Сибири.

1.1. Автономии тюркских народов республик Южной Сибири

Юридический статус автономии предполагает возможность осуществления самоуправления этнической группы, проживающей в составе многонационального государства, в том числе в вопросах языковой политики. Степень реального самоуправления различается в зависимости от типа государственного устройства и других факторов исторического и политического характера. В соответствии со своей Конституцией Российская Федерация является демократическим федеративным правовым государством, в котором ее многонациональный народ выступает единственным источником власти и носителем суверенитета. Субъекты РФ

выделены по территориальному принципу – края, области, города федерального значения, и по национальному – республики, автономные области, автономные округа.

Республики (государства) имеют свои конституции и законодательство. К республикам Южной Сибири относятся: Алтай (РА), Тыва (РТ) и Хакасия (РХ). Республики имеют общие внутренние границы. В двух из них проходит также и внешняя государственная граница РФ: с Монголией – в республиках Алтай и Тыва, с Китаем и Казахстаном – в Республике Алтай. Кроме того, республики граничат с другими субъектами РФ: РА – с Алтайским краем и Кемеровской областью; РТ – с Республикой Бурятия, Иркутской областью и Красноярским краем и РХ – с Красноярским краем и Кемеровской областью. Все они получили современный статус республик в составе РФ в начале 1990-х гг. Это, несомненно, оказало позитивное влияние на возрождение и развитие языков их титульных народов. К этому времени они подверглись ассимиляции разной степени, которая зависела от времени вхождения в состав России и функционирования их языков в условиях советской политической системы и языковой политики.

Коренные народы Хакасии и Алтая вошли в состав Российской империи в первой половине и середине XVIII века соответственно. Этому предшествовал длительный период постепенного завоевания обширных территорий народов Сибири в XVII веке. Попытки создания национальной автономии в виде Тюркской советской республики, объединяющей территорию алтайцев, хакасов, шорцев и тувинцев, в 1917–1918 гг. не были поддержаны. Однако впоследствии алтайцы, хакасы и шорцы получили отдельные автономии разного уровня в составе РСФСР, созданной в 1918 г. Тува вошла в состав России на два столетия позднее – в 1944 г., имея протекторат России с 1914 г., но получив ранг автономной республики через 20 лет после вхождения в состав РСФСР.

Автономии народов Южной Сибири в составе РСФСР относились к разным уровням советской системы объединения ее народов, заложенной большевистским правительством. Для него создание теории и практики федеративных отношений было важным с учетом собственных утверждений о Российской империи как тюрьме народов, которое, несомненно, следует рассматривать и как средство в политической борьбе того времени [Абдулатипов, Болтенкова, 1994].

Ниже в таблице 1 представлены данные, отражающие время вхождения четырех современных этносов Южной Сибири в состав Российского государства, получение ими разных видов автономии и изменения в их статусах вплоть до современного вида, закрепленного в Конституции РФ и конституциях республик.

Таблица 1

Хронология присоединения и видов автономий народов РЮС

Народы	Присоединение к России	Автономии в составе России*
Алтайцы	1756	1922 – АО, 1991 – Р
Тувинцы	1944	1944 – АО, 1962 – АР 1994 – Р
Хакасы	1707	1923 – уезд, 1925 – округ 1930 – АО, 1991 – Р
Шорцы		1927–1939 – НР

* АО – автономная область, АР – автономная республика, Р – республика, НР – национальный район.

Территория Горного Алтая вошла в состав России в 1756 году и была отнесена к Бийскому округу, с 1898 года – к Бийскому уезду Томской губернии. В 1917 г. из Томской губернии была выделена Алтайская губерния в составе 6 уездов. Горный Алтай не получил в ней национальной автономии и вошел в состав Бийского уезда. Но в 1922 г. алтайский народ первым добился создания автономии в виде Ойротской автономной области, которая «самостоятельно существовала всего три года» [Тюхтенев, 2012]. В 1925 г. она была включена в состав Сибирского края, а с 1930 года находилась в составе Западно-Сибирского края. В 1948 г. произошло переименование ее в Горно-Алтайскую автономную область в составе Алтайского края, выделенного в 1937 г. из разделенного Сибирского края. В 1991 г. была образована Горно-Алтайская ССР, с 1992 г. принято современное название – Республика Алтай (РА) [Справка...; Агеева, 2000, с. 43].

Тува имела протекторат Российского государства (с присвоением ее столице имени Белоцарск) за три десятилетия до вхождения в состав Советского государства в 1944 г. До этого с 1921 г. существовала Народная Республика Танна-Тува и Тувинская Народная Республика (1921–1944). Полученный при вхождении статус автономной области был повышен в 1962 до автономной республики. Несомненно, этому способствовали не только история взаимоотношений русского и тувинского народов в XX в., но и географическое положение, размер территории и численность коренного населения. В начале 1990-х годов она получила статус республики в составе РФ и современное название – Республика Тыва.

Население и территория Хакасии после присоединения к России в 1707 г. были разделены между Кузнецким, Томским и Красноярским уездами. Разделение оказало негативное влияние на процессы этнической и языковой консолидации. Первая автономия в виде Хакасского уезда [см. об этом: Боргоякова, 2002] была создана в 1922 г. с центром в Хакасске. Его преобразование в Хакасский округ произошло в 1925 г. с последующим созданием в 1930 г. Хакасской автономной области в составе Запад-

но-Сибирского края, а в 1934 году – в составе образованного Красноярского края. В 1991 г. Хакасия приобрела статус национально-государственного образования – республики, пройдя на этом пути практически все возможные виды автономий.

1.2. Пространственные и демографические особенности размещения народов республик Южной Сибири

Современная территориальная и этнодемографическая характеристика республик Южной Сибири представлена в таблице 2, составленной по данным официального сайта Сибирского федерального округа.

Таблица 2

Территориальная и демографическая характеристика республик Южной Сибири

Республики	Территория (тыс. км ²)	Население республик (тыс. чел.)	Жителей на 1 км ²	Городское население (в %)	Сельское население (в %)
Алтай	92,6	206,2	2,2	26,4	73,6
Тыва	170,5	307,9	1,8	51,5	48,5
Хакасия	61,9	532,4	8,6	70,8	29,2

РЮС занимают площадь размером 325 тысяч км², на которой проживает 1 млн. 465 тыс. человек при средней плотности населения 12,6 жителей на 1 км². По размеру занимаемой территории лидирует РТ с самой низкой в Сибирском Федеральном округе плотностью населения – 1,8 человека на 1 км², с небольшим превышением половины населения городскими жителями. Самый низкий показатель урбанизации характерен для РА, в которой горожане занимают менее трети населения республики. РХ лидирует как по количеству общего населения и доле горожан, так и по плотности населения, что объясняется более высоким уровнем промышленного и транспортного ее развития среди РЮС и меньшей территорией. Сравнение показателей численности населения в РЮС в промежутке, охватывающем постсоветский период, показывает небольшое увеличение населения (на 1,2 тысяч человек) в РА. В РТ и РХ снижение общей численности населения составило 2,1 и 45,6 тысяч человек соответственно. Плотность населения осталась неизменной в РА и РТ и уменьшилась в РХ на 0,7 человек.

1.3. Развитие этнодемографической структуры населения республик Южной Сибири

Для изучения социолингвистических процессов в полиэтнических регионах важным параметром является демографическая мощность (ДМ) языков, измеряемая количеством народа и его долей в структуре населения автономии. Изменения в демографических характеристиках титульных народов (ТН) РЮС представлены в таблице 3, составленной по данным Всесоюзной (1989 г.) и двух Всероссийских переписей населения (2002 и 2010 гг.).

Таблица 3

Динамика численности титульных народов РЮС

	Алтайцы*			Тувинцы			Хакасы		
	1989	2002	2010	1989	2002	2010	1989	2002	2010
Величина этноса в РФ (тыс. чел.)	70,8	67,2	74,2	206,2	243,4	263,9	79,0	76,0	73,0
Величина этноса в республике (тыс. чел.)	59,1	62,2	68,8	198,4	235,3	249,3	63,0	65,4	63,6
Доля этноса в структуре населения республики (в %)	31	33,3	33,9	64,3	77,0	82,0	11,1	12,0	12,1

Примечание. * Данные по алтайцам приведены без учета включения всех субэтносов в состав единого алтайского народа (см. об этом ниже).

Как видно из таблицы, наиболее динамичным в приведенном временном отрезке оказался количественный рост тувинского народа (22 %), преодолевшего рубеж в четверть миллиона человек, с увеличением его доли в составе населения республики до самого высокого показателя (82 %) среди республик Российской Федерации. Количественный рост алтайцев за этот период составил 15 %. Снижение показателей, произошедшее в 2002 г., можно объяснить выходом в 2001 г. постановления Правительства РФ, утвердившего «Единый перечень коренных малочисленных народов РФ», с включением в него четырех алтайских субэтносов (кумандинцы, теленгиты, тубалары и челканцы). Получение статуса самостоятельных коренных народов носителями диалектов алтайского языка привело к дезинтеграционным явлениям в республике [см. об этом: Баскаков, 2000, с. 64; Озонова, Тазранова, 2001, с. 248–249; Насилов, 2002, с. 55; Боргоякова, 2002, с. 98–104]. Важную роль в решении возникшей проблемы сыграла научно-практическая конференция «Единство этнического разнообразия — основа устойчивого развития Республики Алтай», которая состоялась в 2009 г. Оценивая результаты этого форума,

И. И. Белеков, Председатель Эл-Курултая – парламента РА, отметил, что «конференция достигла своих целей: алтайский народ сохранил свое единство, более того, он вырос в численном отношении...». Он также подчеркнул, что в достижении консенсуса участвовали «представители всех этнических и субэтнических групп Алтая, подтвердивших в ходе переписи, что они составляют единый алтайский народ» [Итоги переписи ..., 2011 г.]. Однако в итогах последней переписи указаны алтайцы и ниже все субэтноты с дифференциацией по показателям количества каждой группы. Поэтому необходимы арифметические подсчеты для определения размера единого алтайского народа, который в итоге составляет 76 528 человек или 37,6 %. С учетом казахской диаспоры (6,2 %) доля тюркского компонента в РА составляет сегодня 43,8 %.

Численная динамика хакасов оказалась отрицательной – с сокращением за тот же период времени на 8 %. К 2010 г. они впервые уступили алтайцам по величине коренного этноса в РФ. Следует отметить, что доля хакасов, проживающих за пределами своей республики, всегда была более высокой среди ТН РЮС, составляя 14 % и 13 % в 1989 и 2010 гг. соответственно. Доли алтайцев и тувинцев за пределами своих республик в 2010 г. составили менее 10 %.

Сравнение этнодемографических показателей Всероссийской переписи населения 2010 г. с итогами переписи 1989 г., в части количества титульного этноса в соответствующей республике и его доли в структуре ее населения, выявляет увеличение титульного этноса в РТ на 50,9 тысячи человек и его доли в структуре населения республики на 17,7 %. Увеличение количества алтайцев в РА составило 9,7 тысячи человек и их доля в составе жителей республики поднялась на 2,9 %. Позитивная динамика этих данных по РХ составляет 0,6 тысячи человек и 1 % соответственно.

По этническому составу населения Хакасия остается автономией, сравнимой с Российской Федерацией в целом, в которой более 80 % населения составляют русские, на втором месте по численности – тюркоязычные народы. В Республике Хакасия, согласно данным переписи населения 2010 г., русские составляют 81,7 %, хакасы – 12,1 %, немцы и украинцы – по 1 %.

Данные в разрезе этнической принадлежности жителей Хакасии представлены в таблице 4.

По сравнению с данными переписи населения 2002 г. произошло общее сокращение населения РХ, затронувшее практически все основные этнические группы, кроме шорцев, в числе которых произошло увеличение на 72 человека.

В Республике Тыва, по данным Всероссийской переписи населения 2010 года, проживало 87 национальностей и народностей (в 2002 году – 112 национальностей). Наиболее многочисленными в республике являются тувинцы и русские (249,3 и 49,4 тыс. человек соответственно).

В общей численности населения доля тувинцев составила 82,0 %, русских – 16,3 % (в 2002 году 77,0 % и 20,1 % соответственно) и другие национальности – 1,7 %.

Таблица 4

**Национальный состав населения РХ
(по данным переписей 2010 и 2002 гг.)**

	2010		2002	
	Количество (чел)	Доля %	Количество (чел.)	Доля %
Русские	427647	81,7	438395	80,3
Хакасы	63643	12,1	65421	12
Немцы	5976	1,1	9161	1,7
Украинцы	5039	1	8360	1,5
Татары	3095	0,6	4001	0,7
Шорцы	1150	0,2	1078	0,2
Другие	17164	3,3	19502	3,6

Количество тувинцев за межпереписной период – с 2002 по 2010 гг. – увеличилось на 14,0 тыс. человек или на 5,9 %. В городской местности численность тувинцев увеличилась на 15,1 тыс. человек, при одновременном снижении в сельской местности на 1,1 тыс. человек. Численность русских за период с 2002 по 2010 гг. сократилась на 12,0 тыс. человек или на 19,5 %, в том числе в городской местности – на 9,8 тыс. человек (на 20,0 %), в сельской – на 2,2 тыс. человек (на 17,6 %).

Таблица 5

**Динамика численности населения наиболее многочисленных
национальностей Республики Тыва (чел.)**

По данным переписей населения	Тувинцы	Русские
1970 год	135306	88385
1979 год	161888	96793
1989 год	198448	98831
2002 год	235313	61442
2010 год	249299	49434

Численность населения других национальностей, проживающих в РТ, составила по итогам последней переписи 5124 человек (в 2002 г. – 8 759 человек). В 2010 г., по сравнению с 2002 г., отмечено сокращение украинцев на 40,7 %, татар на 39,7 %, бурят на 28,2 %, хакасов на 28,1 %, при одновременном увеличении числа лиц таких национальностей, как узбеки (на 57,1 %), киргизы (на 7,5 %) и армяне (на 2,4 %). Как и при переписи 2002 года, одиннадцать муниципальных районов республики являются мононациональными, на их территориях проживает более 99 % тувинцев.

По данным статистического управления РТ, основная часть русского населения проживает в центральных районах республики (Каа-Хемском, Кызылском, Пий-Хемском и Тандинском) и в г. Кызыле, но и здесь отмечено сокращение его численности. За межпереписной период 2002–2010 гг. численность русских сократилась в Каа-Хемском кожууне на 860 человек (в 2002 году проживало 5 042 чел.), в Кызылском кожууне – на 632 чел. (в 2002 году – 6 173 чел.), в Пий-Хемском – на 980 чел. (в 2002 году – 3 891 чел.), в Тандинском – на 711 чел. (в 2002 году проживало 3 364 чел.). В г. Кызыле численность русских сократилась за 2002–2010 гг. на 7 648 чел. (в 2002 году было 38 036 чел.).

В Республике Алтай наиболее многочисленные национальности представлены русскими, алтайцами и казахами. В соответствии с принятым в 2009 г. решением о единстве алтайского народа с целью консолидации всех его субэтносов [Итоги переписи..., 2011], часть алтайских подгрупп была отнесена к группе алтайцев, что нашло отражение в графическом представлении национальной структуры населения РА, представленном ниже в таблице 6.

Таблица 6

**Национальный состав населения РА
(по данным переписей 2010 и 2002 гг.)**

	2010 г.		2002 г.	
	Количество (чел.)	Доля %	Количество (чел.)	Доля %
Русские	114802	56,6	116510	57,5
Алтайцы	68814	33,9	66923	33,0
Теленгиты	3648	1,8	2368	1,2
Тубалары	1891	0,9	1533	0,8
Челканцы	1113	0,5	830	0,4
Казахи	12524	6,2	12108	6,0
Украинцы	1010	0,5	1437	0,7
Кумандинцы	1062	0,5	931	0,5
Немцы	700	0,4	903	0,4
Другие	3824	1,9	3747	1,9

Национальный состав населения трех южно-сибирских республик претерпел наиболее значительные изменения в 60–80-е годы XX века под воздействием их промышленного освоения и миграционных процессов. Наиболее активные внешние миграционные потоки приходились на Хакасию в связи со строительством предприятий Саянского территориально-производственного комплекса. Поэтому численность населения здесь росла в основном за счет миграции русских. За период с 1939 по 1979 год их доля в составе населения повысилась с 75,7 до 79,5 %. За этот же период удельный вес хакасов понизился с 16,2 до 11,5 %. Данное соотношение изменилось к настоящему времени с увеличением доли русских и хакасов до 81,7 % и 12,1 % соответственно (см. табл. 4).

Тенденции формирования национального состава населения в Горном Алтае и Тыве определялись менее стремительными темпами индустриального освоения, внешней миграции и более быстрым ростом численности коренных народов, что нашло отражение в данных приведенных выше таблиц.

1.4. Динамика сельского и городского типа расселения среди титульных народов республик Южной Сибири

Признанным важным фактором, влияющим на жизнеспособность языка и на его демографическую мощность, является соотношение и динамика удельного веса сельского и городского населения носителей языка. Таблица 7 представляет информацию об изменениях в характере расселения ТН РЮС в межпереписном периоде 1989–2010 гг.

Таблица 7

Динамика соотношения городского и сельского населения ТН в РЮС (в %)

Народы	Городское население		Сельское население	
	1989 г.	2010 г.	1989 г.	2010 г.
Все народы РФ	73,4	73,3	26,6	26,7
Алтайцы	10,5	22,8	89,5	77,2
Тувинцы	29,9	49	70,1	51
Хакасы	35,6	43,3	64,4	56,7

Сравнение данных, приведенных в таблице, выявило существенное различие ТН РЮС по степени урбанизации. В целом в республиках продолжает преобладать сельский тип расселения коренных этносов, что относится к благоприятным факторам сохранности миноритарных языков. По этому показателю достаточно устойчивыми представляются позиции алтайского языка и его диалектов, так как на Алтае 77,2 % коренного населения проживает в сельской местности. Среди носителей хакасского и тувинского языков в соответствующих республиках сельскими жителями являются 56,7 % и 51 %. В то же время за два последних десятилетия во всех РЮС произошел рост городского населения среди ТН. Сравнение темпов их урбанизации показывает, что на первом месте находятся тувинцы со значительным увеличением городского населения – на 19,1 %, на втором месте – алтайцы, у которых количество горожан возросло на 12,3 %, у хакасов рост составил 7,7 %. Доля горожан среди хакасов в РХ составляет 43,3 %, в то время как в среднем по РХ этот показатель значительно выше – 70,8 %.

Однако и в сельской местности хакасы, как правило, проживают дисперсно в этнически смешанных поселениях, что не позволяет говорить о стабильности перспектив активного функционирования хакасского языка на селе. Из всех восьми районов РХ лишь в сельской части Аскизского района имеется численное преобладание хакасов. В целом, по данным переписи 2002 г., хакасы составляли более 20 % лишь в трех южных районах: в Аскизском – 40,6 %, в Бейском – 23,3 % и в Таштыпском – 22,2 %. Наблюдения В. П. Кривоногова над процессами урбанизации среди хакасов показывают, что они предпочитают селиться в наиболее крупных городах республики, в которых происходит увеличение их доли в структуре населения. В последние десятилетия происходит все большая концентрация хакасов в столице республики – городе Абакане. В 1970 г. хакасы составляли там 4,6 %, в 1989 – 8,8 %, в 2002 – 11,2 %, представляя соответственно 43,0 %, 60,2 % и 73,7 % всех городских хакасов [Кривоногов, 2011, с. 19–20].

В двух других республиках разница в соотношении между городским и сельским населением меньше, составляет менее 4 % в РА и 2,5 % в РТ. Характер расселения тувинцев иной – с преобладанием населенных пунктов с тувинским моноэтническим составом. Так, по данным, приведенным на сайте Госкомстата по РТ, одиннадцать муниципальных районов республики являются мононациональными, на их территориях проживает более 99 % тувинцев.

По мнению специалистов, преобладание преимущественно сельского типа расселения приводит также «к более низкому, чем у других национальностей, и, прежде всего у русских, социальному статусу национального языка и меньшей языковой компетенции» его носителей [Кривоногов, 1997]. Однако, данный вывод представляется справедливым при низкой концентрации малочисленного этноса в иноязычном окружении сельских населенных пунктов. В Тыве, например, преимущественно сельский тип проживания в монолингвальном тувинском окружении не снижает языковую компетенцию носителей тувинского языка.

Таким образом, с точки зрения демографической мощности языков, сосуществующих в РЮС, можно выделить два типа языковых ситуаций (ЯС): 1) устойчивая (РТ), 2) относительно устойчивая (РА), 3) неустойчивая (РХ). К первому типу относится ЯС в Республике Тыва, где по численности населения доминирует тувинский этнос (82 %) с хорошим уровнем языковой компетенции на родном языке. Демографическая неравновесность в пользу миноритарного языка служит гарантом его функциональной устойчивости. Ко второму типу относится ЯС в Республике Алтай, где процент населения, говорящего на русском языке, больше говорящих на алтайском языке, и по численности населения преобладают этнические русские (56,6 %), но алтайский этнос составляет третью часть населения республики (37,6 %) и с учетом казахского населения (6,2 %)

тюркский языковой компонент становится значительным, составляя 43,8 %, и может оказывать существенное влияние на развитие коммуникативной устойчивости алтайского языка в условиях асимметричного билингвизма. Неустойчивость ЯС в Республике Хакасия объясняется демографической неравновесностью ее государственных языков с доминированием русского языка в ситуации, когда хакасы составляют 12 % населения республики, при снижении коммуникативного веса хакасского языка.

Носители тувинского языка представляют наибольшую по величине этническую группу и размещены на самой большой территории при минимальной плотности населения, образуя большинство населения республики. В РХ, занимающей наименьшую территорию, сосредоточено самое большое количество жителей с максимальной плотностью населения. Хакасы составляют минимальный удельный вес в составе населения республики.

ГЛАВА 2. ДИНАМИКА ЯЗЫКОВОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Следующий параметр оценки языковой ситуации – динамика языковой лояльности. Этот термин трактуется исследователями двояко. Со стороны этнического меньшинства языковая лояльность – «совокупность внутренних оценок членов языкового коллектива коммуникативной пригодности и престижности языка своего этноса, которая определяет степень их приверженности к данному языку. Я.л. проявляется, в частности, в признании родным своего этнического языка, в выборе его в качестве языка обучения, языка общения» [ССТ, 2006, с. 261–262]. Второе значение этого термина – то же, что и языковая терпимость или языковая толерантность, то есть «уважительное отношение со стороны численно или социально доминирующего на какой-л. территории этноса, а также соответствующих властных структур к языкам этнических групп, проживающих на той же территории» [ССТ, 2006, с. 267]. Следовательно языковая ситуация зависит от лояльности общества к родным и неродным языкам, функционирующим на данной территории.

2.1. Языковая лояльность тюркских народов республик Южной Сибири

Сравнительные данные о языковой лояльности и языковой компетенции ТН РЮС приведены ниже в таблице 8.

Таблица 8

Показатели языковой лояльности ТН РЮС

	Алтайцы			Тувинцы			Хакасы		
	1989	2002	2010	1989	2002	2010	1989	2002	2010
Количество говорящих на родном языке в РФ (тыс. чел.)	61,7	65,5	55,7	204,4	242,8	253,7	63,2	52,2	42,6
Доля говорящих на родном языке (в %)	88,9	97,5	75,1	99,0	99,8	96,1	80,5	69	57,6

В целом, как видно из таблицы, отрицательная динамика языковой лояльности, выраженная в признании этнических языков родными языками (данные 1989 г.) и говорящих на нем (данные 2002 и 2010 гг.), наблюдается у всех ТН РЮС. Сокращение данных показателей за два десятилетия составило среди хакасов 18 %, среди алтайцев – 15 % и среди тувинцев – 3 %. Рост языковой лояльности отмечается только в первое десятилетие: у алтайцев на 8,6 % и у тувинцев на 0,8 %, причем у тувинцев данный показатель приблизился практически к 100 %. Высокий уровень падения доли говорящих на алтайском языке в 2010 г., возможно, в какой-то степени связан и с упомянутым выше возвращением в состав алтайского народа группы его субэтнотосов с высоким уровнем языковой ассимиляции. Однако сокращение доли говорящих на родном языке на 22,4 % за 8 лет является весьма тревожным индикатором развития языковой лояльности алтайцев. Тем не менее, доля алтайцев, говорящих на родном языке, на 17,5 % выше аналогичных хакасских показателей, постепенное снижение которых составляет по 11 % в 2002 и 2010 гг., достигнув 57,6 %. В РТ стабильный рост количества говорящих на родном языке (20 %) объясняется соответствующим ростом количества тувинского населения. Однако доля лиц, владеющих тувинским языком, сократилась на 3,7 % за период между двумя последними переписями. Таким образом, типология демографической мощности (ДМ) титульных языков РЮС, измеряемая нами с учетом уточнений В. Ю. Михальченко не только числом говорящих на этом языке в отношении к общему числу населения исследуемого ареала, но и по отношению ко всей группе носителей языка [Михальченко, 2010], представлена тремя возможными уровнями: высоким, средним и низким. Этот важный параметр оказывается определяющим для функциональной мощности трех языков РЮС.

Приведенные данные подтверждают также прямую зависимость языковой лояльности ТН РЮС от стартовых условий запуска новых принципов языковой политики в РФ. Данная зависимость становится очевидной, если обратиться таблице 9, составленной также на базе результатов переписей населения.

Таблица 9

Динамика снижения языковой лояльности ТН РЮС

	Тувинцы	Алтайцы	Хакасы
Не признали язык своего этноса родным в 1989 г	1 %	10 %	20 %
Не владели родным языком в 2002 г.	0,5 %	2,5 %	31 %
Не владели родным языком в 2010 г.	3,9 %	24,9 %	42,4 %

Можно говорить о неточности приведенных данных, связанной с субъективным характером ответов, полученных в ходе переписей. Осо-

бенно это касается результатов последней советской переписи 1989 г., когда предлагался вопрос о родном языке, замененный в последующих переписях на вопрос о владении языком. Однако в целом представленная таблица демонстрирует разную степень снижения языковой лояльности в пропорциях, закономерно коррелирующих с уровнем языковой ассимиляции их носителей к моменту повышения статуса языков и разработки нового языкового законодательства. Представленная динамика языковой лояльности может служить своеобразным рейтингом витальности языков ТН РЮС, подтверждая тезис о том, что «чем сильнее выражена утрата этнического языка, тем быстрее идет снижение языковой лояльности» [Беликов, Крысин, 2001, с. 412]. В. П. Кривоногов, комментируя результаты массовых опросов, проведенных в Хакасии в 2008–2009 годах, согласно которым произошло увеличение до 43 % доли русскоязычных хакасов, т.е. «хакасов с родным русским языком», справедливо называет это «одним из самых грустных результатов массового опроса» [Кривоногов, 2011, с. 131]. Отмечая разительность изменений, произошедших за 30 лет, он приводит доказательства того, что основы этих негативных языковых процессов, проявившиеся среди взрослого населения в начале XXI века, были заложены еще в 1970-е годы. Отмеченный исследователем переход хакасов и русских от пограничного типа расселения к смешанному в пределах одних и тех же населенных пунктов [Кривоногов, 2011, с. 42], несомненно, способствует укреплению позиций русского языка с учетом асимметричного типа хакасско-русского билингвизма. По данным 2002 г., только в трех из 8 районов Хакасии коренные жители составляют более 20 %: Аскизском – 47,5, Таштыпском – 22,4 % и Бейском – 20,3 %. Хакасский является основным разговорным языком для более 50 % жителей только в тех населенных пунктах, в которых доля хакаского населения составляет свыше 80 %.

В. П. Кривоногов, детально рассмотрев языковые стратегии народа в зависимости от места проживания и его национального состава, возраста его представителей и родного языка, резюмирует свой вывод следующим образом: «...именно национальный состав диктует языковое поведение». Следовательно, дифференциация по показателю языковой лояльности хакасов коррелирует с динамикой их доли в структуре населения районов и населенных пунктов республики.

2.2. Этнический аспект дифференциации языковой лояльности

Языковая лояльность русскоязычных респондентов в РХ отличается от показателей хакасских респондентов и зависит от места их проживания. Данные социолингвистических опросов, проведенных в 2012 и 2013

годах, позволили выявить заметно более низкий уровень языковой лояльности и толерантности сельских респондентов в сравнении с респондентами г. Абакана [Гусейнова, 2012, с. 78]. Так, например, почти 40 % респондентов Орджоникидзевского района РХ отказывают хакасским детям в возможности изучать хакасский язык, что свидетельствует о реально существующей проблеме межэтнической интолерантности, которая была выявлена в ходе анонимного опроса 548 жителей района. Автор объясняет выявленную разницу «менее заметным присутствием хакаского этноса в районе» в отличие от столицы республики, где существует значительное количество двуязычных вывесок и объявлений, более широкий доступ к хакасскоязычным СМИ и культурным мероприятиям, способствующим большей информированности о языке и культуре хакасов.

Следует отметить, что итоги других социолингвистических опросов, проведенных в Республике Хакасия в последние годы, выявили значительно более высокий уровень толерантности в данном вопросе, близкий к результатам, приведенным выше по г. Абакану. Так, например, по результатам исследования языковой толерантности населения Хакасии с помощью Интернет-опроса в социальных сетях (Facebook, Twitter, Vkontakte) в 2013 г. было получено 90 % позитивных ответов 110 респондентов русской, хакасской и иной национальностей, считающих, что хакасские дети должны иметь возможность получать образование на хакасском языке, что, по мнению автора, является проявлением межкультурной солидарности и отсутствия антагонизма в обществе по отношению к языку коренного населения [Владимирова, 2014, с. 119].

Можно сделать предварительный вывод о том, что уровень межэтнической толерантности русских респондентов Хакасии определяется также и уровнем образования, кругозора, общей культуры респондентов, который оказался выше у городских жителей столицы республики.

В рамках социолингвистических исследований в 2012–2013 годах были рассмотрены и другие аспекты языковой лояльности. Например, в 2012 году анкетирование было проведено среди представителей русской и хакасской молодежи в возрасте от 17 до 30 лет, в котором приняли участие 103 человека. На вопрос: «Как Вы думаете, все ли хакасы владеют хакасским языком?» – отрицательный ответ был получен от 76 % русских респондентов и 90 % хакасских. Причины незнания хакасами родного языка также имеют различия. По мнению русских респондентов, главной из них является «нежелание изучать родной язык», затем «преобладание русского языка и русского населения», а также то, что «на нём не разговаривают в семье», «он не преподаётся». Хакасские респонденты видят главную причину именно в том, что «язык не преподаётся», затем следует указание на «преобладание русского языка» и «нежелание изучать родной язык». Далее респондентам было задано несколько вопросов,

также выявляющих характер языковой лояльности в разрезе этнической принадлежности. Так, на вопрос: «Если бы в вашей школе началось преподавание хакасского языка, хотели бы Вы, чтобы Ваши дети посещали этот предмет?» – все хакасские респонденты ответили положительно, а в группе русских респондентов положительных ответов было всего 21,5 %. На вопрос: «Стоит ли сделать изучение хакасского языка обязательным для всего населения Республики Хакасия?» – отрицательно ответило 90 % русских и 65 % хакасов.

На вопросы: «Думали ли Вы когда-нибудь изучать хакасский язык?» и «Было бы для Вас интересно изучать хакасский язык?» – положительный ответ был получен от 21,5 % и 18 % русских респондентов соответственно, а среди хакасских респондентов только 5 % указали, что не интересуются хакасским языком и никогда не думали его изучать.

Выявленная разница во мнениях свидетельствует о том, что хакасские респонденты имеют более высокий уровень заинтересованности и знаний относительно истинного положения дел в области функционирования хакасского языка и особенностей его преподавания или обучения на нем в системе образования РХ.

В следующем этапе анкетирования приняли участие только хакасские респонденты в возрасте от 14 до 63 лет. Общее количество составило 114 человек, в том числе 33 мужчины и 81 женщина, 34 городских жителя и 72 сельских (8 человек не указали место своего проживания). Отвечая на первый вопрос о родном языке, 77 % респондентов указали, что считают родным хакасский, 18 % – хакасский и русский, 1,7 % – русский, 1,7 % – другой. Примечательно, что 21,5 % из тех, кто назвал родным языком хакасский, и 24 % из тех, кто считает родными хакасский и русский языки, указали, что язык, на котором они начали говорить и говорили, по крайней мере, до шести лет – русский. Это свидетельствует о том, что в данном случае язык признается родным не потому, что человек впервые заговорил на нём, а по этнической принадлежности. Кроме того, изучение хакасского языка в школе для ребенка, выросшего в семье, в которой родители им уже не владели, также является поводом назвать хакасский родным. Так, например, положительный ответ на вопрос: «Изучали ли Вы хакасский язык в школе?» – был получен от 95 % респондентов. Соотношение уровней языковой компетенции участников опроса в разрезе разных форм языковой деятельности на родном языке представлены в таблице 10.

Как видно из представленных материалов, среди перечисленных речевых навыков наибольшее затруднение вызывает говорение. Как ни странно, некоторые респонденты, указавшие, что частично говорят по-хакасски или не говорят совсем, считают, что читают или пишут на нем свободно или хотя бы частично. Очевидно, что речевая деятельность в таких ее видах как, например, письмо понимается респондентами из их

личной школьной практики как пассивная деятельность, а не продуцирование собственных текстов.

Таблица 10

Уровни языковой компетенции хакасских респондентов (%)

	Понимают по-хакасски	Говорят по-хакасски	Читают по-хакасски	Пишут по-хакасски
Свободно	82	78	81,5	85
Частично	16	14	17,5	13
Никак	2	8	1	2

Таким образом, языковая лояльность титульных народов, выраженная долей говорящих на родном языке в РЮС в 2010 г, соответствует следующим уровням: высокий – 96 % тувинцев, средний – 75,1 алтайцев, низкий – 57,6 хакасов. Очевидной является ее корреляция как с демографической мощностью языков, так и со стартовыми условиями запуска новых принципов языковой политики в РФ в начале 90-х годов прошлого столетия, к которым следует отнести коммуникативную мощность языков и уровень языковой ассимиляции в соответствующих республиках. Выявленная динамика языковой лояльности служит своеобразным рейтинговым прогнозом витальности языков ТН РЮС в XXI веке, подтверждая корреляцию между утратой родного языка и динамикой снижения языковой лояльности: императив коммуникативного поведения билингов, принадлежащих к титульным этносам РЮС, во многом определяется этническим составом и способом расселения коренного населения республик.

Существенное значение имеет законодательное регулирование функционирования языков и эффективность его применения для сохранения и развития языков народов РФ.

ГЛАВА 3. ЯЗЫКОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИК ЮЖНОЙ СИБИРИ

Среди политических инструментов, влияющих на развитие языковой ситуации, важное место принадлежит языковой политике, проводимой государством. Ее регулирование происходит на соответствующих уровнях языкового законодательства, которое является частью более широкого раздела юриспруденции – законодательства об этнических меньшинствах [см. об этом: Боргоякова, 2011]. Растущее применение принципов мультикультурализма в законодательной сфере способно сократить проблемы в сфере межэтнических отношений и расширить коммуникативные возможности миноритарных языков. Для этого законодателям следует помнить, что нормотворчество должно исходить из культурного многообразия населения, а не наоборот [Галдия, 2004б]. Государства как субъекты языковой политики разрабатывают комплекс нормативных правовых актов, направленных на регулирование сфер использования языков своих народов с учетом их функциональных особенностей и потребностей этносов. Основные положения языкового законодательства РФ изложены в федеральном законе «О языках народов РФ», принятом в 1991 году. В нем учтены достижения и ошибки языковой политики, проводившейся в СССР, и его положения соответствуют демократическим принципам международного права, направленного на защиту языкового многообразия.

3.1. История правового регулирования языковых отношений в СССР

Наиболее успешными для развития языков народов СССР оказались первые два десятилетия после Октябрьской революции. Советская власть считала преодоление безграмотности важным условием расширения влияния на «массы», руководствуясь словами Ленина о том, что «безграмотный человек стоит вне политики, его сначала нужно научить азбуке» [Ленин, 1967, с. 174]. В эти годы были созданы алфавиты, разработаны основные учебные пособия и лексикографические источники для целого ряда бесписьменных языков, подготовлены кадры учителей и открыты школы с национальными языками обучения. Требование лидеров боль-

шевиков о внимательном отношении к национальным нуждам бывших угнетенных наций оказало существенное влияние на результативность лингвистической поддержки развития миноритарных языков страны в 20–30-е годы.

В то же время достижения в правовой поддержке функционирования языков советских народов являлись минимальными. Е. М. Доровских в своей работе «Право и национальный язык: регулирование языковых отношений в Российской Федерации» отмечает, что Конституция РСФСР 1918 года констатировала многонациональность общества, но не затрагивала вопросы регулирования национально-языковых отношений. В других национальных республиках, возникших на территории бывшей Российской империи, положение было иным. Так, например, в Конституции ССР Грузии 1922 г. грузинский язык был официально закреплён в качестве государственного.

В Договоре об образовании Союза ССР (1923 г.) и в Конституции СССР (1924 г.) из всех сфер официального употребления языков отражены лишь возможность опубликования правовых актов и государственная символика. В конституциях некоторых союзных республик (Белоруссия, Таджикистан) содержалось закрепление языков «преимущественного сношения между государственными органами» или государственных языков (Туркмения), но впоследствии подобные нормы сохранились в конституциях только Кавказских республик – Азербайджана, Армении и Грузии [Доровских, 1996, с. 6–7]. Автор также отмечает наличие нормативного закрепления использования языков в некоторых сферах официального общения в отдельных национальных регионах – в школьном образовании (Якутия, 1922), в делопроизводстве (Узбекистан, 1924), в культуре (Украина, 1927). Что касается РСФСР, то, согласно ее Конституции 1925 года (ст. 13), законодательное закрепление получило право граждан использовать родные языки на съездах, в суде, управлении [Вахтин, Головкин, 2004, с. 182].

Как отмечает Е. М. Доровских, отсутствие правового регулирования языковых отношений и конституционных норм в таких условиях «уже само по себе было способом регулирования языковых отношений». Отсутствие комплексных правовых актов по регулированию языковых отношений было частично восполнено с принятием в период с 1936 по 1937 гг. новых конституций – страны и ее республик. В них содержались нормы об использовании языков в судопроизводстве (ст. 110 Конституции СССР 1936 г.) и гарантии школьного обучения на родном языке (ст. 121 Конституции СССР 1936 г.). Аналогичные нормы содержали и республиканские конституции. Так, например, в Конституции РСФСР 1937 года были предусмотрены гарантии обучения в школах на родном языке (ст. 125), закреплены вопросы употребления языков в сфере судопроизводства (ст. 114). В ней не регламентировалось использование язы-

ков в государственной символике и в сфере опубликования законодательных актов высшего представительного органа государственной власти. Между тем соответствующие положения были предусмотрены в конституциях автономных республик РСФСР [Доровских, 1996, с. 6–7].

Однако все вышеперечисленные правовые акты, как и официальные лозунги о «свободном развитии» и «равноправии» наций и языков уже были скорее декларациями, так как к концу 1930-х гг. в языковой политике Советского государства произошли резкие изменения. В соответствии с Постановлением ЦК ВКП (б) и Совнаркома 1938 года русский язык был введен как обязательный во всех национальных школах страны с 1 класса. В последующие десятилетия советской истории доминирующей становится официальная идеология неизбежности скорого слияния наций и народностей страны в рамках единой общности – советский народ, единственным общим языком которого объективно должен был стать русский язык. Поэтому вопросам изучения русского языка, особенно в национальных автономиях, уделялось все больше внимания. Регулирование нормативной базы происходило через постановления ЦК КПСС и Советов Министров соответствующих республик, которая существенно обновилась в период со второй половины 60-х и по 70-е годы. Однако это практически не отразилось ни на объеме «правового регулирования в сфере языковых отношений, ни на общих тенденциях их развития» [Доровских, 1996, с. 6–7].

Конституция СССР и РСФСР, конституции других союзных и автономных республик, принятые в 1977–1978 гг., сохранили объем правового регулирования в сфере официального функционирования языков без изменений. В то же время в них были расширены права личности в использовании языков. «Впервые была законодательно установлена зависимость полноты осуществления прав граждан различных рас и национальностей от возможности пользоваться родным языком и языками других народов СССР (ст. 36 Конституции СССР 1977 и соответствующие статьи конституций союзных и автономных республик)» [Доровских, 1996, с. 6–7]. Данная конституционная норма устанавливала равенство граждан перед законом независимо как от происхождения, расовой и национальной принадлежности и т.д., так и от языка (ст. 34 Конституции СССР и соответствующие статьи конституций союзных и автономных республик). Однако следует отметить, что правовые гарантии в сфере национально-языковых отношений закреплялись, как и прежде, лишь применительно к праву граждан на образование. Так, например, следующие языковые права получили закрепление в «Основах законодательства СССР и союзных республик о народном образовании»: свобода выбора языка обучения, возможность обучения на родном языке, свобода выбора школы с соответствующим языком обучения, равенство в получении образования независимо не только от соци-

ального положения, расовой и национальной принадлежности и т. д., но и от языка. Перечень языков обучения, тем не менее, не был законодательно закреплён на союзном или республиканском уровне [Доровских, 1996, с. 8–9].

Происходившее определенное развитие конституционно-правового регулирования национально-языковых отношений не соответствовало реальной языковой политике, жестко выталкивающей подавляющее большинство национальных языков в категорию второсортных языков бытового общения, политического декора и фольклорно-показательных мероприятий. Особенно заметные изменения произошли в системе образования. Национальные языки все чаще стали изучаться лишь как предмет (адыгейский, ингушский, кабардино-балкарский, карачаевочеркесский, осетинский), оставались языками обучения только до третьего класса начальной школы (алтайский, марийский, мордовский, удмуртский, хакасский, язык коми). Если в начале 60-х годов обучение в РСФСР велось на 47 языках, то к 1982 году это число сократилось до 17 (см. об этом: Беликов, Крысин, 2001, с. 390–405). Н. Б. Вахтин и Е. В. Головки оценивают языковую политику советского периода 80-х – 90 гг. следующим образом: «Во многих случаях политика русификации была успешной, в том смысле, что предполагаемые ею результаты были достигнуты» [Вахтин, Головки, 2004, с. 184]. Подтверждением служат данные переписи 1989 года, согласно которым 50 % карелов, 30 % башкиров, мордвы, коми, удмуртов и т.д. не считали родными свои этнические языки. За 1970–1985 гг. число не владеющих родными языками среди бурятов, татар, марийцев, якутов и др. увеличилось в два раза [Вахтин, Головки, 2004]. Языковая лояльность в виде признания родным языка своего этноса у народов Южной Сибири составляла: около 50 % у шорцев, 77 % у хакасов и 85 % у алтайцев [см. об этом в главе 2].

Очевидность языковой ассимиляции, представлявшей реальную угрозу большинству языков народов Советского Союза, стала одной из причин его развала. Это подтверждается также тем, что практически во всех странах СНГ первыми законами стали законы о языках, провозгласившие соответствующие титульные языки государственными, относя, таким образом, языковую политику к приоритетным направлениям развития новых государств на постсоветском пространстве.

Россия не была исключением: Закон «О языках народов РСФСР» был принят в 1991 г., раньше Конституции страны (1993 г.). Это было вызвано необходимостью исправления допущенных ошибок в области государственной национальной политики, урегулирования вопроса о государственном языке страны, с одной стороны, и создания правового механизма защиты языков народов России, с другой [см. об этом Алпатов, 2000, с. 217–226; Беликов и Крысин, 2001, с. 332–414; Вахтин, 2001 и др.].

3.2. Языковое законодательство РФ

Закон «О языках народов РСФСР» 1991 г. определил языки народов РСФСР как национальное достояние Российского государства, являющееся историко-культурным наследием и находящееся под защитой государства. Языки признаются важнейшим элементом культуры и основным проявлением национального и личного самосознания. Статья 1 определяет, что законодательство РСФСР о языках состоит из Закона РСФСР о языках народов РСФСР и издаваемых в соответствии с ним иных законодательных актов РСФСР и республик в ее составе. Статья 2 федерального закона предоставляет государственные гарантии языкового суверенитета народам и личности. Подчеркивается, что «никто не вправе навязывать человеку использование того или иного языка помимо его воли, кроме случаев, предусмотренных законодательством РСФСР».

Языковая ситуация РСФСР характеризуется в документе многообразием форм функционирования языков разных народов в различных сферах общения. Традиционной нормой языкового сосуществования в полиэтническом обществе является двуязычие и многоязычие. Указанный закон направлен на создание условий сохранения, равноправного и самобытного развития языков, призван стать основой для правового регулирования этнолингвистических вопросов.

Конституция Российской Федерации (1993 г.) закрепляет основополагающий принцип «равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от ...расы, национальности, языка...» и, развивая этот принцип, прямо запрещает любые формы «ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности» (ст. 19), а также пропаганду «социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства» (ст. 29). Статья 26 следующим образом регламентирует лингвистические права человека: «каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества». В конституции не только регламентируются лингвистические права граждан, но и устанавливается единый государственный язык на всей территории Российской Федерации, что обеспечивает единство системы государственной власти. Государственным языком России стал русский язык (ст. 68) – язык самой многочисленной этнической группы страны, входящий в группу международных языков мира.

Реализация принципа равноправия и самоопределения народов, лежащего в основе федеративного устройства страны, в языковой сфере получила свое закрепление в части 2 статьи 68, по которой республики наделяются правом устанавливать свои государственные языки. Они употребляются в органах государственной власти, органах местного са-

моуправления, государственных учреждениях республик «наряду с государственным языком Российской Федерации». В конституции также устанавливаются и коллективные языковые права других народов России. Всем народам Российской Федерации гарантируется «право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития» (ст. 68, ч. 3).

Принятие языкового законодательства Российской Федерации стало реальным шагом вперед в развитии демократических принципов регулирования национально-языковых отношений в многонациональном государстве. Оно справедливо оценивается и зарубежными специалистами как в целом соответствующее международным стандартам. Лишь положение статьи п. 6 ст. 3 закона о языках народов РФ, запрещающей использование иного алфавита, нежели кириллица, для языков, функционирующих в РФ, квалифицируется как нарушение международных норм. Тем не менее, приемлемость с точки зрения международных требований еще не означает, что законы полностью отвечают местным нуждам и не порождают трудности. К проблемной стороне российского языкового законодательства относится декларирование широких прав свободного выбора и использования языков народов России, применение которых на практике затрудняется отсутствием конкретных регламентаций. Так, например, обобщенно формулируются определения и положения применения прав на использование языков народов России: «с учетом местного населения» (статья 21), или «в необходимых случаях» (статья 16), «в случае необходимости» (статья 15) и т. д. Данная неопределенность часто сохраняется и на уровне республиканского языкового законодательства, отрицательно влияя на практическую деятельность по поддержке местных языков (см. об этом также в подпараграфе 3.3.3.).

Однако в целом разработка и принятие языкового законодательства в начале 90-х годов прошлого столетия, несомненно, оказали позитивное влияние на ситуацию по сохранению языков народов России. Можно согласиться с А. Н. Баскаковым, указывавшим на «очевидную политическую подоплёку федерального законодательства о языках», целями которого «в первую очередь были не столько защита и развитие языков, сколько суверенизация национальных субъектов федерации, повышение общественно-политического статуса титульных народов...» [Баскаков, 2003]. Однако проблемы функционирования языков всегда тесно увязаны с решением и политических вопросов. Поэтому, несмотря на многие слабые стороны нового ФЗ о языках и практики его применения в субъектах РФ, сам факт возникновения языкового законодательства в правовом поле Российского государства стал несомненным достижением, направленным на сохранение этнической культуры народов РФ, базовым компонентом которой является язык.

Уже опыт первого десятилетия реализации этого нового языкового законодательства в республиках Южной Сибири свидетельствовал о том, что законодательное закрепление статуса государственного языка для титульных языков республик послужило импульсом к повышению их социального функционирования, усилению внимания к нему со стороны органов власти, СМИ, общественности, самих носителей языка, увеличению количества изучающих язык детей и взрослых, некоторому улучшению финансирования изданий учебной литературы и других мероприятий, включенных в Программы по сохранению и развитию языков народов республик [см. Боргоякова, 2002]. К аналогичным выводам пришли и исследователи языковых ситуаций в других республиках РФ [см. например: Андреев, 2001, Кондрашкина, 2001].

Следующий этап развития российского языкового законодательства связан с принятием Госдумой в 1998 г. Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О языках народов РСФСР», который, по оценке В. П. Нерознака, «в сущности» стал «его новым вариантом» [Нерознак 2002, 9]. Мы остановимся лишь на одной части важных изменений – тех, что связаны с передачей большинства полномочий по проведению региональной языковой политики на уровень республик РФ. Об этом можно судить по тому факту, что формулировки, предписывавшие сферы и обязательность использования в них государственных языков республик, были заменены на формулировки разрешительного характера [см. например, статьи 12, 13, 16, 23 ФЗ]. Например, если статья 13 в редакции Закона 1991 года гласила, что тексты законов и других правовых актов, принятых законодательными органами республик, «публикуются на их государственных языках и на государственном языке РСФСР...», то закон в новой редакции гласит: «Законы и иные нормативные акты республик наряду с официальным опубликованием на государственном языке РФ *могут* официально публиковаться на государственных языках республик» (Выделено нами – Т. Б.). В статье 13 появляется также новый пункт, устанавливающий, что законы и правовые акты автономных областей и автономных округов официально публикуются на государственном языке РФ. Статья 7 п. 1 в редакции 1991 г. устанавливала, что государственные программы РСФСР и республик в составе РСФСР по сохранению и развитию языков народов РСФСР разрабатываются и реализуются соответствующими органами власти. В измененной редакции «органы государственной власти субъектов РФ *могут* разрабатывать соответствующие региональные целевые программы» (выделено нами – Т. Б.).

Изменения претерпел п. 4 статьи 16 закона, по которому оформление документов, удостоверяющих личность гражданина РФ, записей актов гражданского состояния, трудовых книжек, документов об образовании, военных билетов и других документов наряду с государственным языком

РФ *может* вестись на государственном языке республик (выделено нами – Т. Б.). В первоначальной редакции оформление указанных документов предусматривалось на русском языке и на государственных языках республик.

В то же время следует отметить, что, например, в Республике Хакасия пункт 4 статьи 16 в прежней редакции никогда не был реализован, а пункты 1 и 2 реализованы лишь частично. Поэтому внесенные изменения закрепили существующую практику разного выбора, осуществлявшегося властями республик в плане интенсификации функционирования государственных республиканских языков в некоторых официальных сферах или игнорирования некоторых законодательных предписаний. Прежние и новые разрешительные нормы, связанные с расширением сфер функционирования государственных республиканских языков, были более эффективно использованы в республиках, в которых титульный этнос составляет существенную часть населения, и соответственно имеет представительство во всех ветвях и уровнях власти республик. Это позволяет сохранять основные функции республиканского языка, включая коммуникативную и этническую. При выполнении первой функции действует принцип разделения или софункционирования с государственным языком РФ, который в то же время наделяется статусом и полномочиями государственного языка республики. Ниже мы рассмотрим особенности реализации положений языкового законодательства РФ в РЮС.

3.3. Языковое законодательство в республиках Южной Сибири

3.3.1 Языковое законодательство Республики Тыва

Тыва приняла свой первый закон о языках еще в составе СССР в 1990 г. Он провозгласил тувинский язык государственным языком республики, а русский язык – официальным языком СССР, языком межнационального общения, которому предоставлялось право в полной мере функционировать и использоваться во всех сферах жизни республики и в общении между людьми наравне с государственным языком. Данная разница в определении статуса языков вызывала негативные комментарии о попытках умалить значимость русского языка в РТ. Однако, когда в 2003 году в новом законе «О языках в Республике Тыва» уже два языка – тувинский и русский – получили статус государственных языков республики, прокурор Республики Тыва обратился в Верховный Суд РФ с заявлением о наличии противоречия федеральному законодательству именно в этой части республиканского закона. Он утверждал, что русский язык как государственный язык РФ не может быть государственным языком Рес-

публики Тыва. Верховный Суд РФ постановил, что установление русского языка в качестве государственного языка РФ не предполагает запрета на его использование в качестве государственного языка республик [Определение ВС РФ, 2012]. Закон «О языках в РТ» 2003 г. отменил принятый ранее республиканский закон 1990 г. и закон об изменениях к нему от 1994 г. В него впоследствии вносились изменения (2009, 2010 и 2012 гг.). Последние корректировки были связаны, в том числе, с протестом прокуратуры, поддержанным Верховным Судом РФ, о признании недействующей нормы, предписывающей изучение тувинского и русского языков, начиная с детских дошкольных учреждений, в связи с тем, что языки, на которых ведутся обучение и воспитание в образовательном учреждении, определяются учредителями и (или) уставом образовательного учреждения [Определение ВС РФ, 2012].

Закон «О языках в Республике Тыва» содержит преамбулу, определяющую язык как важнейший компонент и носитель духовной культуры, как основную форму проявления национального и личностного самосознания. В ней подчеркивается, что закон направлен на создание условий для «равноправного и самобытного развития тувинского и русского языков», а республика «способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия». Статусом государственных языков Республики Тыва наделяются тувинский и русский языки. Русскому языку также отводится роль «языка межнационального общения» (ст. 2). К ведению органов государственной власти РТ относится «обеспечение равноправного функционирования тувинского и русского языков как государственных», а также «создание условий для функционирования языков других народов, представители которых компактно проживают на территории РТ» [ст. 5]. В целом в законе предусматривается использование двух государственных языков в 12 случаях из 15 упоминаемых в тексте закона. В нем регулируется деятельность Терминологической комиссии при Правительстве РТ, создаваемой для перевода с русского языка, а также разработки и толкования правовых и иных специальных терминов на тувинском языке, которые после утверждения Правительством подлежат официальному опубликованию и обязательны к применению [ст. 10]. Регламентация использования языков в сфере образования включает право на получение основного общего образования на родном языке, а также выбор языка обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования. Право на получение образования на родном языке обеспечивается созданием необходимого числа соответствующих образовательных учреждений, классов, групп, а также созданием условий для их функционирования. При выборе языка обучения и воспитания в образовательных учреждениях создаются *равные условия* для изучения государственных языков РТ в соответствии с федеральными и республиканскими государственными образовательными стандартами [ст. 7] (Выде-

лено нами – ТБ). Таким образом, необходимость внесения корректировок в республиканское законодательство для приведения его в соответствие с изменениями в российском языковом законодательстве 1998 года привела к появлению нового закона «О языках в Республике Тыва» с отменой предшествующей версии и ее корректировок. Анализ содержания данного закона показывает, что его направленность на обеспечение равноправного функционирования двух государственных языков РТ (тувинского и русского) реализуется в большинстве регламентируемых в законе сфер при корректном в целом разведении функций государственных языков Российской Федерации и Республики Тыва. Особенности этнической структуры населения республики, представленные в первой главе, объясняют минимализм номинации и формулирования условий для функционирования языков «других народов» с оговоркой условия компактного проживания на территории РТ без уточнения их принадлежности к этносам РФ.

Анализ языковой ситуации, проведенный тувинскими лингвистами, позволяет говорить о существующих проблемах в реальном функционировании тувинского языка и о том, что «простое декларирование равноправного применения языков в различных сферах жизни общества без программного, соответствующего научного, кадрового обеспечения, финансирования из бюджетов разных уровней не дало ожидаемых положительных результатов» [Бавуу-Сюрюн, 2010, с. 62].

3.3.2. Языковое законодательство Республики Алтай

Закон «О языках народов, проживающих на территории Республики Алтай» [О языках народов...] был принят в 1993 г. и подвергался изменениям в 2002, 2003, 2011, 2012 и 2013 гг. Он также содержит преамбулу о языках как величайшем духовном наследии многонационального народа РА, которое находится под защитой государства. В законе устанавливаются два государственных языка: алтайский и русский, а также предусматривается использование казахского языка в «официальных сферах общения в местах компактного проживания его носителей». Русский язык также используется как основное средство межнационального общения (ст. 4). В законе гарантируются «развитие алтайско-русского и русско-алтайского двуязычия и многоязычия», поддержка «стремления граждан к изучению других языков», «проведение научно обоснованной политики в изучении диалектов алтайского языка, в развитии литературного алтайского языка» (ст. 3), провозглашаются «равные возможности для сохранения, изучения и развития всех языков народов РФ, проживающих на территории РА» (ст. 2). Использование обоих государственных языков предусматривается в 11 регулируемых законом случаях.

В нем также предусматривается деятельность Терминологической комиссии, но ее функции сведены к разработке только правовых терминов алтайского языка, которые после утверждения Правительством РА становятся обязательными в официальной сфере общения (ст. 11).

Возможность изучения алтайского языка носит разрешительный характер: преподавание и изучение алтайского языка *может* вводиться в рамках имеющих государственную аккредитацию образовательных программ, в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами (выделено нами – Т. Б.). Отмечается, что оно «не должно осуществляться в ущерб преподаванию и изучению государственного языка Российской Федерации» (ст. 18). В марте 2014 г. Курултай алтайского народа принял резолюцию о необходимости изучения алтайского языка всеми школьниками республики. С протестом выступила общественная организация РА «Русский центр», которая считает, что это приведет к дестабилизации межэтнического мира и к ликвидации статуса республики [«Русский центр», 2011]. Следует отметить, что обязательность изучения алтайского языка хотя бы алтайскими детьми, предложенная в начале 2000-х годов, была опротестована прокуратурой РА, как нарушение прав детей и их родителей на выбор языков обучения и изучения.

В связи с тем, что межэтническое согласие порой становится платой за отказ от более активной поддержки миноритарного государственного языка республики, представляется необходимым изучение международного опыта дополнительного регулирования языковой политики на муниципальном уровне [см. об этом: Катунин, 2009; Ле Пэр-Зубкова, 2003; Чельшева, 2003; S. Novak-Lucanovich, 2005]. Важно также учитывать рекомендации ученых о постепенном характере внедрения нового государственного языка как в языковой общности титульного народа, так и в чужих языковых общностях. Этот период, считает В. Ю. Михальченко, может охватывать десятилетия и, возможно, смену нескольких поколений [Михальченко, 2010]. В то же время не менее важным является другой ресурс языковой политики как средства предупреждения межэтнических конфликтов, который заключается в более активной работе федеральных и региональных властей, а также институтов гражданского общества по укреплению языковой и межэтнической толерантности. Только тогда в РЮС можно будет приблизиться к принципам региональной языковой политики в сфере образования, когда будет соблюдаться условие: «в двуязычной среде для упрочения гражданского согласия между этноязыковыми общинами целесообразно обязательно (т. е. предписанное законом) изучение языка соседей» [Мечковская, 2001, с. 228]. Подчеркивая, что в законодательной поддержке прежде всего нуждаются именно школьные уроки миноритарных языков, Н. Б. Мечковская приводит слова Бодуэна де Куртене о том, что изучение языка

«иноязычных сограждан данной самоуправляющейся единицы» является задачей первоочередной и более насущной, чем изучение языков, получивших всемирное значение...» [Мечковская, 2001, с. 228].

В РА продолжается активная работа по решению актуальных проблем укрепления позиций алтайского языка, в которой участвуют органы власти, ученые и общественные организации. Так, например, в рамках реализации закона «О языках народов, проживающих на территории Республики Алтай», ведомственной целевой программы «Развитие алтайского языка на 2013–2015 годы», в 2014 году в республике был проведен диктант по алтайскому языку, который писали преподаватели и учащиеся национальной гимназии, педагогического колледжа, студенты Горно-Алтайского госуниверситета. Инициаторами стали преподаватели ГАГУ. Предложение работникам Госсобрания Республики Алтай, владеющим алтайским языком, тоже написать диктант было поддержано Председателем Комитета по образованию, культуре, спорту, молодежной политике, общественным объединениям и средствам массовой информации Вячеславом Ухановым. По его мнению, написание диктанта станет дополнительной возможностью проверки знания государственного языка, а также расширит интерес к изучению алтайского языка. Языковая политика, как часть государственной политики, имеет большое значение для консолидации российского общества и обеспечения государственной целостности России, – считает В. Уханов [Сотрудники Эл Курултая, 2014].

Таким образом, с точки зрения поддержки статуса и коммуникативной мощности алтайского языка языковое законодательство РА может быть отнесено к среднему типу, отражающему демографическую мощьность языка и уровень языковой лояльности жителей республики. Существующий статус алтайского языка содержит дисбаланс между удовлетворением потребности этнической идентичности и снижением коммуникативного веса алтайского языка.

3.3.3. Языковое законодательство Республики Хакасия

Закон «О языках народов Республики Хакасия» был принят Верховным Советом Республики Хакасия в октябре 1992 года. В соответствии со статьей 7 Закона в 1994 году была утверждена Государственная программа сохранения и развития языков народов РХ на 1994–2000 годы. Она содержала аналитический обзор основных проблем функционирования хакасского языка, как второго государственного языка республики, в сферах делопроизводства, администрирования, образования, науки, культуры, СМИ, включая вопросы материальной базы и кадровой обеспеченности. Вторая часть содержала конкретные меры по реализации Программы в следующих пяти социальных сферах: образование, наука, куль-

тура, СМИ, делопроизводство. Были установлены дифференцированные сроки реализации указанных мер, часть из которых, преимущественно из сферы делопроизводства, была отнесена на десятилетнюю перспективу. К концу 2000 года полностью или частично было выполнено 70 % запланированных мероприятий, которые в целом дали определенные позитивные результаты (подробнее об этом: Боргоякова, 2003, с. 32–41).

В 2002 и 2004 гг. в Закон «О языках народов Республики Хакасия» были внесены изменения, которые могут служить иллюстрацией особенностей «прочтения» изменений в российском языковом законодательстве 1998 г. Указанные изменения ограничили сферы функционирования хакасского языка и по некоторым параметрам противоречили федеральному законодательству. Интересно отметить, что такие важные решения были приняты без каких-либо обсуждений и их появление практически не было замечено общественностью республики. Анализ и предложения по корректировке языкового законодательства республики с указанием конкретных норм, противоречащих федеральному закону о языках, содержались в докладах участников Международной научной конференции «Развитие и сохранение языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России». Резолюция данной конференции была направлена в адрес руководства Сибирского федерального округа, в Правительство и Верховный Совет РФ [Боргоякова, 2005]. В 2007 г. из отдела экспертизы законодательства и ведения регистров по РФ Управления Министерства юстиции РФ по Сибирскому федеральному округу в Верховный Совет РФ поступили рекомендации о необходимости приведения закона о языках народов РФ в соответствие с федеральным законом о языках народов РФ. В том же году Верховный Совет РФ IV созыва рассмотрел законопроект депутатов Т. Г. Боргояковой и Л. Б. Карповой «О внесении изменений в Закон “О языках народов Республики Хакасия”», основные положения которого касались более десяти статей, регламентирующих сферы функционирования языков РФ.

Во время обсуждения законопроекта на сессии Верховного Совета РФ IV созыва основные дискуссии вызвала статья о порядке написания наименований географических объектов и оформления надписей, дорожных и иных указателей, которая была предложена авторами поправок в следующей редакции: «Написание наименований географических объектов и оформление надписей, дорожных и иных указателей производится на государственных языках РФ, а также в необходимых случаях на языках народов РФ на территории их компактного проживания». Следует отметить, что данная сфера регулируется двумя федеральными законами. Так, например, Федеральный закон «О языках народов РФ» гласит, что республики в составе РФ *вправе* наряду с русским языком производить оформление указанных надписей на государственных языках республик (выделено нами – ТБ). Второй ФЗ «О наименованиях географических

объектов» указывает, что в РФ при необходимости указанные наименования кроме русского пишутся и на других языках народов РФ «с учетом интересов населения соответствующих территорий».

Представляется неслучайным, что данная сфера, жизненно важная для поддержки языков в российском многонациональном государстве, регулируется отдельными статьями в каждом из приведенных законов. Ведь наименования – это концентрированное выражение и надежное сбережение в соответствующем языке бесценного историко-культурного наследия, создававшегося в течение тысячелетий. Их присутствие в двуязычных наименованиях географических объектов, населенных пунктов и указателей служит не только прагматической цели ориентации в пространстве, но и является проявлением уважения к культурному наследию коренного этноса и ежедневной рекламой и поддержкой языка, способствуя усилению инвестиционно-экономического потенциала и туристической привлекательности региона.

После обсуждения законопроекта на заседании ВС предложенный вариант статьи, как и большинство иных поправок, были поддержаны и приняты во втором и окончательном чтении, несмотря на возражения представителей Правительства РХ. Сразу после объявления результатов голосования депутатского корпуса бывший Председатель Правительства РХ (А. И. Лебедь) объявил о своем решении воспользоваться правом наложения вето на данный закон. Он настаивал на том, чтобы статья о порядке написания наименований географических объектов и оформления надписей, дорожных и иных указателей осталась в ее прежнем виде – с возможностью подобного оформления «в случае необходимости», указав, что наименования могут производиться на двух языках. Приведенные аргументы сводились к тому, что в федеральном законодательстве нет «императива» об использовании в данной сфере других языков народов РФ. Кроме того, конечно, присутствовал традиционный аргумент об отсутствии в республике финансовых средств для оформления двуязычных надписей.

В результате повторных обсуждений статья о порядке написания наименований географических объектов и оформления надписей, дорожных и иных указателей в РХ была утверждена в редакции, предложенной Правительством РХ. Остальные поправки, предложенные в законопроекте и утвержденные на данной сессии ВС РХ, были связаны, например, с введением дополнений в статью, посвященную государственным программам сохранения и развития языков Республики Хакасия. В новой редакции содержится разъяснение о целях данных программ, с более детальным регулированием их содержания и финансирования. Внесение разъяснений было важным в связи с тем, что с 2002 года Правительство РХ свернуло комплексную работу в области языкового планирования и перешло к годовым программам в виде перечня мероприятий, составляе-

мых Министерством образования РХ, с годовым бюджетом всего около 200 тысяч рублей. Подобный подход, сохранявшийся в течение ряда лет, оказал отрицательное влияние на развитие и функционирование языков народов республики и, прежде всего, хакасского языка – второго государственного языка республики.

Кроме того, были устранены и другие имевшиеся в республиканском законе ограничения на использование хакасского и других языков в предписанных федеральным языковым законодательством сферах. Так, была внесена статья об использовании языков республики в сферах промышленности, связи, транспорта и энергетики на местном уровне. В частности данная статья узаконила возможность использования хакасского или иных языков народов РХ в автобусных перевозках в тех районах сельской местности, где на этих языках продолжает достаточно активно общаться местное население.

В прежней редакции республиканского закона отсутствовало положение ФЗ, регламентирующее использование государственных языков республик при переводе и дублировании кино- и видеопродукции с учетом интересов населения. Данное ограничение относилось к сфере незаконной деятельности даже переводы и дублирование учебных и детских видео и мультфильмов, которые практиковались в Аскизском районе, хотя известно, насколько продуктивны подобные технологии для повышения эффективности образовательного процесса, направленного на обучение на родном языке и его изучение в разных формах.

В новой редакции было снято ограничение, предписывавшее использование хакасского языка только в республиканских СМИ. Теперь данное положение распространяется на все региональные и местные СМИ Хакасии. Уже в 2008 г. редакция Абаканского городского телевидения совместно с кафедрой хакасской филологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова начала реализацию инновационного ТВ проекта «Хада – Вместе», посвященного изучению хакасского языка и культуры, который пользовался популярностью у телезрителей. Хороший пример подает мэр г. Абакана (Н. Г. Булакин), который в еженедельной передаче «Час мэра» городского телевидения завершает беседу пожеланиями и на хакасском языке.

Изменена статья 10 прежней версии закона, где возможность использования хакасского языка, наряду с русским языком, предлагалась только в высших органах законодательной власти, исключая органы исполнительной власти, а также местного самоуправления.

Таким образом, опыт Республики Хакасия показывает, что даже императивные нормы федерального законодательства в области языковых прав не всегда учитывались в республиканском законе о языках, в то время как законодательное закрепление рекомендательных норм федерального языкового законодательства пока является скорее исключением для РХ, чем правилом.

Важным является раздел федерального закона, направленный на предоставление возможности использования в официальных сферах общения «в местности компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущего за его пределами», наряду с русским и государственным языком республики, *языка населения данной местности* (выделено нами – Т. Б.). В статье 4 закона о языках народов РХ гарантируется лишь общая степень защиты для местной категории языков с дополнительным уточнением, что речь идет о малочисленных народах: «Республика Хакасия создает условия для сохранения и развития языков малочисленных народов, не имеющих своих национально-государственных и национально-территориальных образований». Однако никакого упоминания соответствующих конкретных языков (например, шорского) закон не содержит.

В окончательном виде Закон РХ «О языках народов Республики Хакасия», в отличие от законов РФ, РА, РТ, не содержит преамбулы о важности этноязыкового наследия региона. Закон устанавливает статус государственных для русского и хакасского языков, признавая «равные права всех языков народов РХ на их сохранение и развитие» (ст. 3). Ведению РХ в лице ее высших органов власти подлежит «обеспечение равноправного функционирования русского и хакасского языков как государственных языков РХ», создание «условий для функционирования языков других народов, представители которых компактно проживают на территории РХ» (ст. 6). Однако далее в законе преобладают нормы по использованию преимущественно русского языка как государственного языка РФ. Параллельное использование хакасского языка предусматривается только в четырех социальных сферах, в которых использование двух государственных языков предусматривается российским языковым законодательством.

Поддержка правовой иерархии языков отнесена в законе к ведению Республики Хакасия в лице ее высших органов власти, которым предписывается обеспечение законодательного урегулирования и равноправного функционирования «русского и хакасского языков как государственных языков РХ», создание «условий для функционирования языков других народов, представители которых компактно проживают на территории РХ» (ст. 6). Таким образом, можно сказать, что статусная регламентация языков устанавливает официальный билингвизм на республиканском уровне с возможностями дополнительного функционирования других языков на местном уровне без определения их правового статуса. Иерархия функционирования языков в социальных сферах закрепляется во второй и последующих главах республиканского закона о языках.

Права граждан на выбор языка общения (ст. 8), воспитания и обучения (ст. 9) основываются на принципе добровольного выбора граждан.

Так, статья 9 гласит: «При выборе русского языка в качестве языка воспитания и обучения в общеобразовательных учреждениях создаются условия для изучения хакасского языка как учебного предмета. Изучение хакасского языка как государственного языка Республики Хакасия регулируется образовательными стандартами, утверждаемыми в соответствии с законодательством Российской Федерации». До изменений, внесенных в закон в 2008 г., в нем содержалось указание на то, что «при выборе русского языка обучения и воспитания в общеобразовательных школах создаются условия для изучения хакасского языка, как предмета, для детей коренной национальности». В 2008 году указанное ограничение на изучение хакасского языка лишь детьми коренной национальности было снято. В то же время регламентация объемов функционирования хакасского и иных языков республики в сфере образования является недостаточной и она сохраняется и в республиканском Законе «Об образовании».

Третья глава Закона «Использование языков народов Республики Хакасия в высших органах государственной власти и управления в Республике Хакасия» в 2008 году была подвергнута существенной корректировке [см. об этом в: Боргоякова, 2011]. Она содержит указание на то, что в органах государственной власти республики и органах местного самоуправления наряду с государственным языком Российской Федерации «может употребляться хакасский язык». И далее следует уточнение, также касающееся лишь государственных языков республики: «На сессиях Верховного совета Республики Хакасия, на заседаниях Президиума и комитетов (комиссий) Верховного совета Республики Хакасия депутаты Верховного совета Республики Хакасия вправе выступать по их усмотрению на любом государственном языке Республики Хакасия. Их выступления в случае необходимости обеспечиваются соответствующим переводом».

В статьях 11 и 12 регламентируется язык официального опубликования законов и иных нормативных правовых актов РХ, которые «наряду с официальным опубликованием на государственном языке Российской Федерации могут официально публиковаться на хакасском языке». При подготовке и проведении выборов и референдумов «Республика Хакасия наряду с русским языком вправе использовать хакасский язык и языки народов РФ на территориях их компактного проживания».

Глава IV предусматривает, что «в деятельности государственных органов, организаций, предприятий и учреждений Республики Хакасия используются государственные языки Республики Хакасия (ст. 13). На территории РХ «гражданам обеспечивается право обращения в государственные, общественные организации, предприятия и учреждения как на государственных языках Республики Хакасия, так и на других языках с заявлениями, предложениями и жалобами, а также получать на них ответы на языке обращения. В случае невозможности дать ответ на языке об-

ращения используется государственный язык Российской Федерации». Следует отметить, что приведенное выше упоминание *общественных организаций* вступает в противоречие с текстом статьи 1 о том, что данный закон «не устанавливает юридические нормы использования языков народов Республики Хакасия в межличностных неофициальных взаимоотношениях, а также в деятельности *общественных* и религиозных объединений и организаций» (Выделено нами – Т. Б.).

Статья 14 предусматривает ведение официального делопроизводства в государственных органах РХ, организациях, на предприятиях и в учреждениях на государственном языке РФ. Кроме того, «официальное делопроизводство может вестись также на хакасском языке. Порядок использования языков в официальном делопроизводстве определяется Правительством РХ». Далее следует указание на то, что в «необходимых случаях» оно может вестись наряду с государственными языками РХ «на языках народов РФ на территориях их компактного проживания. Порядок использования языков народов РФ в официальном делопроизводстве на указанных территориях определяется Правительством РХ». Во второй части данной статьи указывается на то, что «тексты документов (бланков, печатей, штампов, штемпелей) и вывесок с наименованиями государственных органов, организаций оформляются на русском языке как государственном языке РФ, а также на хакасском языке как государственном языке РХ. Порядок оформления указанных документов на иных языках народов РХ определяется Правительством РХ». Данные статьи представляют интерес с точки зрения противоречия между заявленным равноправием функционирования государственных языков республики – русского и хакасского – и ограниченностью коммуникативных прав хакасского языка. Имеющая место в предыдущих статьях Закона неопределенность номинации других языков получает здесь более четкое определение, хотя вариативность *сохраняется: языки народов РФ на территориях их компактного проживания или иные языки народов РХ*.

В последней редакции закона устраняется имевшая место альтернатива написания текстов бланков документов «на русском или хакасском языках, либо на русском и хакасском языках одновременно». Часть 3, регламентирующая использование языков в документах, удостоверяющих личность гражданина: записи актов гражданского состояния, трудовые книжки, а также документы об образовании, военные билеты и другие документы, – гласит, что они оформляются «с учетом национальных традиций именованя на государственном языке Российской Федерации». Далее предусматривается возможность их оформления и на государственном языке Российской Федерации, и на хакасском языке.

Несмотря на то, что в федеральном законе предусмотрена возможность использовать в судопроизводстве государственный язык республики, на территории которой находится соответствующий суд или правоох-

ранительный орган, в республиканском законе возможность использования иных языков, кроме государственного языка РФ, отсутствует.

Статья 18 «Язык средств массовой информации» в редакции 2008 года определяет, что «в средствах массовой информации на территории РХ используются русский, хакасский языки, а также иные языки народов, проживающих на территории РХ», устранив существовавшее ранее ограничение на использование хакасского, а также иных языков народов, проживающих в Республике Хакасия, в муниципальных и частных теле- и радиокomпаниях. Кроме того, была введена отсутствовавшая норма об использовании кроме русского языка «хакасского и других языков народов РХ с учетом интересов населения» при переводе и дублировании кино- и видеопродукции. Данное уточнение сыграло, на наш взгляд, позитивную роль в усилении позиций хакасского компонента в муниципальных СМИ республики. Прежде всего, следует назвать появившиеся ТВ программы в городе Абакане («Хада», «Изеннер»), а также программы СМИ и видео-продукцию с использованием хакасского языка в Аскизском районе. В целом функционирование языков РХ в системе СМИ после 2008 года требует дополнительного изучения.

В статье 19 в 2008 году появилось предписание о том, что наряду с государственным языком РФ в сфере обслуживания и в коммерческой деятельности может использоваться хакасский язык. Во второй части данной статьи допускается ведение делопроизводства в указанной сфере «на русском или хакасском языках и иных языках, предусмотренных договорами между деловыми партнерами». Статья 20, отсутствовавшая до 2008 года, предусматривает возможность использования в сфере промышленности, связи, транспорта и энергетики на местном уровне наряду с государственным языком Российской Федерации и хакасским языком других языков «с учетом интересов местного населения».

Результативность нововведений в статьях 19 и 20 требует дополнительного анализа. Однако даже беглый взгляд на присутствие хакасского языка в коммуникативном пространстве региона позволяет говорить о наметившихся тенденциях к его использованию, например, появление приветствий на хакасском языке (автовокзал и аэропорт г. Абакана, въезд в с. Аскиз), аудиодублированных объявлений о посадках на рейсы в аэропорту г. Абакана, названий магазинов и ресторанов («Алтын Чир», «Хоон Хоорай» и др.).

Таким образом, языковое законодательство РХ устанавливает основные правила софункционирования языков в коммуникативном пространстве региона. Закрепление правового и функционального статуса русского языка носит *облигаторный* характер с использованием преимущественно многокомпонентной описательной модели – *государственный язык Российской Федерации*. Закрепление функционального статуса хакасского языка, как второго государственного на террито-

рии республики, носит, в основном, *рекомендательный* характер и реализуется преимущественно с помощью разрешительных формулировок: *может, вправе, или, в случае необходимости, в необходимых случаях, с учетом интересов местного населения*. Как правило, в законе чаще используется упрощенная прямая номинация языка – хакасский язык. Указание на государственный статус появляется в большинстве случаев при одновременном упоминании в тексте обоих государственных языков.

Местный уровень языковой иерархии не подкреплён перечнем конкретных языков этнических групп Республики Хакасия, хотя шорцы официально признаются коренным народом Хакасии. Для репрезентации данной категории языков используются разные терминологические модели:

- в первой группе терминов представлена модель, в которой компонент «язык» следует за определением: *родные языки, другие языки, иные языки*;
- во второй модели вслед за базовым элементом «языки» следует уточнение уровня и территориальной принадлежности языков или народов (*Российской Федерации, Республики Хакасия, местного населения*) или количественного показателя (*малочисленных народов*);
- третья модель базируется на характеристике расселения народов (*компактное проживание, не имеющих своих национально-государственных и национально-территориальных образований, живущих за их пределами*) или договорной характер использования (*предусмотренные договорами между деловыми партнерами*).

Представляется очевидным, что существующая иерархия правового статуса государственных и местных языков входит в противоречие с декларируемым «равноправием языков народов Российской Федерации» (ст. 3) и языков Республики Хакасия. Речь идет скорее о праве на использование миноритарных языков в соответствии с их функциональным типом, получившим законодательное закрепление.

Например, «оформление текстов документов (бланков, печатей, штампов, штемпелей) и вывесок с наименованиями государственных органов, организаций осуществляется на русском языке как государственном языке РФ, а также на хакасском языке как государственном языке РХ», хотя в российском законе о языках данная регламентация относится к государственным языкам республик. Кроме того, тексты документов (бланков, печатей, штампов, штемпелей) и вывесок с наименованиями государственных органов, организаций, предприятий и учреждений также оформляются и на хакасском языке.

В отличие от соответствующих законов РА и РТ, в законе РХ отсутствует упоминание о Терминологической комиссии и порядке введения новых терминов в жизнь. Терминологическая комиссия в РХ функциони-

рует при Министерстве образования и науки Республики Хакасия, на базе сектора хакасского языка ХакНИИЯЛИ, в статусе консультативно-совещательного органа. К ее основным задачам относится «сохранение и развитие хакасского литературного языка» и «подготовка предложений в органы государственной власти Республики Хакасия по реализации государственной языковой политики и по вопросам функционирования хакасского языка» [Официальный сайт ХакНИИЯЛИ]. Очевидно, что столь широкие и общие формулировки мало соотносятся с названием и предназначением Терминологической комиссии [см. Боргоякова, 2016].

Регламентация использования хакасского языка в системе образования республики носит *разрешительный* характер. Право получения образования на родном языке обеспечивается через создание необходимого числа соответствующих образовательных учреждений, классов, групп, а также создание условий для их функционирования. Создание условий «для изучения хакасского языка как учебного предмета» в общеобразовательных учреждениях предусматривается «при выборе русского языка в качестве языка воспитания и обучения». Отмечается также, что «изучение хакасского языка как государственного языка РХ регулируется образовательными стандартами, утверждаемыми в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Таким образом, предложенный обзор развития языкового законодательства в РЮС показывает, что особенности языкового законодательства республик связаны со сложившейся демографической и функциональной мощностью языков в трех республиках и представляют разный уровень их правового и реального статуса в современном коммуникативном пространстве. Уровень поддержки государственных тюркских языков РЮС отличается по количеству социальных сфер, в которых предусматривается их использование наряду с русским языком, по месту в республиканской системе образования – важнейшей из сфер, обеспечивающих реальный статус и перспективы функционирования языка.

В целом, особенности развития языкового законодательства и билингвальной ситуации в трех республиках подтверждают выводы и аналитические прогнозы, сделанные десятилетие назад [Боргоякова, 2002]. Разные результаты языковой политики в РЮС, входящих в общее правовое и коммуникативное пространство Российской Федерации, требуют дальнейшего углубленного изучения, включая сравнительный анализ языкового законодательства в РЮС с точки зрения региональных особенностей и практики его применения в разных социальных сферах. Важной основой для движения в этом направлении научного поиска является Стратегия государственной национальной политики РФ, утвержденная Указом Президента РФ в декабре 2012 г. Как указано в документе, «стратегия разработана в целях сохранения этнокультурной самобытности ее народов». К основным вопросам, требующим особого внимания государст-

венных и муниципальных органов, отнесено «сохранение и развитие культур и языков народов РФ, укрепление их духовной общности» [Стратегия, 2012].

3.4. Законодательство РФ и терминология Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств

Развитие системы *законодательного закрепления многоязычия* на международном, национальном и региональном уровнях является одним из ответов на вопрос – как сохранить многообразие языкового наследия. Здесь следует отметить, что, несмотря на относительную новизну проблемы языковых прав, последние два десятилетия оказались результативными в их законодательном регулировании. Так, в начале 90-х годов прошлого столетия были приняты законы о языках коренных народов США, Европейская Хартия о региональных языках или языках меньшинств, Федеральный закон «О языках народов РФ». Защита языковых прав меньшинств находит отражение в конституциях и законодательстве многих стран. [Катунин, 2010; Ле Пэр-Зубкова, 2003; Чельшева, 2003]. Общепринятый стандарт языкового законодательства включает принципы активной поддержки полилингвизма, запрета дискриминации по принципу языка. Более того, как отмечает М. Галдиа, «в наиболее развитых обществах уже понята и воспринята идея о необходимости специальных исключений из общих правил для защиты меньшинств. При таком подходе дискуссии по поводу «равенства прав для всех» не возникают. В результате языковое законодательство, «как система внутригосударственных и международных правовых инструментов, является передовой частью всей законодательной сферы, определяя направление поиска лучших стандартов» [Галдиа, 2004].

В основу данного параграфа включены некоторые положения экспертного доклада, подготовленного автором и С. Грамштаадом (Норвегия) в рамках Совместной программы Министерства регионального развития РФ и Совета Европы «Национальные меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества» в 2010 – 2011 годах.

К ключевой терминологии Европейской Хартии языков, рассматриваемой нами в контексте языкового законодательства РФ, относятся следующие термины: региональные языки или языки меньшинств, территория, нетерриториальные языки, менее используемые официальные языки, более благоприятное положение, в соответствии с положением каждого языка, количество которых считается достаточным. Рассмотрим указанные термины в порядке их следования.

Региональные языки или языки меньшинств / Родные языки народов Российской Федерации

Для обозначения языков народов России наиболее часто используемым термином является термин «родные языки». К данной категории языков относятся:

- государственные языки республик;
- языки коренных малочисленных народов;
- языки малочисленных этнических групп.

Указанные виды «родных языков народов России» могут быть охарактеризованы:

- уязвимым положением миноритарных языков (языков меньшинств);
- наличием исторических корней на определенных территориях;
- разным официальным и реальным статусом;
- разным количеством и образом жизни носителей языка.

Для адекватного перевода термина «региональные языки или языки меньшинств» на русский язык предлагается рассмотреть два варианта. Первый вариант – «национально-региональные языки». Необходимо отметить, что термин «государственные языки республик» соответствует значению термина «региональные языки» только в отношении тех республик России, в которых на данных языках говорит большинство населения. Однако такая ситуация, как известно, является скорее исключением, чем правилом. Кроме того, термин «региональный» в Российской Федерации имеет более широкое значение, не включающее этнический компонент. Для дополнения этнического значения обычно используется термин «национально-региональный» (например, национально-региональный компонент учебного плана).

В действительности положение большинства родных языков Российской Федерации соответствует определению, предложенному в Хартии для «языков меньшинств» [Пояснительный доклад, п. 18]. Необходимо учесть, что существует два варианта перевода термина «Minority languages» на русский язык.

Первый вариант: «язык меньшинств» – перевод, предложенный переводчиками Хартии на русский язык в 1992 году. Необходимо отметить, что существительное «меньшинство» имеет на постсоветском пространстве дополнительную негативную коннотацию. Именно поэтому термин «язык меньшинств» вызывает естественные возражения представителей республик [см. В. А. Тишков и др., с. 5]. Не случайно в законодательстве России используется политически более корректный термин «народы Российской Федерации». Поэтому *второй* возможный вариант – перевод слова «Minority» как прилагательного – «миноритарные языки». Данный вариант исключает негативное значение, содержащееся в слове «меньшинство» для обозначения народов

России, но сохраняет указание на значение «языки народов России». Они все без исключения находятся в положении языков, на которых говорит существенно меньшая часть – национальное меньшинство – в сравнении с населением страны.

Территория

В законодательстве Российской Федерации используются следующие соответствующие термины:

- территории республик;
- территории коренных малочисленных народов;
- территории традиционного расселения предков.

Большинство народов Российской Федерации исторически проживает и использует родные языки на территориях соответствующих автономий – в республиках и округах. Федеральный Закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» содержит следующее уточнение термина территории коренных малочисленных народов: «территории традиционного расселения ... предков». В официальных источниках также используется термин «историческая родина». Так, по данным Правительства Хабаровского края для восьми народов, которые составляют 98,5 % от общей численности коренных малочисленных народов, – край является исторической родиной [Почеревин, 2008, с.119].

Нетерриториальные языки

Это языки этнических общностей, не имеющих своих национально-государственных и национально-территориальных образований, или проживающих за их пределами. Федеральный закон «О национально-культурной автономии» относит их к языкам народов России, не имеющих исторических территориальных корней. Им предоставляются возможности для функционирования в разных социальных сферах в соответствии с положениями данного закона. Федеральный Закон «О языках народов Российской Федерации» (ст. 3, п. 4.) также разрешает использование языков народов России, не имеющих исторических корней, в местах их компактного проживания: «В местности компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущего за их пределами, наряду с русским языком и государственными языками республик, в официальных сферах общения может использоваться язык населения данной местности».

В Федеральном законе «О языках народов Российской Федерации» (ст. 9, п. 5) также отмечается, что «Гражданам Российской Федерации, проживающим за пределами своих национально-государственных и национально-территориальных образований, а также не имеющим таковых, представителям малочисленных народов и этнических групп государство оказывает содействие в организации различных форм воспитания и обу-

чения на родном языке независимо от их количества и в соответствии с их потребностями» (в ред. Федерального закона от 24.07.1998 N 126-ФЗ).

Менее используемые официальные языки

Государственные языки республик РФ

Государственные языки республик РФ соответствуют категории менее используемых официальных языков. Даже если тот или иной государственный язык республики используется большинством ее жителей (например, в Тыве), его коммуникативные функции носят ограниченный характер, и он используется народом, количественно меньшим, чем население страны, говорящее на государственном языке Российской Федерации. Подобные языки находятся в ситуации, подобной той, что описана в Хартии (ст. 1) в отношении региональных языков или языков меньшинств. Например, хакасский и карачаевский языки, имеющие статус государственных языков своих республик, использовались как языки обучения в начальной школе только для 341 и 358 детей соответственно в 2005/2006 гг. Это сопоставимо с функционированием армянского языка, не имеющего официального статуса в России, на котором велось обучение 358 детей в начальной школе [Гишков и др., 2009, с. 27].

Более благоприятное положение

В соответствии со своим официальным статусом государственные языки республик РФ находятся в более благоприятном положении в сравнении с языками коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Конституция РФ предоставляет возможность их использования «в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик» (ст. 68, п. 2). В Федеральном законе «О языках народов РФ» также содержатся регламентации по выбору и использованию языков в разных социальных сферах. Так, например, законы и иные нормативные правовые акты республик наряду с официальным опубликованием на государственном языке Российской Федерации могут официально публиковаться на государственных языках республик. Применение защитных мер Хартии по отношению к каждому конкретному языку должно привести к некоторому улучшению его положения, даже если оно является более благоприятным в сравнении с другими языками.

В соответствии с положением каждого языка

Конституция РФ гарантирует всем ее народам «право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития» (ст. 68, п. 3). Но правовое и фактическое положение языков народов РФ разное. Оно зависит от многих факторов: официального статуса, количества носителей родного языка, наличия письменности, места в системе образования, реального использованием языка в социальных сферах и в семье. Иерархия в положении языков сохраняется и на региональном уровне. Судя по последним опубликованным данным, из 40 языков коренных

малочисленных народов только 23 изучаются в школах и дошкольных учреждениях как предмет. Ни один из них не является языком обучения [Бережков, 2008, с. 95]. Для выбора защитных мер Хартии важно проведение мониторинга реальной ситуации языков меньшинств.

Достаточное количество

Независимо от численности

ФЗ «О языках народов РФ» гласит: «Российская Федерация гарантирует всем ее народам независимо от их численности равные права на сохранение и всестороннее развитие родного языка...» (ст. 2). Российское языковое законодательство не содержит прямых указаний по поводу количества учащихся, которое является достаточным для обучения их родному языку. Обычное количество детей составляет не менее 25 человек для классов в городских школах и для академических групп в государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования. Деление класса или группы на две подгруппы допускается для изучения иностранных языков, включенных в учебные планы государственных образовательных учреждений.

Региональными органами власти также допускается обучение менее 15 детей в малокомплектных сельских школах. Обычно это школы с начальным уровнем образования. Так как большинство языков коренных малочисленных народов используется в сельской местности, можно рекомендовать более гибкий подход к количеству детей в классе.

Где число жителей оправдывает меры

Независимо от количества

В связи с тем, что статья 8, п. 2 Хартии имеет отношение к образованию за пределами территории традиционного использования языка, некоторые статьи российского федерального языкового законодательства имеют определенные соответствия. Например, Федеральный закон «О языках народов Российской Федерации» гласит: «Гражданам Российской Федерации, проживающим за пределами своих национально-государственных и национально-территориальных образований, а также не имеющим таковых, представителям малочисленных народов и этнических групп государство оказывает содействие в организации различных форм воспитания и обучения на родном языке независимо от их количества и в соответствии с их потребностями» (ст. 9).

Термин «где число жителей оправдывает меры» в основном относится к использованию языков меньшинств в органах судебной власти (ст. 9) и в административных органах и в органах государственной службы (ст. 10). В российском законодательстве нет указаний на конкретное количество носителей или их соответствие определенному проценту в общей доле всего населения.

В соответствии с Федеральным законом «О языках народов РФ» в указанных сферах могут использоваться государственные языки респуб-

лик. Но в связи с тем, что титульные народы составляют разные доли в структуре населения своих республик – менее половины в 11 республиках – эти возможности часто остаются нереализованными. Например, карелы в Республике Карелия составляют 9,2 %, хакасы в Республике Хакасия – 12 %, адыгейцы в Республике Адыгея – 24,2 %. В Хакасии существует заметная дифференциация между районами республики по компактности проживания и числу жителей из числа носителей хакасского и шорского языков. В некоторых из них данные показатели стремятся к минимуму, который может оказаться существенным при определении оправданности применения некоторых защитных мер Хартии.

Однако, как показывает опыт, официальное закрепление особого статуса государственного языка не позволяет разрешить все имеющиеся проблемы функционирования того или иного языка. Существует не только правовой, но и фактический статус языка, который может существенно отличаться от провозглашенного официального статуса. Для сближения реального и законодательного статуса языка необходима грамотная работа по языковому планированию сохранения и развития билингвизма с участием органов власти, сообщества носителей языка, действующих в условиях постоянно развивающегося языкового законодательства. Важно, что задача охраны национальных языков как культурного достояния народов РФ сохраняется в качестве одной из ведущих в сфере правового регулирования национально-языковых отношений. Ее решение является необходимым условием совершенствования законодательства об использовании национальных языков в сфере официального общения и функционировании русского языка как общегосударственного.

Следует отметить, что в предложенной версии предлагается использовать только те положения федерального языкового законодательства, которые касаются языков народов РФ, не имеющих соответствующих национально-государственных образований. Данный факт подтверждает, что в Республике Хакасия, в отличие от большинства республик в составе РФ, характер и объем поддержки хакасского языка и культуры сопоставим «с мерами, принимаемыми в краях и областях РФ по отношению к своим этническим меньшинствам». Статус республики в данном случае не влияет на объем и характер «покровительственных мер государства по отношению к «титульной» этнической группе» [Альтернативный доклад, 2006].

Современный мировой стандарт общей культуры общества предполагает высокий уровень толерантности, уважение и поддержку лингвистического и этнокультурного разнообразия, активного билингвизма и полилингвизма. Данные принципы находят более полное выражение в федеральном языковом законодательстве. Однако передача прав по использованию предложенных возможностей на уровень республик приводит к введению лишь тех положений, которые носят в федеральном законодательстве императивный характер. В остальных случаях, как по-

казывает пример Республики Хакасия, выбор практически всегда происходит не в пользу второго государственного языка и других языков народов РФ. Для более эффективной поддержки языков и культур народов РФ необходимо изучение возможностей введения соответствующих законодательных и нормативных актов на уровне федеральных органов власти.

3.5. Государственные программы сохранения и развития языков народов Республики Хакасия

В 2000 г. была принята «Республиканская целевая программа по защите и развитию языков народов Республики Хакасия на 2001–2005 гг.» (далее – Программа). Ее цель – дальнейшее совершенствование системы языковой политики Республики Хакасия, ориентированной на поддержку языков и культур народов РХ. Однако Программа вскоре была переведена в статус целевой ведомственной при Министерстве образования РХ. Годовые программы с одноименным названием принимались на один год и включали отдельные мероприятия в сфере образования. Игнорирование соответствующей статьи закона о языках РФ оказалось возможным в связи с рекомендательным характером положений о программах развития языков народов РФ, введенных в закон в 1998 г. В результате в начале 2000-х годов был утрачен комплексный и долгосрочный характер программ, что не способствовало плановой и системной работе в таких сферах как СМИ, наука, муниципальное управление и т.д.

В 2010 г. впервые после 10-летнего перерыва принимается комплексная республиканская программа «О развитии языков народов Республики Хакасия в 2011–2013 гг.», что соответствует положениям языкового законодательства РФ и РХ. Государственными заказчиками Программы выступают три министерства – образования и науки, культуры, национальной и территориальной политики. Координатором Программы назначено Министерство национальной и территориальной политики Республики Хакасия. Основная цель, как указано в Паспорте Программы, – создание условий для сохранения и развития языков народов Республики Хакасия. На реализацию программы в 2011 г. предусмотрено выделение из республиканского бюджета более 2,5 млн. рублей; общие затраты на эти цели за счет средств республиканского бюджета Республики Хакасия – 8 606,0 тыс. рублей. Анализ показывает, что преимущественная часть расходов запланирована по линии Министерства образования и науки РХ. В документе подчеркивается, что «средства, выделяемые на реализацию Программы, направлены на создание условий для обеспечения максимальной доступности изучения, сохранения и развития родных языков народов Республики Хакасия».

В Программе приведены некоторые данные об использовании хакасского языка в системе образования. Так, например, отмечается следующее: «Обучение хакасскому языку ведётся в 87 общеобразовательных учреждениях республики с охватом 67 % детей хакасской национальности. Из 8723 детей хакасской национальности изучают хакасский язык 5823 ребенка. Хакасский язык преподаётся как предмет в 87 школах, факультативное и кружковое изучение языка осуществляется в 10 школах. По учебному плану с русским языком обучения занимаются 80 общеобразовательных учреждений республики, по учебным планам на родном языке – 17 школ.

Количество школьников, обучающихся на родном языке в 2009–2010 учебном году, составило 209 человек (в 2008–2009 учебном году было 125 учащихся). Издаются учебники для обучения хакасскому языку. Несмотря на принимаемые меры, проблемы в сохранении и развитии хакасского языка сохраняются: ограничения функционирования хакасского языка во всех сферах; сокращение количества хакасов, владеющих родным языком. По классификации ЮНЕСКО хакасский язык отнесен к категории неблагополучных языков мира» [Республиканская целевая программа, 2012].

Далее разъясняется межведомственный характер документа: «Освоение родного языка полноценно осуществляется в языковой среде, которая формируется средствами культуры. Создание межведомственной программы определяется потребностью оптимизации процесса развития языков народов Республики Хакасия. Целесообразность решения проблем программно-целевым методом обусловлена необходимостью расширения функций, сохранения и развития хакасского и русского языков как государственных языков Республики Хакасия; обеспечения условий для изучения родных языков народами, компактно проживающими на территории республики. Реализация программы будет способствовать совершенствованию этнополитической и социокультурной ситуации в республике, объединению усилий органов государственной власти, местного самоуправления и общественных объединений для достижения межнационального согласия, формированию благоприятных условий национально-культурного развития Республики Хакасия. Мероприятия Программы направлены на создание условий для реализации гражданами Республики Хакасия конституционного права на свободный выбор языка обучения и воспитания» [Республиканская целевая программа, 2012].

Прогнозируя эффективность реализации мероприятий, предусмотренных Программой, разработчики планируют достичь к 2014 году конкретных показателей, включая увеличение доли учащихся общеобразовательных учреждений, изучающих родные языки, на 3 %; опубликование 9 наименований научных, научно-популярных, художественных изданий, учебно-методических пособий с учетом региональных

особенностей; постановку 3 новых спектаклей на языках народов Республики Хакасия; организацию и проведение 45 мероприятий (научных конференций, олимпиад, фестивалей, конкурсов, научных исследований языков народов Хакасии). С 2014 года в РХ введена практика разработки комплексных программ, которые содержат разные направления развития региона, включая и вопросы развития миноритарных языков. Анализ Государственной программы «Региональная политика РХ (2014–2016 гг.)» показывает, что в ней предусмотрены мероприятия для эффективного решения задач по повышению мотивации к изучению языков ее народов как основы духовной культуры и условия бесконфликтного развития региональной и российской идентичности. Время покажет, насколько эффективным окажется такой подход для решения вопросов языковой политики.

Правовое регулирование статуса государственных языков РЮС носит противоречивый характер, так как их декларируемое равноправие опровергается в рамках одних и тех же законов в статьях, регламентирующих их функционирование. На практике оно соответствует праву на использование этих языков в соответствии с их функциональным типом, получившим законодательное закрепление. В целом современное языковое законодательство РЮС можно отнести к «мягкому» типу, предполагающему рекомендательный характер исполнения его положений. В то же время степень правовой поддержки коммуникативной мощности государственных языков республик различается и соответствует уровням социолингвистической типологии РЮС (СТ): на первом месте находится законодательство РТ, на втором РА и затем – РХ, в которой языковое законодательство носит преимущественно разрешительный характер. Рекомендательный или «мягкий» вариант языкового законодательства в РЮС, во многом удовлетворяя «потребности этнической идентификации» народов [по В. М. Алпатову], способствует сохранению межэтнического мира и содержит резервы для укрепления коммуникативных возможностей титульных языков. Данные резервы могут находить отражение при разработке и реализации комплексных программ по поддержке развития государственных языков республик. Однако в РХ принято решение о расширении задач и направлений, что привело к включению программы по сохранению и развитию языков республики в качестве одного из направлений в государственную программу региональной политики.

Таким образом, провозглашение юридического статуса не всегда определяет реальный статус языков, соответствующей направленности программ и государственной языковой политики республик. Реальный статус языков определяется возможностями их функционирования в ведущих социальных сферах, которые будут рассмотрены по отношению к государственным языкам РЮС ниже.

ГЛАВА 4. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ РЕСПУБЛИК ЮЖНОЙ СИБИРИ

Автохтонные хакасский, тувинский, шорский, алтайский и тофаларский языки принадлежат к тюркской семье языков, составляя тюркскую группу языков Южной Сибири. Согласно классификации Н. А. Баскакова, они относятся к восточно-хуннской ветви, внутри которой тувинский и хакасский языки входят в уйгуро-огузскую группу, а алтайский язык – в киргизско-кыпчакскую.

Алтайский, тувинский и хакасский языки признаны государственными языками в своих республиках и имеют там юридически закрепленный официальный статус наравне с русским языком (см. об этом главу 3). Однако и характер коммуникативной регламентации, и их реальное функционирование позволяет отнести их к разряду миноритарных языков, поддержка которых предусматривается в рамках определений и принципов Европейской Хартии региональных или миноритарных языков (языков меньшинств). Отнесение языковых ситуаций (ЯС) в республиках Алтай, Тыва и Хакасия к одному типу экзогlossесных неравновесных (несбалансированных), предложенное нами ранее [Боргоякова 2002], остается в основном справедливым и сегодня. Однако ЯС претерпели изменения по многим параметрам, часть из которых были уже рассмотрены выше, в предыдущих разделах. Далее мы остановимся на анализе следующего важного параметра, характеризующего языковые ситуации, – на функциональном весе государственных тюркских языков РЮС в контексте разных типов контактного асимметричного билингвизма.

4.1. Сферы функционирования миноритарных языков Южной Сибири

Коммуникативная мощность языков, как известно, измеряется количеством сфер функционирования языка в соотношении с их общим количеством в регионе исследования. Сравнительный анализ позволяет выделить 17 общих сфер и подсфер, в которых сегодня используются языки народов РЮС, имеющие статус государственных языков республик. Их перечень приведен в таблице 11.

Сферы функционирования ГТЯ РЮС

Сферы (подсферы) общения	Языки		
	Алтайский	Тувинский	Хакасский
Радио и телевидение	+	+	+
Периодическая печать	+	+	+
Обучение в начальной школе	+	+	+
Обучение в средней общеобразовательной школе	-	+	-
Предмет изучения в общеобразовательной школе	+	+	+
Предмет изучения в начальном и среднем профессиональном образовании	+	+	+
Предмет изучения в высшем образовании	+	+	+
Учебно-методическая литература	+	+	+
Научные публикации (тюркология)	+	+	+
Художественная литература	+	+	+
Профессиональное искусство (театр)	+	+	+
Самостоятельное творчество	+	+	+
Религия	+ (X, Ш)*	+(Б, X, Ш)	+ (X, Ш)
Традиционное сельское хозяйство	+	+	+
Местное самоуправление	+	+	+
Вывески, штампы, бланки	+	+	+
Межличностное общение носителей языка	+	+	+

*X – христианство, Ш – шаманизм, Б – буддизм.

Функционирование ГТЯ РЮС в данных коммуникативных сферах и подсферах происходит с разной степенью интенсивности. К основным из них можно отнести следующие четыре сферы: образование, массовая коммуникация, духовная культура и межличностное общение носителей языка. Во всех из них ГТЯ РЮС функционируют параллельно или в дополнение к русскому языку.

4.2. Функционирование ГТЯ РЮС в сфере СМИ и художественной литературы

Для сравнения объема функционирования ГТЯ РЮС в сфере печатных СМИ и художественной литературы рассмотрим приведенные ниже таблицы, составленные по данным Российских статистических ежегодников (2000, 2012).

Как видно из данных приведенных таблиц, степень интенсивности функционирования ГТЯ РЮС в печатных изданиях двух основных типов находится в соответствии с параметрами их демографической мощности,

типом проживания (село/город) и расселения (компактность/дисперсность) носителей языков и уровнем их языковой компетенции. Максимальный объем функционирования имеет тувинский язык, на втором месте – алтайский язык и минимальный объем функционирования в СМК имеет хакасский язык.

Таблица 12

Выпуск газет на ГТЯ РЮС (число изданий)

Языки	Годы							
	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Алтайский	3	4	5	4	5	4	4	–
Тувинский	–	1	2	3	4	5	9	8
Хакасский	1	1	1	2	1	2	3	3

Таблица 13

Выпуск журнальных изданий на ГТЯ РЮС

Языки	Годы							
	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Алтайский	–	2	2	–	1	3	–	–
Тувинский	3	–	–	1	1	1	1	1
Хакасский	–	–	–	–	1	1	–	1

В то же время статистические данные по РТ выглядят более благополучными лишь в сравнении с соседними республиками – Алтай и Хакасия. Приведенный ниже анализ ситуации в данной сфере, представленный М. В. Бавуу-Сюрюн, показывает развитие ситуации в данной сфере с практически трехкратным сокращением тиража ведущей республиканской газеты «Шын» и двукратным уменьшением количества выходов в неделю: «Самый большой тираж у газеты «Шын» – около 8 000, «Тываның аныяктары» – 2000, «Сылдысчыгаш» – чуть больше 2 000 экземпляров. Для сравнения – тираж газеты «Шын» в 70–80 годах XX века превышал 25 000 экземпляров, а в известные 90-е годы упал до 2 000 экземпляров. Регулярность выхода газет существенно снизилась по сравнению с временами СССР: если тогда «Шын» выходил 6 раз в неделю, то сейчас – 3 раза в неделю, «Тываның аныяктары» и «Сылдысчы гаш» – 1 раз в неделю, стал нерегулярен выход других газет» [Бавуу-Сюрюн, 2010].

Единственная республиканская газета «Хабар», издающаяся на хакасском языке, отмечает 90-летие в 2017 году. Ее учредителями являются Правительство и Верховный Совет Республики Хакасия. Газета выходит три раза в неделю с тиражом более 3 тыс. экземпляров. В трех из восьми районов Республики Хакасия «Хабар» «занимает первое место среди республиканских СМИ по количеству подписчиков» [Гусейнова 2013 (6), с. 35]. В двух южных районах РХ (Аскизский и

Таштыпский) с существенной долей хакасского населения и наличием аалов с компактным проживанием носителей хакасского языка издаются ежемесячные приложения на хакасском языке к районным газетам: приложение «Чир-суум («Голос родной земли») к газете «Земля Таштыпская» и приложение «Асхыс чайааны» («Творчество Аскиза») к газете «Аскизский труженик».

С 2008 г. издается детский литературный журнал «Тигир хуры» («Радуга») для детей дошкольного и младшего школьного возраста. Ежегодно издается литературно-художественный журнал на хакасском языке «Ине-сай» («Енисей»), который «передается в муниципальные и школьные библиотеки и доступен для широкого круга читателей» [От съезда к съезду, 15]. Издание обоих журналов осуществлялось в рамках ведомственной целевой программы «О развитии языков народов Республики Хакасия на 2008–2010 гг.» и республиканской целевой программы «О развитии языков народов Республики Хакасия в 2011–2013 гг.» [см. об этом: Гусейнова, 2013 (б)].

На следующей таблице представлены данные по функционированию ГТЯ в сфере художественной литературы, полученные по материалам российских статистических ежегодников (2000, 2012).

Таблица 14

Число книг и брошюр на ГТЯ РЮС (печ. ед.)

Языки	Годы								Всего
	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	
Алтайский	6	13	10	9	6	6	–	6	56
Тувинский	2	6	11	10	8	3	14	0	54
Хакасский	6	–	–	1	1	4	13	12	37

В первой половине 90-х годов в республиках Алтай и Тыва произошел заметный спад объемов художественной печатной продукции. В Хакасии, наоборот, наблюдалось увеличение количества печатных единиц художественных текстов более чем в два раза в 1994 г. Но в рамках 10-летнего периода – к 2000 году – произошло сокращение издаваемой художественной литературы во всех РЮС. Самое значительное сокращение произошло в РТ – более чем в 28 раз, в РА – в 4,5 раза и в РХ – в два раза. В течение двух лет в РХ не было издано ни одной художественной книги на хакасском языке. В целом за указанный период в РТ издано 374 художественные книги, в РА – 169, в РХ – 120. Существенным является тираж издаваемой литературы. Для примера приведем данные по 1991 и 1998 гг. в тысячах экземпляров: РТ – 228 и 30,2; РА – 30,0 и 12,5; РХ – 19,0 и 0. Итоги за представленный в таблице период 2000–2011 гг. показывают, что РА на 2 издания опережает число изданной продукции в РТ, на третьем месте – РХ.

Значительное снижение тиража художественных произведений оказывает негативное влияние на доступ к ним и возможности использования в образовательном процессе на родных языках или при их изучении в школах и вузах. М. В. Бавуу-Сюрюн в связи с этой проблемой отмечает резкое снижение в тиражах изданий на тувинском языке и его негативные последствия [Бавуу-Сюрюн, 2010, с. 67].

Если еще в начале 90-х годов прошлого столетия тиражи отдельных детских книг на тувинском языке доходили до 15 000–25 000 экземпляров, то в настоящее время только одна книга выходила тиражом 4 000 экземпляров, а основная масса печатается тиражом 500–1 000 экземпляров, то есть тиражи книг упали в 15–20 раз. В республике у большинства семей социально-экономические условия проживания таковы, что немногие родители могут купить книги своим детям. Абсолютное большинство детей вырастают не видя, не читая книг на родном языке, кроме учебников, которых также иногда не хватает. Единственное место, где можно брать и читать книги – библиотека, которая не всегда в состоянии приобрести необходимое. Например, школьные библиотеки в лучшем случае имеют только по 1–2 экземпляру новых художественных изданий, а многие иногда не в состоянии их закупать, или же книги просто не доходят до читателя из-за мизерных тиражей, невозможности доставить их в села.

Аналогичное развитие ситуации имеет место и в РХ, где художественная литература на хакасском языке, включая литературу, адресованную детям, имеет минимальные тиражи (от 100 до 500 экземпляров). При отсутствии государственного заказа она часто издается за счет частных источников финансирования и поэтому не поступает в библиотеки образовательных учреждений, но и в розничной продаже таких книг или нет, или высокие цены не позволяют приобретать их основной массе потребителей этой продукции. Издания, выпускаемые за счет бюджетных средств, распределяются по подведомственным учреждениям, исключая возможность их приобретения другими категориями носителей хакасского языка или лицами, заинтересованными в его изучении. В итоге страдает важный канал обучения и воспитания, распространения знания в уникальной национально-культурной литературной репрезентации.

В то же время следует отметить позитивные изменения последних лет, связанные с активной деятельностью Дома литераторов Хакасии по изданию и популяризации произведений хакасских авторов. Более 50 % от общего числа их публикаций составляют издания на хакасском языке. Так, в период с 2010 по 2015 годы было издано 30 книг на хакасском языке, общий тираж которых составил 11 тысяч экземпляров [От съезда к съезду, 14]. Среди них особо следует отметить юмористическую книгу известного писателя И. П. Топоева «Хоңалтых ёдiк» (2014), талантливо написанную с привлечением богатства живой и образной речи на хакасском языке.

В сфере радио и телевидения ГТЯ РЮС функционируют преимущественно в рамках республиканских ГТРК – филиалов ВГТРК. Время вещания этих программ в постсоветский период сократилось по продолжительности и ухудшилось по времени выхода в эфир во всех трех РЮС. В РХ, например, короткие, в основном информационные передачи на хакасском языке транслируются в неудобное время, когда основная масса слушателей и зрителей находится на работе или на учебе, что вызывает постоянные критические отзывы, которые остаются без какого-либо реагирования.

По данным М. В. Бавуу-Сюрюн, доля теле- и радиопередач на тувинском языке является «мизерной». На телевидении ежедневно, с понедельника по пятницу, выходят новости по 7–10 минут 4 раза в день (в 6.15; 7.15; 11.30 и в 17.20); передачи (в основном прямой эфир на общественно-политические, «взрослые» темы) составляют 45 минут 2–3 раза в неделю. Если сравнить с 80-ми годами XX века, то тогда «тувинское телевидение имело детскую студию вещания, продолжительность эфирного времени составляла 160 минут в сутки» [Бавуу-Сюрюн, 2010, с. 68].

Анализируя функционирование тувинского языка в СМИ республики, исследователь обращает внимание и на «многочисленные нарушения норм устной и письменной тувинской речи» и приходит к выводу о критическом снижении роли СМИ в сохранении тувинского языка и передаче «языкового опыта общения на литературном тувинском языке за последние 20 лет» [Бавуу-Сюрюн, 2010, с. 68].

Следует отметить, что качество многих публикаций и телерадиопередач и на хакасском языке также не соответствует современным требованиям. Это объясняется по-прежнему как дефицитом профессиональных журналистов, свободно владеющих хакасским литературным языком, так и отсутствием более активной обратной связи с потребителями информации на родном языке (круг которых довольно узок) и практики общественных обсуждений с выработкой рекомендаций по улучшению качества работы СМИ [см. об этом также: Боргоякова, 2002]. В связи с этим следует отметить деятельность Рабочей группы по сохранению хакасского языка и культуры, развитию этнотуризма Совета развития Республики Хакасия при Главе Республики Хакасия – Председателе Правительства РХ (председатель Рабочей группы – заместитель Председателя Правительства РХ В. А. Крафт). Заседания данной Рабочей группы, в состав которой входят руководители министерств и муниципальных образований, Верховного совета РХ, СМИ, государственных учреждений науки, образования и культуры, хакасских общественных организаций, служат дискуссионной площадкой для обсуждения и выработки рекомендаций, направленных на сохранение функционирования хакасского языка в коммуникативном пространстве республики. В частности, на декабрьском заседании 2016 года обсуждался вопрос «О влиянии средств массо-

вой информации РХ на формирование у населения потребности к изучению хакасского языка и содействию в решении проблем его функционирования», по которому были приняты решения об улучшении суточного времени вещания телерадиопередач на хакасском языке и необходимости активной деятельности «Хабар» в обобщении и закреплении лексических и терминологических новаций в хакасском языке, проведению конкурсов на лучший неологизм года. Главный редактор газеты «Хабар» (Р. Д. Сунчугашев) и шеф-редактор редакции национального вещания филиала ВГТРК ГТРК «Хакасия» (Н. М. Табакова) акцентировали внимание на проблемах сокращения активных носителей хакасского языка, способных выступать в роли компетентных экспертов и участников их программ и проектов.

4.3. Функционирование ГТЯ РЮС в сфере образования

Сравнительный анализ законов о языках народов республик Тыва и Хакасия, приведенный в главе 3, показал, что изменения, внесенные в них в течение двух последних десятилетий, способствовали их унификации в соответствии с федеральным языковым законодательством, с одной стороны, и сохранению специфики регионального билингвизма, с другой. Основные положения, приведенные в ст. 7 главы II в законе о языках народов РТ, связанные с правом граждан на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования, содержатся и в законе о языках народов РХ. Оба закона содержат разъяснение из федерального законодательства о том, что «право на получение образования на родном языке обеспечивается созданием необходимого числа соответствующих образовательных учреждений, классов, групп, а также созданием условий для их функционирования». Что касается положений по развитию билингвального образования в системе дошкольного образования, то в языковом законодательстве РТ предлагалось следующее положение, регламентирующее изучение языков в республике, начиная с дошкольного этапа образования: «Изучение тувинского и русского языков с включением в обучение и воспитание элементов национальных обрядов, обычаев и этики начинается с детских дошкольных учреждений». В дошкольных учреждениях, где языком обучения является тувинский, создаются дополнительные условия для изучения русского языка. Однако данные формулировки были отклонены Верховным судом РФ по представлению прокуратуры РТ, как противоречащие положениям федерального законодательства в сфере образования, в котором установлено, что языки, на которых ведутся обучение и воспитание в образова-

тельном учреждении, определяются учредителями образовательного учреждения и (или) уставом образовательного учреждения.

Соотношение языков обучения в системе дошкольного образования РТ представлено в таблице 15.

Таблица 15

Языки обучения в дошкольных учреждениях

Язык обучения	Количество учреждений	Количество детей
Русский	65	6 690
Тувинский	84	4 196
Русский и тувинский	69	4 820

Как видно из таблицы, в настоящее время в дошкольных учреждениях Республики Тыва обучение осуществляется на двух языках: русском и (или) тувинском. Обучение на русском языке представлено в меньшем количестве учреждений, но количество детей в них является самым высоким, что говорит о том, что они расположены преимущественно в городе и пользуются спросом. Большинство учреждений с тувинским языком обучения расположено в сельской местности, с меньшей наполняемостью детьми.

В системе основного общего образования в 5–9 классах обучение ведется на родном тувинском (в национальных школах) или на русском языке. В 10–11 классах – на русском языке. В соответствии с Федеральным базисным учебным планом и примерными учебными планами для образовательных учреждений Российской Федерации в учебных планах общеобразовательных учреждений республики предусмотрено изучение родного языка и литературы. Родной язык наряду с математикой и русским языком входит в число обязательных предметов государственной итоговой аттестации.

В российской социолингвистической литературе Республика Тыва постоянно упоминается как регион с высокой долей сохранности языка титульного народа республики, с учетом места национального языка в системе образования республики. В нашей социолингвистической типологии она также занимает верхнюю строчку с наиболее устойчивой ЯС по итогам сравнительного анализа всех ее параметров. Однако это не означает отсутствия проблем в функционировании тувинского языка в сфере образования. К одной из основных относится проблема низкого качества учебно-методического и кадрового обеспечения дисциплин, связанных с блоком «Родной (тувинский) язык и литература». Методическое обеспечение дисциплин характеризуется тувинскими специалистами как соответствующее уровню «прошлого века». Это связано с изношенностью книжного фонда произведений классиков тувинской литературы и отсут-

ствием произведений современных писателей, в комплексе представляющих историко-культурный феномен народа. Ученые отмечают отсутствие или дефицит иллюстрированных изданий, красочных книг для чтения для младших школьников и дошкольников, сказок для детей на тувинском языке, литературы для внеклассного чтения в средних классах, учебников по программе основной школы, отсутствие справочной литературы, учебно-методических комплексов с использованием передовых педагогических технологий [Бавуу-Сюрюн, 2010, 66].

Проблемы кадровой обеспеченности связаны с острым дефицитом кадров высшей квалификации, специализирующихся в области теоретического и практического исследования методики преподавания родного языка и литературы. Созданный в республике Институт развития национальной школы не в состоянии полностью решать проблемы методического обеспечения «в силу малочисленности своего состава и из-за отсутствия соответствующих научно-педагогических кадров». В результате на сегодня «теоретические основы методик преподавания по всем разделам тувинского языка, фольклора и литературы не разработаны». Всего по методике преподавания тувинского языка и литературы защищено 5 кандидатских диссертаций, из них две – по начальной школе, три – по средней школе. За последние 15–20 лет в республике не появилось ни одного серьезного исследования, связанного с вопросами современных методов обучения в условиях национальных, смешанных и русскоязычных школ республики [там же, 64]. В итоге автор приходит к выводу о том, что в Республике Тыва уже «заложена основа снижения уровня владения родным языком молодым поколением коренного населения, появились признаки ассимиляции тувинского языка и реального быстрого исчезновения в условиях глобализации» [там же].

Повышение доли тувинцев, утративших родной язык, до 3,7 %, по данным переписи 2010 г., свидетельствует о том, что даже при самой благоприятной демографической мощности язык, функционирующий в качестве дополнительного в важнейших сферах управления, экономики и СМИ, обречен на неизбежные потери в рядах своих носителей и нуждается в постоянной поддержке. Серьезной проблемой, возникшей в связи с сокращением доли русскоязычного населения республики до 16 %, является низкий уровень владения русским языком в сельской местности, что связано и с низким качеством его преподавания. Подтверждением служат факты нарушения языкового законодательства в части обеспечения образовательных стандартов по изучению русского языка и литературы. Так, прокуратура Овюрского района РТ выявила факты их изучения на тувинском языке [В Республике Тыва...]. С этим фактором в том числе, по мнению тувинских коллег, связаны активные процессы урбанизации – рост тувинских городских жителей увеличился, составив 49 % в 2010 г. Необходимость улучшения качества обучения русскому языку признает-

ся властями республики. В 2013 г. была утверждена Государственная программа развития русского языка на 2014–2018 годы, направленная на повышение эффективности преподавания русского языка и методик его обучения в мононациональной среде в большинстве сельских школ региона. В программе предусмотрены гранты для учителей, которые согласятся поехать в сельскую местность и для которых русский язык является родным. 2014 год объявлен в республике Годом русского языка [В Туве стартует..., 2014].

Впрочем, отсутствие рекомендаций и требований к разработке учебно-методических комплексов для обучения на родных языках и изучения их как предметов в образовательных учреждениях разного типа по составу учащихся и уровню получаемого образования является общей проблемой, актуальной для всех РЮС. Такой же общей проблемой является и дефицит кадров высшей квалификации, способных к эффективному решению указанных проблем на концептуальном, содержательном, методологическом и организационном уровне.

Среди зарубежных исследований последних лет можно выделить статью Джоан Шевалье, посвященную анализу языкового образования в республиках Тыва и Алтай, основанному на социолингвистических опросах, проведенных автором [Chevalier, 2013]. Отмечая культурную, генетическую и статусную общность языков, автор отмечает существенную разницу в их функциональной мощности. В то время как в Республике Алтай прогрессирует языковая ассимиляция, в Республике Тыва речь идет о снижении уровня грамотности на русском языке. Однако, несмотря на существенную разницу в уровне витальности тувинского и алтайского языков, в обеих республиках произошел значительный спад общественной поддержки обучения этим языкам («significant drop in public support for local language education») [Chevalier, 2013, с. 57].

В РХ не удалось остановить отрицательную динамику охвата детей обучением на родном языке в начальной школе. Она наблюдалась в 2012–2013 учебном году, когда «в 21 образовательном учреждении республики 425 детей коренной национальности с 1 по 4 класс изучали все предметы (кроме русского) на родном языке [Галина Салата...]. Для сравнения: в 2000 году «такая форма обучения была принята в 17 национальных школах РХ с охватом более 600 школьников [Боргоякова, 2002, с. 148]. Ниже мы приводим таблицу, отражающую изменения в обучении на родном языке в школах РЮС. Данные извлечены из презентации А. Л. Арефьева на Международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура» 17–18 ноября 2016 г. в Российском университете дружбы народов.

С учетом того, что в республиках Алтай и Хакасия обучение на родном языке сохраняется только на уровне начальной школы, можно кон-

статировать резкое сокращение в 2015/2016 учебном году данной категории школьников в обеих республиках.

Таблица 16

**Динамика обучения на тюркских языках в школах РЮС
(2011/12–2015/16 гг.)**

Языки обучения	2011/2012 уч. год	2015/2016 уч. год	Изменения	Доля школьников, обучающихся на родном языке (7–17 лет) в 2015/16г., %
Тувинский	18 235	19 776	+ 1 541	67,6
Алтайский	2075	1486	- 589	18,3
Хакасский	443	249	-194	3,5
Всего	20753	21511	+758	89,4

Отмечая практически двукратное сокращение количества детей, обучающихся на родном языке в 2015/2016 учебном году в начальной школе Хакасии по сравнению с данными 2000 года, следует, несомненно, учитывать постоянное сокращение количества детей, которые осваивают родной хакасский язык в своих семьях и, соответственно, готовы к обучению на нем с первого класса. По данным таблицы, представленной в презентации Ю.Г. Сагалакова на Международной научно-практической конференции «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири» 19 мая 2016 года в ХГУ им. Н.Ф. Катанова, доля первоклассников, владеющих хакасским языком, составила в среднем 21 % по Республике Хакасия.

Таблица 17

Численность и доля первоклассников, владеющих хакасским языком

№	Наименование муниципального образования	Численность детей-хакасов, обучающихся в 1 классе	Из них свободно владеет хакасским языком	%
1	Абакан	380	62	16
2	Абаза	2	0	0
3	Саяногорск	1	0	0
4	Сорск	12	0	0
5	Черногорск	18	2	11
6	Алтайский район	42	5	13,5
7	Аскизский район	456	135	29,6
8	Бейский район	70	25	35,7
9	Боградский район	5	0	0
10	Усть-Абаканский район	35	0	0
11	Таштыпский район	135	29	21,5
12	Орджоникидзевский район	15	0	0
13	Ширинский район	43	0	0
	Итого по РХ	1214	258	21,3

И, как видно из таблицы, ни одного первоклассника, владеющего родным языком, нет в семи из тринадцати муниципалитетов Республики Хакасия.

Что касается численности детей, изучающих хакасский язык в разных формах, то можно отметить позитивную тенденцию к увеличению, отраженную в таблице 18.

Таблица 18

Изучение хакасского языка в школах РХ

	Годы					
	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Доля детей, изучающих ХЯ, в %	67	69	72	74	74,7	76,4

Представленная выше таблица подготовлена по материалам электронных СМИ, со ссылкой на данные Министерства образования и науки РХ. В 2012/2013 учебном году как учебный предмет хакасский язык преподавался в 75 школах, его факультативное и кружковое изучение осуществлялось в 46 школах [Родной язык изучают...]. Интерес представляет приведенная ниже таблица, в которой приведена динамика изучения ТЯ РЮС в системе школьного образования. Данные для нее также любезно представлены А.Л. Арефьевым.

Таблица 19

Динамика изучения тюркских языков как предмета в школах РЮС (2011/2012 – 2015/2016 гг)

Языки изучения	2011/2012 уч. год	2015/2016 уч. год	Изменения
Тувинский	22 154	22 109	- 45
Алтайский	10 110	9 802	- 308
Хакасский	4 703	5 667	+ 964
Всего	36967	37578	+611

Положительные изменения в количестве школьников, изучающих хакасский язык в школе, очевидны. Некоторые положительные сдвиги в функционировании хакасского языка в сфере образования, несомненно, можно объяснить изменениями в республиканской языковой политике. Как уже было отмечено ранее, в 2010 г. после перерыва была принята долгосрочная Республиканская целевая программа «О развитии языков народов Республики Хакасия в 2011–2013 годах», заказчиками которой выступили такие ведомства РХ, как Министерство национальной и территориальной политики, Министерство образования и науки и Министерство культуры РХ. В качестве одного из ожидаемых результатов реализации программы в ее паспорте было указано увеличение доли уча-

щихся общеобразовательных учреждений, изучающих родные языки, на 3 %. Как видно из представленных выше данных, этот результат достигнут. К сожалению, программа не предусматривала каких-либо мер по укреплению позиций хакасского языка как языка обучения в начальной школе, где, как мы показали выше, произошло существенное сокращение такого вида обучения.

В связи с этим следует отметить, что дети, получившие образование на родном языке даже на уровне начальной школы, показывают более высокие когнитивные способности и академические результаты, чем дети, обучавшиеся на доминантном языке. Об этом свидетельствует опыт обучения на таких миноритарных национальных языках, как саами в Норвегии и Швеции, валлийский в Великобритании, фризский в Нидерландах, навахо в США и т. д. В Папуа Новой Гвинее 470 языков используются как средство обучения в дошкольных учреждениях и в первых двух классах. Оказалось, что дети быстрее и легче осваивают программу на родном языке, чем на английском, они быстрее и легче учат английский язык в сравнении с их старшими братьями и сестрами, которые учились по старой программе. Дети стали более активными, уверенными в себе, любознательными, задают больше вопросов. Исследования ученых показали, что практика обучения детей на доминантном языке приводит к тому, что учащиеся не овладевают хорошим уровнем компетенции ни на одном языке. Это утверждение частично основывается на эмпирических исследованиях, проведенных преподавателями Арктического колледжа М. Маллона и А. Кублу, которые утверждают, что значительное число молодых людей не говорят свободно на своих языках и многие остаются апатичными, часто с минимальными навыками на обоих языках [цит. по докладу Т. Скутнаб-Кангас на Международном Конгрессе по языковой политике, Барселона, 2002]. Поэтому обеспечение языковых прав человека предполагает изучение доминантного языка в дополнение к знанию родного языка, а не в ущерб ему, что позволяет предотвратить лингвогеноцид и сохранить языковое многообразие в мире. Технологии организации обучения, основанного на учете лингвистических прав человека, предлагаются в научной литературе [см. например, Fishman, 1991, Fishman (ed.) , 2001, Hinton & Hale (eds). 2001, Martin 2000a and b, Scuttnab-Kangas (ed), 1995, Scuttnab-Kangas & Cummins (eds),1988].

В рамках выполнения проекта нами также был проведен эксперимент, связанный с выявлением влияния билингвизма на уровень развития детей. Было проведено тестирование с участием 180 учащихся республиканской национальной гимназии им. Н. Ф. Катанова в Абакане в возрасте 15–17 лет. В предложенные тесты входили вопросы и задания, позволяющие измерить уровень общего интеллектуального развития и отдельных способностей детей. Анализ результатов был проведен с дифферен-

циацией детей на две основные группы – монолингвы и билингвы. Вторая группа была дополнительно разделена на две подгруппы по уровню владения родным языком: свободное и частичное. Общая группа билингвов уверенно опередила группу монолингвов по 90 % заданий, что является подтверждением на хакасском материале теории опережающего развития когнитивных способностей билингвов.

В программе также не ставятся задачи по решению проблем дошкольного образования. При этом ситуация с изучением хакасского языка в дошкольных учреждениях РХ заметно отличается от системы общеобразовательных школ. По данным на 2012 г., изучение хакасского языка организовано в 31 детском саду республики (это лишь 18 % от общего количества детских садов) [Гусейнова, 2014]. В то же время следует отметить появление позитивной динамики в присутствии хакасского языка в системе дошкольного воспитания РХ. Она представлена в докладе заместителя министра образования РХ Ю. Г. Сагалакова в 2016 году: «С 2011 года возросла сеть дошкольных организаций и отдельных групп, где организовано изучение хакасского языка. Из 3301 ребенка хакасской национальности, которые посещают детские сады, 68 % изучают хакасский язык» [Сагалаков, 2016, с. 28]. Диаграмма, посвященная изучению хакасского языка в дошкольных организациях Республики Хакасия, отражает произошедшие изменения за последние шесть лет [От съезда к съезду..., 2016, с. 3].

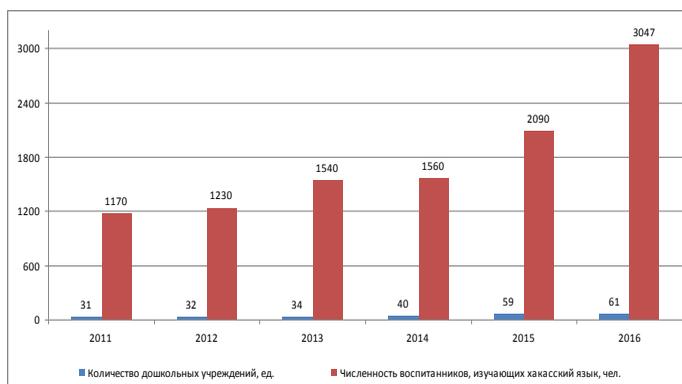

Рис. 1. Изучение хакасского языка в дошкольных организациях Республики Хакасия

По данным Министерства образования и науки РХ, за период с 2003 по 2011 годы опубликовано более 700 наименований учебной, учебно-методической и другой литературы (учебники, рабочие тетради и проч.) общим тиражом около 200 000 экземпляров для изучения хакасского языка и литературы в республиканских образовательных учреждениях,

в том числе учебники хакасского языка для начальной школы по программе для начинающих изучать язык. В настоящее время все учащиеся образовательных учреждений Республики Хакасия обеспечены бесплатными учебниками на хакасском языке [Выступление министра..., 2012]. Появление таких учебников и учебных пособий является важным для улучшения обучения хакасскому языку, с учетом того, что «в Хакасии долгое время не было ни одного учебника, предназначенного для школьников с пассивным уровнем знания родного языка. Учителя были вынуждены использовать старые учебники хакасского языка, предназначенные для детей, хорошо владеющих родным языком с детства» [Боргоякова, 2005, с. 55].

В сфере высшего образования хакасский язык используется в ХГУ им. Н. Ф. Катанова при подготовке кадров по направлениям бакалавриата «Педагогическое образование: Хакасский язык и литература», «Педагогическое образование: начальное образование. Хакасский язык и литература» и «Дошкольное образование. Хакасский язык и литература», а также по магистерской программе «Хакасский язык, литература, культура». Кроме того, в университете ведется традиционная подготовка аспирантов по научной специальности 10.02.02. – Языки народов РФ (хакасский язык). Обучение по данным образовательным программам осуществляется по современным учебно-методическим комплексам, созданным учеными кафедры хакасской филологии и научными сотрудниками Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова [см. также: Боргоякова, 2002; Гусейнова, 2014].

Поддержку использованию хакасского языка в образовании оказывает его активное присутствие в деятельности национальных учреждений культуры: Хакасского национального драматического театра, театра «Читиген», республиканской филармонии, самодеятельного ансамбля «Чон коглері» и других. В дополнение к популярной детской эстрадно-фольклорной студии «Час Ханат», созданной энтузиастом сохранения родного языка, автором многих детских песен на хакасском языке, Заслуженным деятелем культуры РХ И. Боргояковым, появились и другие новые студии и коллективы для детей и молодежи. За последние десять лет существенно увеличилось число хайджи – исполнителей национального вида горлового пения. Музыкальная фольклорная группа, исполняющая свои произведения на национальных инструментах с использованием горлового пения «Сабчылар» («Вестники»), стала лауреатом многих престижных международных конкурсов.

Известный американский социолингвист Д. Фишман обращает внимание на угрозу замены деятельности по задержке языкового сдвига – перехода с родного языка на язык доминирующего окружения, – куль-

турно-развлекательными мероприятиями. Он считает, что специальные мероприятия с символическим использованием языка мало влияют на ежедневное функционирование языка, особенно использование его молодежью, так как такие мероприятия, как правило, проводятся при финансовой поддержке властей, носят фольклорно-показательный характер и мало способствуют дальнейшим усилиям по межпоколенческой передаче языка [Fishman, 1991, с. 398]. Соглашаясь, что часто так и происходит во многих сообществах, в которых язык уже существует больше как символ, а не живое средство коммуникации, тем не менее считаем подобное использование его в сфере культуры важным для сохранения и развития национальных языков, духовной культуры этноса. Кроме того, эти мероприятия восполняют дефицит видимости и даже символического использования хакасского языка, способствуют этнолингвистической идентификации молодых хакасов и, возможно, оказывают опосредованное влияние на увеличение количества желающих изучать родной язык.

4.4. Динамика современных социолингвистических процессов в РТ и РХ (по итогам анкетирования)

Для сравнительного анализа динамики современных социолингвистических процессов в РТ и РХ в 2013 году было проведено пилотажное анкетирование в рамках проекта. В целом опросом было охвачено 424 респондента, в том числе: тувинских респондентов (ТР) – 130, хакасских респондентов (ХР) – 150, шорских респондентов (ШР) – 14, русскоязычных респондентов (РяР) – 130. Среди тувинских респондентов в возрастной группе от 16 до 39 лет преобладают жители сельской местности (57 %) и лица женского пола (69 %). По данным опроса доля признающих тувинский язык оказалась высокой – 91 %, оба языка в качестве родного указало 9 % ТР (см. таблицу 17). Как показал опрос, абсолютное большинство ТР свободно говорит на родном языке, изучали его в школе, знают песни на родном языке, общение с родителями и родственниками более старшего поколения проходит преимущественно на родном языке. Русским языком в разной степени владеют 100 % респондентов, с преобладанием самооценки говорения «частично» (70 %).

Билингвальная стратегия поведения ТР активизируется в общении с друзьями (45 %) и коллегами (42 %), особенно полно она реализуется в официально-деловой сфере, в частности, при обращении в государственные учреждения, когда ТР используют два государственных языка республики (79 %).

Таблица 20

**Языковая ситуация в сравнительном аспекте
(по данным социолингвистических опросов 2013 г.)**

	Тувинцы (в %)	Хакасы (в %)	Шорцы (в %)
Признают язык своего этноса родным	91	50,5	100
Считают, что родной язык надо знать	100	98	100
Говорят на родном языке:			
свободно	94	54	14
частично	6	28	58
не говорят	–	18	28
Говорят на русском языке:			
свободно	30	100	100
частично	70	–	–
Изучали родной язык в школе	97	65	0
Говорили на родном языке до 6 лет	83	54	29
Говорили на родном и русском	17	11	14
Говорили на русском	–	35	57
Знают песни на родном языке	97	71	14
Родной язык должен быть в школе	100	100	100
Хотят, чтобы их дети знали родной язык	100	98	100
Готовы содействовать сохранению родного языка	89	92	86
Считают, что будущее родного языка находится под угрозой	62	89	100
Общение с родителями на родном языке	80	37	–
на родном и русском	20	40	86
Общение с бабушкой/дедушкой			
на родном языке	92	47	14
на родном и русском	8	33	86
Общение с друзьями на родном языке			
на родном и русском	55	4,5	14
на родном, русском и региональном	45	59	43
Общение с коллегами на родном языке			
на родном и русском	37	2,3	14
на родном, русском и региональном	42	51	43
Обращение в госучреждения			
на родном языке	11	–	–
на родном и русском	79	22	–
Можно быть представителем этноса без знания родного языка	29	46	14
Этническую принадлежность человека определяют:			
язык	40	84	100
уважение к предкам	32	75	100
знание истории и культуры	46	73	86
соблюдение традиций	29	64	100
дружба с представителями своего этноса	5	30	71

Как видно из таблицы, доля хакасских респондентов, признающих хакасский родным языком, составляет 50,5 %, хотя 82 % говорят на нем: свободно (54 %) или частично (28 %), 71 % знает песни на родном языке, 84 % считают родной язык ведущим признаком определения этнической принадлежности, 92 % готовы содействовать работе по сохранению родного языка.

Родной язык превалирует лишь в сферах неофициального общения: со старшими родственниками в семье и с друзьями. В ситуациях официального общения или общения с коллегами преобладает двуязычная коммуникативная стратегия. Все ХР свободно говорят на русском языке.

Анализ базы данных, сформированной с помощью шорских респондентов, проживающих в с. Бискалжа Аскизского района РХ, показывает противоречивые результаты. С одной стороны, выявлена самая высокая степень языковой лояльности, а с другой стороны – самый низкий уровень сохранности миноритарного языка. Никто из ШР не имел возможности изучать родной язык в школе, что, несомненно, связано с отсутствием автономии народа и соответственного статуса языка. Анализ материалов социолингвистического анкетирования выявил ситуации трехязычия, когда на местном уровне используются русский, хакасский и шорский языки.

В целом изучение экспериментальных материалов социолингвистических опросов показывает прямую корреляцию между уровнем сохранности языка и наличием автономии, официального статуса языка и его функционированием в социальных сферах, регламентируемых государством. Существенная разница в республиках Тыва и Хакасия заключается в интенсивности обучения на родном языке или его изучении как предмета и продолжительности билингвального образования. Кроме того, можно отметить более спокойное отношение к языку как обязательному компоненту этнической идентификации со стороны тувинских респондентов. На первом месте у них оказался критерий «знание истории и культуры» (46 %), «язык» – на втором месте (40 %) и «уважение к предкам» – на третьем месте (32 %). У ХР на первом месте – «язык», набравший в два раза больше предпочтений (84 %), на втором – «уважение к предкам» – (75 %) и на третьем месте – «знание истории и культуры» (73 %). У ШР три параметра оказались одинаково важными со 100 % голосов: язык, «уважение к предкам» и «соблюдение традиций». Таким образом, ответы на вопрос о том, что определяет этническую принадлежность человека, зависят от уровня языковой ассимиляции этноса.

Модели лингвокультурного поведения билингвов являются существенным показателем реального функционирования языков в условиях контактного и асимметричного билингвизма. Особый интерес представляет хакасско-русская билингвальная модель как часть коммуникативного поведения, в котором вербальные средства используются для сохране-

ния и поддержки этноидентификационных устремлений и адаптации к конкретным социокультурным и экономическим условиям.

Для выявления особенностей коммуникативного поведения хакасско-русских билингвов было проведено пилотажное социолингвистическое исследование на базе четырех аалов (сел) в Аскизском и Таштыпском районах Республики Хакасия, в которых компактно проживает хакасское население, составляя большинство. В анкетном опросе приняли участие 165 хакасских респондентов в возрасте от 15 до 60 лет. Анализ полученных данных показывает, что в среднем 81 % респондентов считают родным языком хакасский. При этом показатели в Аскизском районе (далее АР) выше – 88 % , в Таштыпском районе (далее ТР) они составили 74 %.

Важным показателем реальных коммуникативных возможностей билингвов является уровень их языковой компетенции. Выяснилось, что в аалах Бутрахты и Есино 100 % респондентов свободно говорят на родном языке и понимают его. В двух других аалах более высокими оказались показатели пассивной речевой деятельности – понимания. Доля говорящих на хакасском языке здесь оказалась ниже, составляя 77 % в Большой Сее и 86 % в Усть-Еси. Хакасский язык оказался языком семейного общения респондентов в следующем соотношении: по 60 % в Есино и У-Есь, 81 % в Бутрахты. В Большой Сее 54 % респондентов предпочитает разговаривать и на русском и на хакасском языках.

Что касается коммуникативных стратегий хакасско-русских билингвов за пределами дома, то только в аале Есино хакасский язык продолжает доминировать – на нем говорят 64 % респондентов, только на русском общается 16 %. В с. Усть-Есь ситуация меняется в сторону сокращения доли использующих родной язык до 36 % и увеличения количества говорящих на русском языке до 40 %. В ТР преобладает стратегия одновременного использования русского и хакасского языков – 81 % в Бутрахты и 57 % в с. Б. Сея.

Второй блок вопросов выявил единодушное мнение двуязычных респондентов о необходимости знать родной язык. Однако прогнозы по поводу перспектив владения детьми родным языком через 100 лет оказались разными: оптимистичными в ТР (87 %) и достаточно пессимистическими в АР (31 %). В среднем 40 % респондентов полагают, что через 100 лет дети не будут разговаривать на хакасском языке. Тем не менее, подавляющее большинство опрошенных готовы содействовать развитию хакасского языка – 97 % в ТР и 81 % в АР. Больше чем половина респондентов считает родной язык важнейшим индикатором этнической принадлежности, полагая, что нельзя быть хакасом, не зная хакасского языка. Чуть менее половины опрошенных считает, что можно быть хакасом и не зная родного языка, и приводят другие индикаторы этнической идентификации.

Таким образом, коммуникативные стратегии хакасско-русских билингвов определяются стремлением сохранить этнокультурную идентич-

ность, используя родной язык в семейной сфере (64 %). В более широком социально-экономическом пространстве коммуникативные стратегии меняются: одновременное использование русского и хакасского языков в зависимости от ситуации общения (45 %), только русский язык (30 %) и только хакасский язык (31,5 %). Исследование экстралингвистических факторов, влияющих на выбор коммуникативных стратегий, относится к перспективам исследования.

Следующая серия анкетирования, с участием студентов и преподавателей ХГУ им. Н. Ф. Катанова, была направлена на выявление рейтинга ключевых сфер, в которых респонденты продолжают активно использовать и слышать родной язык. Лидирующей оказалась сфера ближайшего социального окружения (семья, родственники, соседи и село). На втором месте – университет, как место работы или учебы респондентов. В следующем ряду – книги, газеты, радио и телепередачи. Менее частотными из указанных в анкете оказались варианты: работа, театр, магазин, рынок.

Таблица 21

Рейтинг сфер использования хакасского языка

Где чаще всего используете ХЯ	Где чаще слышите ХЯ
Семья (63 ч.)	Семья (64 ч.)
Родственники (52 ч.)	Родственники (48 ч.)
Друзья (40 ч.)	Университет (39 ч.)
Университет (39 ч.)	Друзья (33 ч.)
Общежитие (22 ч.)	Деревня (32 ч.)
Чтение газет, книг (19 ч.)	Соседи (20 ч.)
Соседи (18 ч.)	Общежитие (15 ч.)
Магазин, работа (4 ч.)	Телепередачи (9 ч.)
Театр (2 ч.)	Радио (6 ч.)
	Работа (4 ч.)
	Театр (2 ч.)
	Рынок, магазин (1 ч.)

Среди причин слабой интенсивности использования ХЯ в социальных сферах РХ респонденты называют низкий уровень языковой компетенции (54 человека), отсутствие собеседников, владеющих ХЯ (24 человека), непрестижность языка (18 человек), чувство стыда при использовании языка, включая свой акцент (13 человек). Нехватку времени для изучения языка указало минимальное количество респондентов.

Важными оказались результаты опроса с точки зрения оценки деятельности по поддержке функционирования хакасского языка. В рейтинге органов власти, государственных учреждений, общественных организаций и рядовых носителей языка оценку «хорошо» получили университет, власти районов и носители языка; «удовлетворительно» / «плохо» – власти Абакана, общественные организации.

Как отмечает в рукописи своей магистерской диссертации В. А. Кай-даракова, подавляющее большинство опрошенных (70 %) определили свой уровень знания родного языка как хороший. 74 % респондентов продолжает активно использовать его в семьях (включая родственников). На втором месте по использованию родного языка находятся университет (включая общежитие) – 79 % и друзья – 52 %. В сферах СМИ, культуры и коммерции хакасский язык оказался слабо представленным.

Показатель доли лиц (65 %), считающих, что хакасский язык сохранится через 100 лет, представляется достаточно пессимистическим. Возможно, это связано и с тем, что только 66 % опрошенных принимают участие в сохранении и развитии языка.

Несмотря на то, что Хакасия и Тыва приобрели одинаковый статус республик в составе РФ в начале 1990-х гг., к 2010 г. произошло увеличение количества тувинцев в целом и их доли в структуре населения республики до 82 %, но практически не изменилась доля хакасов, составляя 12 % в составе населения республики (см. об этом в главе 1).

Исследование показало, что выявленные расхождения с точки зрения длительности контактирования с русским языком, этнодемографических характеристик и коммуникативных стратегий продолжают оказывать существенное влияние на особенности развития регионального билингвизма. Данные пилотажных социолингвистических опросов подтвердили высокий уровень активности тувинско-русского билингвизма, сохраняя Тыву среди немногих регионов России, где позиции миноритарного языка не ослабевают. В Республике Тыва представители русскоязычного населения по-прежнему остаются преимущественно монолингвами, и русский язык как государственный язык РФ доминирует в официальных сферах республики. В то же время тувинский язык сохраняет устойчивые позиции Я1 в семейной сфере и в более широком коммуникативном пространстве региона. Уровень языковой компетенции на русском языке является значительно более слабым у жителей сельских кожуунов, где качество преподавания русского языка остается низким. С этим фактором, в том числе, связаны активные процессы урбанизации. Рост городских жителей в РТ, по данным Всероссийской переписи 2010 г., увеличился на 5 % по сравнению с 2002 г. и составил 49 % .

Представляется, что именно сохраняющаяся интенсивность применения языка в социально актуальных сферах общения, выходящих за пределы семьи, особенно важна для сохранения родного языка. По-прежнему важным остается условие проведения работы по повышению качества владения русским языком в республике без перехода родного языка в категорию Я2 или его исчезновения. Анализ особенностей развития билингвизма в двух республиках подтверждают в целом выводы и аналитические прогнозы, сделанные десятилетие назад (см.: Боргоя-

кова, 2002). Неизменными сохраняются и стратегии более эффективной языковой политики: развитие активного билингвизма с сохранением родного языка как Я2 в случае с хакасским и улучшение уровня владения русским языком сельской молодежи Тывы с сохранением тувинского в качестве Я1.

4.5. Витальность тюркских языков Южной Сибири

В различных классификациях витальности хакасский, алтайский, тувинский и шорский языки занимают разные позиции. В социолингвистической энциклопедии «Письменные языки мира» тувинский и хакасский языки отнесены к третьей группе языков с «достаточно высоким уровнем витальности». Представляется, что подобное место в языковом рейтинге не является случайным и отражает реальные особенности функционирования этих языков. Однако предложенная практически одинаковая оценка витальности тувинского и хакаского языков вызывает сомнения с учетом реального положения дел в части уровня витальности этих языков. Поэтому в 2002 году в данную классификацию было предложено внести изменения, связанные, в том числе, с переводом хакаского языка из группы языков с «достаточно высоким уровнем витальности» в группу языков с «низким уровнем витальности» [Боргоякова, 2002].

Языки народов России представлены также в Красной книге ЮНЕСКО [Janhunen, 1993]. Авторы разделили языки на семь категорий. Шорский язык отнесен к группе языков, находящихся под серьезной угрозой исчезновения (Seriously endangered), хакасский язык – к группе языков под угрозой исчезновения (Endangered). Тувинский язык отнесен к последней благополучной группе языков, которым не грозит исчезновение. В основе приведенной классификации языков по степени их витальности лежат критерии количества говорящих на языке по отношению ко всей этнической группе и наличия или отсутствия межпоколенной передачи языка (Intergenerational transmission). Именно по этому признаку тувинский язык «с надежной передачей языка новым поколениям» заслуженно входит в седьмую группу благополучных языков.

Что касается хакаского языка, то признак уменьшения количества детей, говорящих на родном языке, даже в местах компактного проживания представителей этнической группы, стал основанием для отнесения хакаского языка к пятой группе шкалы витальности.

Шорский язык также был включен в российскую Красную книгу языков малочисленных народов России (1994) среди других 63 миноритарных языков РФ.

По итогам рассмотрения основных параметров, характеризующих положение языков с позиции демографической и коммуникативной мощности, а также с точки зрения динамики языковой лояльности и имеющегося официального статуса, можно констатировать, что самым высоким является уровень угрозы витальности шорского языка. В категории государственных языков республик хакасский язык, как, пожалуй, никакой другой, нуждается сегодня в активной поддержке. Его позиции в реальной жизни (демографическая и коммуникативная мощность) и в языковом законодательстве значительно слабее всех других сибирских языков с аналогичным статусом [см. об этом: Боргоякова, 2002, с. 249–251]. Одним из основных критериев для занесения хакасского языка в Красную книгу исчезающих языков ЮНЕСКО (1993–1997) является низкая доля детей, свободно владеющих родным языком в местах компактного проживания коренного этноса. Данная тенденция сохраняется. В РХ сегодня происходит постоянное снижение количества сельских школьников, которые изучают отдельные предметы на родном языке в течение первых двух школьных лет. Большинство хакасских детей не знают или плохо знают свой родной язык, что подтверждается данными социолингвистических мониторингов. Это – следствие и того, что хакасский язык редко используется в общественных местах, в названиях аалов, сел, городов и рек. Часто уже только старшее поколение помнит, что Абакан – это Аҫбан, Енисей – Ким, Черногорск – Хара тас, Белый Яр – Хуба Чар, Нижняя Тея – Индирки Тöб и т. д. К сожалению, общепринятая практика двуязычных наименований не получает закрепления в РХ.

Тревожным симптомом неблагоприятного положения языка является постепенное уменьшение количества людей, говорящих на родном языке – потребителей всей созданной культурной инфраструктуры на хакасском языке. Есть все основания считать, что хакасов, для которых хакасский язык является родным (первым), значительно меньше, чем в данных последней переписи населения, так как многие указывают хакасский как родной, фактически не владея им или не используя его в общественно-производственной сфере или дома. С достаточной долей уверенности можно предположить, что количество хакасов-монолингвов, т. е. владеющих только русским языком, будет продолжать расти. Показательными в этом плане оказались результаты анкетирования делегатов VIII съезда хакасского народа, прошедшего в апреле 2000 г., которое показало, что из 221 респондентов только 106, то есть менее половины, используют постоянно хакасский язык в семье. Это можно объяснить, скорее всего, тем, что многие хакасы, называющие хакасский язык родным, имеют пассивные или ограниченные знания хакасского языка, живут в национально смешанных семьях или в семьях, в которых не все (как правило, это дети) говорят на родном языке [Боргоякова, 2002].

Таким образом, тюркские языки Южной Сибири принадлежат народам, отличающимся своими языками и культурой, проживающим на исторических территориях в составе Российской Федерации, но не обладающим политическими, юридическими и идеологическими структурами, которые могли бы обеспечить уместное и полноценное использование родных языков в условиях асимметричного билингвизма. Их языки характеризуются также такими критериями миноритарности, как практическое отсутствие монолингвов и асимметричный билингвизм, ограниченное и дополнительное софункционирование языков в некоторых коммуникативных сферах, в которых доминирует мажоритарный язык. Важным условием сохранения или повышения уровня их витальности является поддержка и развитие активного билингвизма с сохранением родного языка в случае с хакасским, алтайским и шорским языками и улучшением уровня владения русским языком в сложившейся языковой ситуации в Республике Тыва без ущерба уровню владения родным тувинским языком.

Несмотря на то, что сегодня создана система языкового законодательства в Российской Федерации и республиках Южной Сибири, установлены приоритеты международными документами, приобрели опору административные меры управления языковыми процессами (в РЮС к подобным воздействиям практически не прибегали), проведена большая исследовательская работа и в общем можно назвать положительными основные результаты реализации мер по сохранению и развитию языков народов РЮС, результаты все же не меняют характер ситуации в целом.

В сложившейся сложной социолингвистической и этнодемографической ситуации функционирование миноритарных языков зависит от очень большого количества факторов и обстоятельств. Основные сводятся к сокращению количества людей, полноценно владеющих родным языком, сужению сфер его применения и активного использования. Стабилизация и укрепление, а в дальнейшем и расширение социальных функций миноритарных языков могут быть также поставлены в зависимость от степени осознания непреходящей ценности родного языка для этнической культуры собственного народа в глазах самого коренного населения республик и их общественных объединений. Поэтому проблема сохранения и развития языков также соотносится с национальным самосознанием народов и увязывается с перспективами трансляции культурных традиций, передачи всего комплекса этничности.

В то же время в условиях постоянного давления со стороны основного официального языка усилий только носителей миноритарного языка недостаточно. Необходима целенаправленная и грамотная государственная политика, направленная на поддержку и развитие языкового разнообразия. Исчезновение языка является фактором тревожности, дискомфорта и конфликтогенности этноса.

В связи с особенностями развития языковой ситуации в РА необходимо обратиться к проблеме сохранности диалектов миноритарных языков или языков субэтносов. В южных районах алтайское население составляет компактное большинство, и уровень языковой компетенции на литературном языке у южных алтайцев достаточно высок. В то же время у северных алтайцев носителями родного языка являются лишь пожилые люди, молодежь уже не владеет им [Каташев, 2001, с. 141]. По результатам социалингвистической экспедиции сотрудников Института филологии СО РАН 2000 г., число владеющих тубаларским языком составило 38 % анкетированных. Тубаларско-алтайские билингвы составили 0,24 % и тубаларско-русские билингвы – 37 % опрошенных. Отмечая, что «основным средством общения для тубаларов служит русский язык, алтайский литературный среди тубаларов почти не употребляем», Е. Николина связывает возрастание осознания тубаларского языка как родного и с политическими причинами – получением тубаларами статуса малочисленного этноса [Николина, 2001, с. 245–246]. Социалингвистическое обследование, проведенное среди чалканцев, показало, что 81,6 % опрошенных признали родным чалканский язык, и что они «почти во всех сферах общения отдают явное предпочтение русскому языку. Родной используется в быту, при общении с людьми своей национальности и как язык семейного общения. Алтайский литературный язык используется очень редко и лишь незначительным числом лиц: при общении с южными алтайцами, а также при чтении литературы на алтайском языке» [Озонова, Тазранова, 2001, с. 248–249]. В то же время «большинство северных алтайцев выступают за изучение алтайского литературного языка» при условии внесения определенных корректив, в частности: улучшение учебно-методического и кадрового обеспечения с ориентацией на «детей северных этносов», «введение сопоставления с родным языком в курсах алтайского литературного языка» и изучение чалканского языка как предмета в школе [Озонова, Тазранова, 2001, с. 248–249]. В 2001 г. вышло постановление Правительства РФ № 255, утвердившее «Единый перечень коренных малочисленных народов РФ», в котором кумандинцы, теленгиты, тубалары и чалканцы названы в качестве самостоятельных народов. Реализация появившегося официального права ставить вопрос о введении этих языков как языков обучения в начальной школе вместо алтайского литературного языка требует взвешенного и профессионального подхода. Важно учитывать сложившуюся этнолингвистическую ситуацию, «за которой стоит языковое и культурное единство народа, а также опыт действующей школы» [Насилов, 2002, с. 55]. Позитивным фактом, направленным на решение этой проблемы, стало решение о консолидации всех субэтносов РА в рамках единого алтайского народа, принятое в 2009 году [Итоги переписи..., 2001]. Внесение оперативных и грамотных корректив в языковую политику Республики Алтай остановило дезинтеграционные

тенденции и угрозу единству алтайского народа, что прогнозировалось в частности А. Н. Баскаковым [Баскаков, 2000, с. 64], и будет способствовать сохранению его языка.

В связи с этим следует отметить, что использование диалектов одного и того же языка – явление весьма распространенное в мировой практике и касается как мало используемых языков, так и языков международного статуса. Однако до сих пор сохраняется негативное отношение к использованию диалектов, в том числе и среди лингвистов. Подобное заблуждение необходимо преодолевать, считает известный американский социолингвист Д. Фишман, особенно когда речь идет о миноритарных языках. Носители диалектов также не должны считать свой диалект грубым, отсталым, некрасивым и т. д., особенно в сравнении с литературными формами своего или мажоритарного языка. Для преодоления комплексов и негативного имиджа диалекта необходимо время, понимание и главное в этом процессе – защита красоты и подлинности (authenticity) диалекта. В процессе языкового планирования при выборе диалекта (или диалектов) как основы для единого литературного языка важно сделать правильный выбор, который бы максимально учитывал интересы носителей всех диалектов. После того, как выбор сделан, необходимы локальные меры поддержки или компенсации для носителей тех диалектов, которые не были выбраны в качестве основы для литературного языка. Так, например, радио – и (или) телепрограммы с использованием диалектов практикуются в таких странах, как Италия, Германия, Норвегия, Ирландия и др., где существует заметная разница в диалектах.

В сложной ситуации, сложившейся в Республике Алтай, следует, на наш взгляд, проводить работу по двум направлениям. *Первое направление* связано с мерами по признанию, уважению и поддержке северных диалектов (в начальной школе, в органах местного самоуправления и каких-то других сферах), наряду или даже в большей степени по сравнению с принятым стандартом. Именно так поступило баскское руководство системы образования по отношению к своему самому большому нестандартному (non-standard) диалекту (приверженцы которого считают его основой другого конкурирующего стандарта), приняв решение даже издавать учебники для первых классов начальной школы на этом диалекте. Германия и Италия также приняли подобный диалектно-разрешительный подход, хотя их языки не относятся к категории находящихся под угрозой исчезновения или не имеющих давно признанных стандартов литературного языка.

Даже если подобные подходы и меры трудно использовать для миноритарных языков России, в том числе из-за постоянного дефицита финансовых средств, то вполне возможно воспользоваться другими, менее затратными, но не менее эффективными и мудрыми рекомендациями. Прежде всего, следует изменить отношение к диалектам и сделать это

можно с помощью учителей. Учителя начальной школы должны быть особенно толерантными по отношению к диалектной речи своих подопечных и культивировать такое же отношение у своих учеников, независимо от количества диалектов, представленных в классе. Такое же отношение к диалектной речи следует развивать и среди взрослых. Литературный язык создается не для того, чтобы вытеснить или заменить диалекты, а для того, чтобы дополнять их в выполнении тех функций, в которых они не являются конкурентами. Д. Фишман считает, что именно искреннее восхищение диалектной речью и культивирование ее привлечет внимание к усилиям по остановке языкового смещения со стороны носителей вариантов миноритарного языка на местах, оставляя усвоение литературной формы языка на более поздний срок, когда повышенная чувствительность носителей диалектов на местах будет достаточно удовлетворена и укрепление литературной формы языка станет более реальным и приемлемым. Кроме того, следует иметь в виду, что взрослая часть населения уже не пойдет снова в школу и значит никогда не усвоит «новый» стандарт – письменный или устный, и большинству из них, скорее всего, будет достаточно пассивной формы владения литературным языком [Fishman, 1991, p. 342–344]. Таким образом, решение проблем примирения носителей разных вариантов языка или диалектов лежит не только в лингвистической и административной плоскости, но и в политической и философской. Идеологи языковой политики в демократическом обществе должны не создавать проблемы, а находить пути их решения с максимальной пользой для успешного функционирования языков и самочувствия их носителей. Интересен в этой связи опыт нормализации диалектов в языковой политике Японии, где после 50-х гг. диалекты «признаются закономерной формой существования языка, естественной при неофициальном общении между «своими». Записи голосов лучших носителей диалектов хранятся наравне с записями видных деятелей культуры, в школах учат, как правильно говорить на диалекте, на диалектах ведутся радиопередачи» [Алпатов, 2001, с. 75].

Второе направление может быть сформулировано справедливым замечанием В. М. Алпатова о том, что «даже отказ от диалекта не означает отказа от национальной культуры, если его место занимает нормированный вариант того же языка», а не другой язык. В Республике Алтай в северных районах – Турачакском, Чойском, Майминском – диалекты алтайского языка «перестали употребляться в бытовом общении, а с уходом старшего поколения они станут мертвыми» [Тадина, Ябыштаев, 2000, с. 14]. Поддержка этих диалектов не должна означать отказ от изучения литературного алтайского языка, который может «стать основным языком общения между всеми алтайскими субэтносами» [Тадина, Ябыштаев, 2000, с. 14], средством сохранения единства национальной культуры и идентичности этноса.

Нормальное функционирование социально-коммуникативной системы (далее СКС) во многом зависит от языковой компетенции речевого коллектива, который она обслуживает, то есть от владения языками-компонентами СКС, и от признания определенного языка родным, что является одним из основных показателей национальной принадлежности. Доля алтайцев, признающих родным свой этнический язык, превышает хакасские показатели. Это частично объясняется весьма компактным проживанием алтайского этноса в республике и свидетельствует о достаточно высокой степени его национального самосознания. Несмотря на наличие признаков влияния русского языка на подсистемы алтайского языка, выявленные специалистами, они проявляются в алтайском языке в меньшей степени, чем, например, в шорском и хакасском языках [см. об этом: Невская, 2001, с. 331–332]. Однако в языковой компетенции алтайцев наблюдается существенный негативный фактор, отрицательно влияющий на развитие алтайского языка и даже, по мнению А. Н. Баскакова, ставящий под угрозу его жизнеспособность – это исключительно узкая социальная база литературного алтайского языка. При всей негативности крайне узкой социальной базы литературного алтайского языка, требующей эффективных мер по ее интенсивному развитию, следует, тем не менее, заметить, что специфика функционирования трех типов (разновидностей) алтайско-русской СКС в Республике Алтай в целом не отличается от других тюркоязычных республик РФ. Речевой коллектив, обслуживаемый тюрко-русской СКС, основными компонентами которой являются литературные формы взаимодействующих языков, является самым малочисленным не только в Республике Алтай, но и в других тюркоязычных республиках (см. об этом: гл. 1).

На наш взгляд, даже при наличии отмеченных выше неблагоприятных факторов, связанных с ситуацией в Республике Алтай и этнодемографическими особенностями проживающего там алтайского населения, лингвистическими различиями алтайских диалектов и узкой социальной базой литературного алтайского языка, для функционального развития алтайского языка в республике существуют необходимые базовые условия. При проведении эффективной языковой политики, направленной на расширение социальной базы и функциональное развитие литературного алтайского языка, а также на преодоление дезинтеграционных процессов, связанных с субэтническими группами алтайского народа, можно не только сохранить, но и эффективно развивать язык, который признает родным подавляющее большинство коренного населения Республики Алтай. Главным условием при этом должно быть желание алтайского народа сохранить сложившееся политико-административное образование и литературную форму алтайского языка, проявляя при этом должное внимание к его диалектам.

К благоприятным условиям развития алтайского языка относятся не только отмеченные выше достаточно высокая степень языковой компетенции алтайцев, компактность их проживания в своей республике, где они являются титульной нацией, относительно длительная письменная традиция, наличие функциональных подсистем литературного алтайского языка и разножанровой литературы, но и использование алтайского языка в основных коммуникативных сферах.

Позиции и перспективы хакасского языка наименее стабильны, что связано с его низкой демографической и коммуникативной мощностью, высоким уровнем языкового сдвига, характером закрепления в системе образования. Позитивная динамика укрепления коммуникативного веса хакасского языка в социальных сферах республики была достигнута по итогам реализации Государственной программы сохранения и развития языков народов РХ на 1994–2000 гг. [Боргоякова, 2001, 2002]. Однако впоследствии, как было указано выше, эти тенденции не получили развития и закрепления. Только к 2015/2016 учебному году произошло улучшение ситуации по изучению хакасского языка в качестве учебного предмета или факультатива на фоне продолжающегося сокращения числа детей, не владеющих родным языком. По данным А. В. Гусейновой, в Национальной гимназии г. Абакана, где основной контингент обучающихся составляют преимущественно хакасские дети, приехавшие из сел, произошло сокращение почти в два раза количества старшеклассников, свободно понимающих (с 43 % в 2001 г. до 24 % в 2013) и свободно говорящих (с 31 % до 15 %) на родном языке [Гусейнова, 2013 (а), с. 66].

Результаты пилотажных социолингвистических исследований, проведенных в 2012 году в четырех аалах с преобладанием хакасских жителей в Аскизском и Таштыпском районах Хакасии, показали, что коммуникативные стратегии хакасско-русских билингвов определяются стремлением сохранить этнокультурную идентичность, используя родной язык в семейной сфере (в среднем 64 %). В более широком социально-экономическом пространстве даже местного уровня коммуникативные стратегии меняются: одновременное использование русского и хакасского языков в зависимости от ситуации общения предпочитают 45 % респондентов, только русский язык – 30 % и только хакасский язык – 31,5 %.

Можно прогнозировать дальнейшее сокращение объемов хакасско-русского билингвизма с учетом выявленной закономерности: «чем моложе поколение, тем ниже языковая лояльность и тем быстрее она снижается» [Беликов, Крысин, 2001, с. 422] и развития билингвизма по модели, когда родной язык приносится в жертву, которая будет компенсирована, по мнению родителей, хорошим уровнем владения русским языком. В такой ситуации с 2002 г. неизменными остаются цели языковой политики республики: а) сохранение и поддержка немногочисленных оазисов

хакасского языка, в которых сохраняется билингвизм с активным хакасским компонентом (Я1), с межпоколенной передачей родного языка в семье и местном социальном окружении; б) сохранение и развитие хакасско-русского билингвизма с хакасским языком как Я2, не допускающим языкового сдвига к русскому монолингвизму среди молодежи.

В лингвистической литературе существуют разные оценки функционального веса и витальности алтайского и хакасского языков. В одних они отнесены к общей группе языков, находящихся под угрозой исчезновения (Endangered) [Janhunen, 1993], в других алтайский язык получает менее благоприятную в сравнении с хакасским языком, оценку в рейтинге республиканских тюркских языков РФ [Баскаков, 2000, Насырова, 2000] и в третьих алтайский язык занимает более высокий уровень стабильности в языковой иерархии ТЯ РЮС в сравнении с хакасским языком [Боргоякова, 2002]. Так, по мнению А. Н. Баскакова, «несмотря на относительно длительную письменную традицию, наличие разножанровой литературы, общего среднего образования на алтайском языке и его государственный статус, витальность алтайского языка и перспективы его сохранения и дальнейшего развития вызывают опасения по ряду этнодемографических и социолингвистических причин». К ним ученый отнес «крайнюю узость социальной базы литературного алтайского языка», которым свободно владело лишь 2 % алтайцев, и усилившиеся «дезинтеграционные тенденции алтайского народа, из состава которого выделяются субэтнические группы кумандинцев, телеутов, тубаларов, чалканцев со своими диалектами, претендующие на создание на них письменности, преподавание их в школах и пр.» [Баскаков, 2000, с. 64]. Как уже отмечалось выше, существовавшие угрозы единству алтайского народа и его языка были преодолены в 2009 г., и сегодня можно сказать, что консолидация этноса на основе позитивной этнической идентичности, уровень этнодемографической мощности языка, преобладание аграрного типа проживания носителей языка с сохранением компактного расселения в южных районах республики, сравнительно высокий уровень законодательной поддержки республиканского языка служат основой для более позитивных прогнозов витальности алтайского языка в группе языков ТН РЮС.

Таким образом, выявленные расхождения, с точки зрения длительности контактирования с русским языком, существенная разница этнодемографических и коммуникативных характеристик, оказывают влияние на особенности развития регионального билингвизма в РЮС. Особенности сложившейся билингвальной ситуации в трех республиках подтверждают выводы и аналитические прогнозы, сделанные десятилетие назад. Неизменными сохраняются цели и стратегии более эффективной языковой политики, связанные с развитием активного билингвизма и сохранением родного языка как Я1 и (или) Я2 [Боргоякова, 2002].

Повышение доли тувинцев, утративших родной язык, до 3,7 % свидетельствует о том, что даже при самой благоприятной демографической мощности язык, функционирующий в качестве дополнительного в важнейших сферах управления, экономики и СМИ, обречен на неизбежные потери в рядах своих носителей. Разные результаты языковой политики в трех соседних республиках, входящих в общее пространство языковой политики Российской Федерации, выглядят частично объяснимыми, но требующими дальнейшего изучения, включая проведение сравнительного анализа языковой политики в РЮС с точки зрения региональных особенностей языкового законодательства и практики его применения.

Современные типологии языковой политики включают оценочный критерий «демократичность/недемократичность». С этой точки зрения основные принципы языковой политики (ЯП) РФ носят демократический характер и направлены на сохранение богатства языкового многообразия страны. В языковом законодательстве отчетливое закрепление получили два основных направления ЯП: а) укрепление позиций русского как государственного языка РФ; б) право национально-государственных образований (республик) в составе РФ не только придавать языкам соответствующих титульных народов статус государственных, но и обеспечивать их поддержку через проведение соответствующей языковой политики с учетом реальной социолингвистической ситуации.

При планировании языковой политики следует иметь в виду и «гравитационные силы» вертикального билингвизма, о которых пишут ученые в связи с глобализацией, когда языки нижнего яруса притягиваются к орбите языка верхнего яруса, укрепляя позиции языков, находящихся выше в языковой иерархии. В связи с этим три основные функции языка в индивидуальном языковом репертуаре, которые соотносятся с языковыми правами (государственный язык, язык – посредник и родной язык), оказываются представленными в формате одного, двух или трех языков в зависимости от особенностей каждой ситуации и места родного языка в языковой иерархии [Hamel, 2006]. Таким образом, глобализация, как справедливо отмечает В. М. Алпатов, распространяет на мировой уровень ситуацию во многих многоязычных государствах, где существует объективное неравенство. В наиболее выгодном положении там оказываются носители господствующего (официально или фактически государственного) языка, которым внутри страны не нужно знание других языков. Среднее положение занимают люди, которые вынуждены, помимо своего родного языка, выучивать господствующий язык. Внизу оказываются одноязычные носители языков меньшинств, лишенные возможности сделать карьеру [Алпатов, 2004].

В связи с этим ряд ученых справедливо обращает внимание на фактор этической идентификации, рекомендуя «уточнить и, соответственно, разъяснить, чем обернется глобальная форсированная интеграция для

культурноязыкового развития этносов, в каком качестве сохраняются культуры и языки интегрируемых государственных образований. И, наконец, не слишком ли дорого может быть оплачено возможное экономическое процветание» [Нещименко, 2006, с. 67]. Действительно, сохранение и поддержка этнокультурной идентичности остаются важнейшим фактором и условием снижения межэтнической конфликтности и соблюдения социальной справедливости. Поэтому безусловная поддержка, прежде всего, региональных или миноритарных языков составляет основу принципов современного языкового законодательства в демократических государствах, что предполагает инвестиции в развитие коммуникативных стратегий билингвизма и сохранение языкового и этнокультурного многообразия. Мощным фактором, сдерживающим силы вертикальной гравитации, будет служить именно позитивная этническая идентификация, которая опирается на эмоциональную привязанность народов к родной земле, культуре и языку.

ГЛАВА 5. ДИНАМИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ КОНТАКТНОГО БИЛИНГВИЗМА

5.1. Понятие «коммуникативное пространство» и его элементы

Коммуникативное пространство этноса представляет собой сложную многоуровневую систему, включающую множество элементов, основными из которых, по мнению исследователей, являются «концептосфера, язык, религия, историческая память, коммуникативное поведение, включающее обычаи и ритуалы, а также мифы, ценности, мнемотопы, которые сохраняются, выражаются и транслируются посредством друг друга» [Рязанов, 2009 (б)]. Поскольку этнические коммуникативные пространства могут рассматриваться как основа для существования этнической идентичности, весьма актуален вопрос о необходимости их сохранения и восстановления (в случае утраты). А. В. Рязанов отмечает: «Этническое коммуникативное пространство представляет собой форму существования этноса и одновременно ресурс для его воспроизводства» [Рязанов, 2009 (б)]. Следовательно, не будет преувеличением сказать, что вопрос существования этнического коммуникативного пространства – это вопрос существования самого этноса.

Коммуникативное пространство этноса не является статичным. Под действием внешних и внутренних факторов, в той или иной степени затрагивающих этнос, оно может подвергаться динамическим изменениям – позитивным либо негативным. Динамика этнического коммуникативного пространства зависит от характера изменений, касающихся его структурных элементов и их взаимосвязей. В рамках данного параграфа мы остановимся на таких элементах коммуникативного пространства, как язык и коммуникативное поведение.

Язык входит в ядро коммуникативного пространства этноса, ведь «мышление народа выражается, фиксируется, номинируется, овнешняется языком, и изучение представлений о действительности, зафиксированных в языке определенного периода, позволяет судить о том, каково было мышление народа, какова была его когнитивная картина мира в этот период» [Красных, 2002, с. 12]. Неблагополучие языка не может не отражаться на общем состоянии этнического коммуникативного пространства, поэтому для оценки последнего необходимы подробные сведения о

демографической и коммуникативной мощности языка, обслуживающего данный этнос.

Под коммуникативным поведением И. А. Стернин понимает «реализуемые в коммуникации правила и традиции общения той или иной лингвокультурной общности» [Стернин, 1996]. А. В. Рязанов указывает на особую роль коммуникативного поведения в этническом коммуникативном пространстве: «Все структурные элементы коммуникативного пространства этноса (язык, коммуникативная и культурная память, ценности и др.) находят свое внешнее выражение в коммуникативном поведении этнофоров. Однако они не только отражаются в нем, но и посредством его транслируются и закрепляются. Поэтому меняющееся под воздействием продуктов массовой культуры коммуникативное поведение имеет тенденцию становиться чуждым традиционной этнической культуре и, таким образом, мало-помалу разрушает, деформирует этнические коммуникативные пространства» [Рязанов, 2006 (а), с. 40]. Автор уделяет особое внимание коммуникативным практикам, отмечая, что «сохранение таких практик, даже в случаях частичной утраты языка отдельными носителями этнического начала, позволяет соответствующему коммуникативному пространству достаточно долго удерживать их в своих пределах» [Рязанов, 2006 (а), с. 36]. И если коммуникативное поведение хакасской лингвокультурной общности ещё только ждёт своего исследователя, то определённые сведения о коммуникативной мощности хакасского языка, которая, как известно, определяется количеством обслуживаемых языком социальных сфер, имеются уже сейчас. Анализ этих данных свидетельствует о том, что область применения хакасского языка по-прежнему остаётся достаточно узкой. Язык присутствует в приоритетных сфере образования, культуры, СМИ и др., однако его функционирование носит ограниченный характер.

5.1.1. Сфера образования

Исследуя особенности функционирования миноритарных языков России в условиях национально-русского двуязычия, особое внимание следует обратить на использование языка молодым поколением, поскольку оно имеет исключительную значимость в сохранении этого языка. Одной из важнейших коммуникативных сфер, обеспечивающих функционирование миноритарного языка в молодёжной среде, является сфера образования. Е. К. Побызаква отмечает: «В неблагоприятной для функционирования языка ситуации на первый план выдвигается система народного образования... Не административные меры, не языковое законодательство, важность которых не оспаривается, а планомерная, ежедневная и многолетняя... работа по изменению языковой компетенции носителей хакасского языка может и должна привести к искомым результатам» [Побызаква, 2005, с. 78–79].

Нельзя не отметить, что в последние годы ситуация с изучением хакасского языка в школах изменилась к лучшему. Согласно информации, представленной на сайте Правительства РХ, «в Республике Хакасия минимальная за последние 10 лет доля детей хакасской национальности, изучающих родной язык (63 %) отмечалась в 2007/08 учебном году. С 2008/09 учебного года наблюдается тенденция к постепенному росту данного показателя» [Постановление Правительства..., 2013]. Ниже представлены данные Министерства образования и науки РХ ([Галина Салата...], [О развитии языков народов...], [Родной язык...], [Около 75 процентов хакасских детей...]):

Таблица 22

Динамика преподавания хакасского языка в школах республики

Параметр оценки	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2014 г.	2015 г.
Количество школ с преподаванием хакасского языка, шт.	87	102	121	126	128
Количество детей хакасской национальности, изучающих родной язык, %	67	69	72	74,7	76,4

Впрочем, обратившись к результатам нашего исследования, можно утверждать, что в настоящее время показатели по количеству школ с преподаванием хакасского языка и по охвату детей коренной национальности, изучающих родной язык, лишь приблизились к аналогичным показателям более чем десятилетней давности, когда хакасский язык изучали в 119 школах (76 % учеников) [Боргоякова, 2002, с. 148].

Хакасский язык представлен в системе образования в двух формах. Первая обеспечивает обучение на хакасском языке на начальной ступени школьного образования (в 2011–2012 учебном году такая форма обучения была принята в 21 школе Хакасии), вторая – изучение хакасского языка как учебного предмета. В ряде школ республики организовано факультативное изучение хакасского языка. По данным Министерства образования и науки РХ, в 2015–2016 учебном году в 128 государственных и муниципальных образовательных организациях Республики Хакасия хакасский язык изучают 6 770 детей, что составляет 76,4 % от общей численности детей хакасской национальности [Сагалаков, 2016, с. 28]. С каждым годом в школах республики увеличивается количество кружков и секций, занятия в которых также дают школьникам возможность получать сведения о своей малой родине и её титульном этносе и языке. Благодаря этому изучать хакасский язык могут не только хакасские дети, но и учащиеся других национальностей. Так, по данным министра образования и науки РХ Г. А. Салаты, в 2012–2013 учебном году в целом по Хакасии 500 детей других этносов (в том числе в Абакане более 200 детей) изучало язык титульной нации [Родной язык...]. В 2014–2015 году

количество таких детей увеличилось до 1 626 человек [В Абакане более половины детей...]. Сравнение этих цифр с данными 2000 г., когда хакасский язык изучало всего около 70 учащихся других национальностей [Боргоякова, 2002, с. 149], даёт представление о результативности усилий по увеличению количества изучающих хакасский язык, которые были предприняты в последние годы. Вместе с тем, нельзя не отметить заметное сокращение количества школьников-хакасов, обучающихся на родном языке. В 2000 году «такая форма обучения была принята в 17 национальных школах Хакасии с охватом более 600 школьников» [Боргоякова, 2002, с. 148]. В 2011–2012 гг. «в 21 образовательном учреждении республики 425 детей коренной национальности с 1 по 4 класс изучают все предметы (кроме русского) на родном языке» [Галина Салата...]. Таким образом, за прошедшее десятилетие количество школьников, обучающихся на родном языке, сократилось почти на треть. При этом данные показатели являют собой значительный прогресс, поскольку количество школьников, обучавшихся на родном языке в 2009–2010 учебном году, составляло всего 209 человек, а в 2008–2009 г. – 125 [Мониторинг межнациональных отношений...].

Хакасский язык и литература в общеобразовательной школе изучаются в четырех городских округах и семи муниципальных районах. Наиболее высокий охват учащихся изучением хакасского языка достигнут в Аскизском, Бейском, Алтайском и Таштыпском районах. В 2011–2012 учебном году факультативное изучение хакасского языка начали в лицее г. Черногорска, «СОШ № 1» г. Сорска, в двух училищах Аскизского и Таштыпского районов и в Бейской коррекционной школе. В 2012–2013 учебном году язык коренного народа впервые начали изучать в Саяногорской школе № 6, профессиональных училищах Аскизского, Таштыпского, Бейского, Ширинского районов, ПУ № 6 и техникуме коммунального хозяйства и сервиса Абакана. Кроме того, в 2012–2013 учебном году изучение родного языка организовано еще в 12 школах Абакана.

Ситуация с изучением хакасского языка в дошкольных учреждениях республики заметно отличается от таковой в системе общеобразовательных школ. По данным на 2012 г., изучение хакасского языка организовано в 31 детском саду республики (это лишь 18 % от общего количества детских садов) [Выступление министра образования...]. По сообщению заместителя министра образования и науки Республики Хакасия Ю. Г. Сагалакова, в настоящее время «из 3301 ребенка хакасской национальности, которые посещают детские сады, 68 % изучают хакасский язык» [Сагалаков, 2016, с. 28]. Созданы условия по изучению хакасского языка в детских садах г. Абакана, Аскизского, Алтайского и Таштыпского районов, однако из-за отсутствия педагогов прекратили изучение родного языка в детских садах Орджоникидзевского, Усть-Абаканского районов. Подобная ситуация, несомненно, нуждается в корректировке, по-

скольку «именно в системе дошкольного образования заложен наиболее значительный потенциал эффективного обучения детей родному языку» [Боргоякова, 2002, с. 149].

Для обеспечения более успешного изучения хакасского языка и литературы в республиканских образовательных учреждениях Хакасским книжным издательством выпускаются учебники и учебно-методическая литература на хакасском языке. По заявлению Минобрнауки РХ, в настоящее время все учащиеся образовательных учреждений Республики Хакасия с 1 по 11 класс обеспечены бесплатными учебниками на хакасском языке [Выступление министра образования...].

В сфере высшего образования хакасский язык используется в Хакасском государственном университете имени Н. Ф. Катанова. Институт филологии и межкультурной коммуникации готовит специалистов по направлению бакалавриата «Педагогическое образование: Хакасский язык и литература», а также по магистерской программе «Хакасский язык, литература, культура». Кроме того, в университете осуществляется подготовка аспирантов по научной специальности 10.02.02. – Языки народов РФ (хакасский язык).

Затрагивая тему функционирования хакасского языка в сфере высшего образования, уместно упомянуть активные общественные дискуссии, которые разгорелись в 2012 году в связи с укрупнением шести учебных структурных подразделений в Хакасском госуниверситете. В результате реорганизации Институт саяно-алтайской тюркологии и восточных языков (ИСАТ и ВЯ), осуществлявший подготовку учителей хакасского языка и литературы, был упразднён. Кафедра хакасской филологии и кафедра языкознания, литературоведения и межкультурной коммуникации вошли в состав Института филологии и межкультурной коммуникации (ИФиМК), кафедра, осуществлявшая подготовку учителей начальных классов – в состав Института непрерывного педагогического образования (ИНПО). Несмотря на то, что практически все направления подготовки ИСАТ и ВЯ были сохранены, эти преобразования были очень болезненно восприняты некоторой частью хакасского сообщества. Развернулась масштабная кампания за сохранение ИСАТиВЯ, самые активные участники которой выступали с резкой критикой в адрес руководства института, университета и республики. Дискуссии о сохранении ИСАТиВЯ особенно активно велись в социальной сети «В контакте» (сообщество «За сохранение ИСАТа!» и некоторые другие), а также в комментариях к новостным сообщениям информационного агентства «Хакасия», в которых освещался ход реорганизации в ХГУ, а также вопросы республиканской языковой политики. Анализ материалов этих дискуссий позволяет сделать следующие выводы. С одной стороны, возникновение такого движения является показателем большой озабоченности населения РХ современным состоянием и перспективами языка титульной национальности,

свидетельствует о неравнодушии к его будущему, об осознании его культурной и исторической ценности. С другой стороны, попытки возложить всю ответственность за сохранение родного языка только на государство в определенной степени свидетельствуют о неготовности многих дискутирующих разобраться в истинных причинах ослабления позиций хакасского языка, которые, в свою очередь, привели к закрытию ИСАТиВЯ. Представители инициативной группы «За сохранение ИСАТа» настаивали на том, что в ИСАТиВЯ обучаются главным образом студенты из сельской местности, большинство из которых после окончания университета возвращается в родные аалы и трудоустраивается в сельские школы. По мнению активистов, упразднение ИСАТиВЯ и вхождение его кафедр в состав ИФиМК и ИНПО приведёт к исчезновению особой социокультурной среды, позволяющей студентам из сельской местности лучше адаптироваться к новым условиям жизни в городе и, следовательно, поставит под угрозу саму возможность их обучения в университете и дальнейшей работы в сельской школе. Трудно сказать, насколько обоснованными были эти опасения: в настоящее время бывшие студенты ИСАТиВЯ успешно продолжают обучение в ИФиМК и ИНПО. Представляется, что укрупнение учебных структур ХГУ не привело к ухудшению ситуации с преподаванием хакасского языка в университете, а также к снижению объемов и качества научных исследований.

Изучение языка в Хакасском госуниверситете осуществляется на базе учебно-методических комплексов, созданных ведущими учёными кафедры хакасской филологии ИФиМК и Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии (ИГИСАТ) ХГУ имени Н. Ф. Катанова. В последние годы изданы вузовские учебники и пособия И. Л. Кызласовой «Древние тюркские языки» (2012 г.), Л. И. Чебодаевой «Хакасский язык. Синтаксис» (2012 г.), В. А. Боргоякова «Национально-культурная специфика лексики хакасского языка» (2012 г.). В 2013 году был опубликован словарь-справочник А. Н. Чугунековой и М. Д. Чертыковой «Лексико-семантические группы хакасских глаголов (глаголы говорения и движения)», в 2014 г. – «Словарь синонимов хакасского языка» (составители – И. Л. Кызласова и М. Д. Чертыкова), хрестоматия «Вопросы хакасского языкознания» в двух частях (составители – А. Д. Каксин, М. Д. Чертыкова), учебные пособия «Хакасская фразеология» Т. Г. Боргояковой, «Хакасский язык в лингвистических типологиях» А. Д. Каксина, «Пространственные послелого и служебные имена в хакасском языке (сравнительный аспект)» А. Н. Чугунековой. В 2015 году было получено свидетельство о государственной регистрации инновационного проекта «Модель хакасско-английского электронного тезауруса KIZI/PERSON» (научный руководитель – Т. Г. Боргоякова). В 2016 году был издан словарь-справочник «Лексико-семантические группы глаголов хакасского языка (глаголы со значением психической деятельности)» М. Д. Чертыковой.

Таким образом, в начале 2000-х годов динамика функционирования хакасского языка в сфере образования характеризуется снижением числа обучающихся на родном языке и изучающих его как учебный предмет и тенденцией к увеличению их числа во второй половине первого десятилетия. И если показатели количества детей-хакасов, изучающих родной язык, в 2015 г. приблизились к аналогичным показателям 2002 г., то количество школьников, обучающихся на родном языке, за прошедшее десятилетие сократилось почти на треть. В сфере высшего образования хакасский язык представлен в ХГУ имени Н. Ф. Катанова, хотя после упразднения Института саяно-алтайской тюркологии и восточных языков подготовка учителей хакасского языка перестала осуществляться в отдельном структурном подразделении. Как положительный факт следует отметить опубликование значительного количества учебной и учебно-методической литературы для изучения хакасского языка за последнее десятилетие, в том числе учебников хакасского языка для начальной школы по программе для начинающих изучать язык.

5.1.2. Сфера массовой коммуникации

В настоящее время эта область функционирования языка может быть причислена к приоритетным коммуникативным сферам, поскольку средства массовой коммуникации являются важным фактором формирования коммуникативного пространства. Феномен взаимодействия средств массовой коммуникации и аудитории определяется исследователями как медиапространство. Под этим термином понимается совокупность социальных отношений по поводу производства и потребления массовой информации [Касаткина, 2011]. Согласно определению Е. Н. Юдиной, медиапространство имеет три формы репрезентации: физическое пространство, т. е. масс-медиа, составляющие материальную основу производства и передачи массовой информации; пространство социальных отношений агентов медиапространства, которые связаны с производством и потреблением массовой информации; символическое пространство, т. е. информационный символический продукт, в форме которого распространяется массовая информация [Юдина, 2008]. Исследуя медиапространство полиэтнической республики, особое внимание следует уделить месту, занимаемому региональным языком, особенности функционирования которого в этой важной коммуникативной сфере дают отчётливое представление о степени благополучия соответствующего языка.

В медиапространстве Республики Хакасия хакасский язык по-прежнему функционирует ограниченно, хотя в последние годы наметилась тенденция к усилению его присутствия в этой сфере.

На хакасском языке издаётся единственная республиканская газета «Хабар» («Новость») (ранее – «Хакас чирі») («Хакасская земля»), «Ленин чолы» («Ленинский путь»), «Хызыл аал» («Красная деревня»). Её учредителями являются Правительство Республики Хакасия и Верховный Совет РХ. Изначально являясь приложением на хакасском языке к минусинской газете «Власть труда», газета стала первым периодическим изданием в истории журналистики Хакасии. Сейчас это единственное периодическое издание на хакасском языке, сохранившееся с 20-х годов XX века до наших дней [Костякова, 2005]. В настоящее время газета выходит три раза в неделю: по вторникам, средам (8 полос) и пятницам (12 полос), два раза в месяц издаётся приложение на русском языке «Страна Хабар». Тираж газеты – более 3 тысяч экземпляров. В Аскизском, Таштыпском и Бейском районах Хакасии «Хабар» занимает первое место среди республиканских СМИ по количеству подписчиков.

Некоторые газеты, издаваемые в районах РХ, имеют приложения на хакасском языке. Так, раз в месяц издаётся приложение «Чир-суум үні» («Голос родной земли») к газете «Земля таштыпская» (Таштыпский район). Также существует ежемесячное приложение «Асхыс чайааны» («Творчество Аскиза») к газете «Аскизский труженик» (Аскизский район).

С 2008 г. издаётся детский литературный журнал «Тигір хуры» («Радуга») и приложение «Кунічек» («Солнышко»). Журнал, ориентированный на детей дошкольного и младшего школьного возраста, выходит 2–3 раза в год, его тираж – 1000 экземпляров. После продолжительного перерыва вновь стал выходить литературно-художественный и общественно политический альманах «Инесай» («Енисей»), который выходит 2 раза в год тиражом в 1000 экземпляров. В «Инесае» печатается поэзия, проза, литературная критика, драматургия и публицистика. Следует отметить, что журналы начали издаваться Министерством образования и науки Республики Хакасия в рамках ведомственной целевой программы «О развитии языков народов Республики Хакасия на 2008–2010 годы» и продолжают выходить в рамках подпрограммы «Укрепление единства российской нации и гармонизация межнациональных отношений в Республике Хакасия в 2014–2016 годах» государственной программы Республики Хакасия «Региональная политика Республики Хакасия (2014–2016 годы)».

Радиопередачи на хакасском языке выходят постоянно, в будние дни, в течение 50 минут. Вещание на хакасском языке составляет почти треть от общего вещания республиканской ГТРК «Хакасия» (220 часов в год). Особой популярностью среди слушателей пользуются радиопередачи «Устар» («Мастера»), «Айра» («Родничок»), рассказывающие о культуре Хакасии, о мастерах народных ремёсел. Кроме того, ежемесячно в эфир выходит получасовая передача о спорте на хакасском языке.

В последние годы увеличилось также количество телепередач на хакасском языке либо с хакасским компонентом. Помимо ежедневных выпусков новостей («Хабарлар» – «Новости») и обзора событий за неделю («7 куннин салтарлары» – «Итоги недели»), телеканал РТР транслирует и другие передачи на хакасском языке, посвящённые Республике Хакасия и её народу. Совместно с ГУ МЧС России по Хакасии творческий коллектив ГТРК выпускает программу «Культ безопасности», которая дублируется на хакасском языке. Творческим коллективом телеканала «ГНТ-Абакан» совместно с кафедрой хакасской филологии ХГУ имени Н. Ф. Катанова был подготовлен цикл передач «Хада – Вместе», посвящённых изучению хакасского языка, а также особенностям национальной культуры хакасов. Кроме того, телеканал «ГНТ-Абакан» выпускает передачу «Изеннер!» («Здравствуйте!»), которая посвящена людям, внесшим значительный вклад в развитие Хакасии в различных сферах жизни. А в программе передач Республиканской телевизионной сети (РТС) есть телепроект «Чудеса Хакасии», посвящённый достопримечательностям республики. Кроме того, в Аскизском районе РХ ведёт работу Аскизская студия телевидения (Ас-ТВ), которая выпускает телепередачи четыре дня в неделю. На Ас-ТВ можно увидеть выпуски новостей на русском и хакасском языках; один раз в неделю выходит двуязычная передача художественной редакции. Зона покрытия Ас-ТВ – 50 % населения Аскизского района и 30 % Бейского.

Как видно, национальное теле- и радиовещание сосредоточено главным образом в информационно-аналитической и культурной сферах. В 2002 г. нами было отмечено, что «качество многих публикаций и телерадиопередач на хакасском языке не всегда соответствует современным требованиям», что связано главным образом с дефицитом профессиональных журналистов, свободно владеющих хакасским литературным языком, и трудностями в поиске интересных героев передач, которые могли бы свободно и грамотно говорить на родном языке [Боргоякова, 2002, с. 151]. Представляется, что десятилетие спустя эти проблемы всё ещё актуальны, однако появление в эфире новых телепередач, посвящённых хакасскому языку, особенностям национальной культуры хакасов и природе Хакасии, свидетельствует о наличии положительных сдвигов в функционировании хакасского языка в республиканском медиапространстве. Как справедливо отмечает Ю. Б. Костякова, «национальные СМИ больше внимания уделяют пропаганде культуры, истории, искусства, обычаев, традиций хакасского народа не только для заполнения информационной ниши, но и для сохранения языкового богатства, которое оскудеет или вообще исчезнет без той среды, в которой оно формировалось и существовало ранее» [Костякова, 2005, с. 93]. Поэтому, несмотря на то, что преимущество в предоставлении наиболее важной информации остаётся за русскоязычными СМИ, публикации и передачи на хакасском языке

ке либо с хакасским компонентом в определенной степени восполняют дефицит присутствия языка титульной нации, способствуют расширению области его функционирования и тем самым, возможно, способствуют увеличению количества желающих изучить родной язык и передать его своим детям.

Согласно результатам социолингвистического опроса, проведённого в 2012–2013 гг. научными сотрудниками Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии ХГУ имени Н. Ф. Катанова среди 400 хакасских респондентов, смотрят телепередачи на хакасском языке около 63 % опрошенных, читают газеты и журналы – 56 %. Радиопередачи пользуются меньшим успехом – их слушают только 23 % респондентов.

Всё вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в медиапространстве Республики Хакасия региональный язык представлен ограниченно, хотя в последние годы его присутствие в этой области усиливается. Причиной положительных изменений в функционировании хакасского языка в региональном медиапространстве отчасти являются позитивные перемены в языковой политике региона. Однако нельзя не отметить и то, что в последние годы значительно повысилась степень осведомлённости о проблемах регионального языка среди населения Хакасии. Последние социолингвистические исследования свидетельствуют о наличии «стабильно высокого уровня позитивной этнической идентификации хакасской молодёжи вкупе с отсутствием враждебных настроений со стороны доминантного русского этноса» [Боргоякова, Гусейнова, с. 236]. Эти выводы подтверждаются и наблюдениями за развитием виртуального медиапространства Республики Хакасия: к примеру, в последние годы в социальных сетях появилось большое количество Интернет-сообществ, посвящённых хакасскому языку и культуре. Всё это свидетельствует о том, что необходимость сохранения и развития миноритарного языка всё больше осознаётся населением Хакасии, причём не только этническими хакасами, но и представителями других народов, проживающих в республике.

5.1.3. Сфера духовной культуры

Положение хакасского языка в сфере духовной культуры можно считать благополучным [см. об этом: Гусейнова, 2011]. Хакасский национальный драматический театр имени А. М. Топанова, музыкально-драматический театр «Читиген», многочисленные творческие коллективы популяризируют хакасскую национальную культуру, активно используя при этом хакасский язык.

Театры являются, пожалуй, наиболее крупными учреждениями культуры в РХ; кроме того, театральная культура (наряду с музыкальной)

формирует представление о культуре народа в целом. В Республике Хакасия ведут активную работу четыре театра: Русский драматический театр имени М. Ю. Лермонтова, Хакасский национальный драматический театр имени А. М. Топанова, Хакасский национальный театр кукол «Сказка» и Хакасский музыкально-драматический театр «Читиген». Старейшим из этих учреждений является ХНДТ им. А. М. Топанова – он основан в 1931 г. В его репертуаре имеются постановки на хакасском и русском языках, а сам театр, создавая спектакли на хакасском языке, способствует сохранению и передаче языка и культурных ценностей коренного населения молодому поколению. Другими словами, Хакасский национальный драматический театр видит свою миссию в сохранении и развитии родной культуры, что достигается постановкой спектаклей соответствующей тематики и активным использованием хакасского языка в этой работе.

Хакасский музыкально-драматический театр «Читиген» («Большая медведица») изначально был национальным, а его основной целью являлось ознакомление зрителя с произведениями хакасских авторов, популяризация хакасской национальной культуры. Следует отметить, что театр «Читиген» является передвижным, что позволяет ему работать в самых отдалённых уголках нашей республики. Основной рабочий язык театра – хакасский.

Творческие коллективы Хакасии также весьма активно используют хакасский язык и элементы хакасской культуры в своей работе, внося тем самым свой вклад в формирование лингвокультурного пространства республики. Так, например, уже более пятидесяти лет существует хакасский народный ансамбль песни и танца «Жарки» («Күн чахайагы»), в репертуаре которого – хакасские народные песни, авторские постановки, хакасские танцы, современные танцы. Фольклорные ансамбли «Улгер» («Созвездие»), «Чон көглері» («Народные мелодии»), «Айланьс» («Возрождение»), рок-группа «Иренек-хан» широко пропагандируют древнее музыкальное наследие Хакасии, используя в своей работе не только хакасский язык, но и хакасские народные инструменты, что способствует более глубокому погружению в музыкальную культуру предков. Особое внимание обращает на себя детская образцовая эстрадная студия «Час Ханат» («Неокрепшие крылья»), представляющая публике хакасские эстрадные песни, танцы и ориентированная, прежде всего, на молодое поколение. Танцевальная культура в РХ вообще представлена достаточно широко: ансамбль хакасского танца «Күн сузы» («Луч солнца») представляет ансамблевое танцевальное искусство по всему миру; хакасская образцовая хореографическая студия «Айас» («Безоблачное небо») имеет в своем репертуаре обширную коллекцию танцев народов мира, среди которых, конечно, есть и хакасские; танцевальная группа «Ынархас» («Дружба») также осуществляет весьма разноплановые тематические

постановки. Танцевальный коллектив «Саяночка», заявленный как ансамбль русского танца, наряду с русскими постановками (такими как «Москва златоглавая», «Коляда-колядушка» и другими) имеет в своем репертуаре и такие как «Мать Хакасия», «Волшебный чатхан», что опять-таки указывает на присутствие национального компонента в сфере духовной культуры республики. Кроме того, обращает на себя внимание и название этого ансамбля, которое хоть и является русским, но всё же отражает ту любовь и уважение, которые жители Хакасии питают к своей малой родине. То же можно сказать и об ансамбле бального танца «Гарина»: в качестве названия для него было выбрано популярное хакасское женское имя.

В Хакасии регулярно проводятся разного рода этнические фестивали: это знаменитый эколого-этнический фестиваль «Чир Чайаан» («Дух земли»), для участия в котором в республику приезжают гости из многих стран; международный фестиваль этнической эстрады «От ыры» («Песня огня»), который также традиционно собирает большое количество участников из разных регионов Российской Федерации и стран мира; международный молодежный фестиваль интернациональной дружбы «Ынархас чоллары» («Дороги дружбы») и другие, менее масштабные мероприятия. Всё с большим размахом в последние годы отмечаются и традиционные хакасские праздники: Чыл пазы, Тун-пайрам, Чир Ине и другие. Большой интерес к ним проявляют не только жители Республики Хакасия (независимо от их национальной принадлежности), но и жители соседних регионов.

Всё вышеизложенное позволяет сделать вывод о весьма интенсивном развитии хакасской национальной культуры, интересе к ней со стороны населения РХ и других регионов России, а также зарубежья: она уникальна, самобытна, и в полной мере приобщиться к ней можно, пожалуй, только в самой Хакасии. А развитие хакасской культуры немислимо без хакасского языка, поэтому большое количество творческих коллективов и мероприятий с хакасскими названиями, которые используют в своей работе хакасский язык, является показателем положительных тенденций в его функционировании. Порой столь успешное развитие национальной культуры наводит на мысль о том, что и язык, обслуживающий эту культуру, развивается благополучно и ему ничто не угрожает. Однако социолингвисты предостерегают нас от столь поверхностных выводов. Т. Г. Боргоякова, ссылаясь на Д. Фишмана, пишет: «Специальные мероприятия с символическим использованием языка мало влияют на ежедневное функционирование языка, особенно использование его молодежью. Обычно такие мероприятия проводятся при финансовой поддержке властей, носят фольклорно-показательный характер и мало способствуют дальнейшим усилиям по межпоколенной передаче языка» [Боргоякова, 2002, с. 233–234]. Автор заключает: «Так же, как никакой объем позитив-

ного отношения к языку не может заменить совершенно конкретной работы по восстановлению языка и вербальной культуры, так и никакое количество лекций, театральных постановок и концертов, изданных книг и журналов на языке X не может заменить воссоздание молодых семей детородного возраста, в которых язык X является основным или вторым средством коммуникации дома, среди друзей и соседей» [Боргоякова, 2002, с. 232–233]. С другой стороны, благополучное функционирование хакасского языка в сфере духовной культуры может в определённой степени способствовать замедлению сокращения количества его носителей или даже их увеличению. Результаты социалингвистических опросов позволили установить, что основной причиной нежелания жителей РХ изучать хакасский язык и передавать его своим детям является узкая сфера его применения. Это даёт основание предположить, что активное функционирование хакасского языка хотя бы в отдельных областях жизни республики может побудить хакасскую молодёжь, владеющую родным языком, выбрать его в качестве языка общения в собственных семьях и тем самым передать родной язык своим детям. Что же касается тех, кто хакасским языком не владеет (это относится не только к этническим хакасам, но и к представителям других народов, проживающих на территории РХ), то представляется, что желание приобщиться к богатейшей культуре хакасского народа способно привести их к изучению хакасского языка.

5.1.4. Сфера религии

Результаты опроса, проведённого В. П. Кривоноговым с целью определения религиозной принадлежности хакасов, свидетельствуют о том, что 18,7 % из них являются неверующими, 10 % – приверженцами традиционного культа, 32,4 % исповедуют православие, 33,1 % считают себя одновременно православными и последователями традиционного культа (остальные 5,8 % отнесены к «прочим», т.е. приверженцам западных протестантских течений и просто теистам) [Кривоногов, 2011, с. 187]. Таким образом, 65,5 % хакасов так или иначе причисляют себя к православным христианам, а потому анализ функционирования хакасского языка именно в этой конфессиональной области представляется наиболее целесообразным.

В социалингвистической энциклопедии «Письменные языки мира: Языки Российской Федерации», изданной в 2000 году, указано, что в религиозной практике хакасский язык не используется. Согласно энциклопедии, язык не применялся в религиозных службах, ритуалах и обрядах, а из священных текстов на хакасский язык были переведены только Жития святых. Однако в настоящее время ситуация изменилась. Первое, о чём следует упомянуть, – это издание Евангелия («Чახсы хабар») на хакасском языке. Эта книга вы-

шла в 2007 году и в неё вошли Евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, то есть все 4 Евангелия Нового Завета. Перевод был организован по инициативе Института перевода Библии (г. Стокгольм). В 2008 г. была выпущена в свет книга иллюстрированных библейских рассказов «Библия для детей» на хакасском языке («Олганнар Библиязы»). А уже в 2010 г. был издан полный вариант Нового Завета – «Наа Молчаг».

Нельзя не согласиться с мнением профессора В. Г. Карпова, который называет появление Библии на хакасском языке «знаменательным событием» [Карпов, 2008, с. 19]. Действительно, переводы конфессиональных книг значительно обогащают словарный и фразеологический фонд языков мира, внося в них большой пласт религиозной лексики. Как пишет Н. Б. Мечковская, Писание на родном языке способствует «интенсивному развитию в языке новых видов речи – аллегорической, абстрактно-философской, экспрессивно-метафорической» [Мечковская, 1998, с. 270]. Там же автор указывает, что «переводы Писания часто становились материально-языковой базой наддиалектного (общенационального) литературного языка». М. Е. Алексеев указывает на исключительную роль перевода Библии в повышении престижа родного языка и, соответственно, повышение интереса к нему как со стороны носителей, так и со стороны местных органов власти [Алексеев, 2008]. «Перевод Библии на один из таких (исчезающих – А. Г.) языков служит мощным импульсом для национального, культурного и духовного возрождения народа – носителя этого языка» – пишет учёный [Алексеев, 2008, с. 15]. Следовательно, издание Библии на хакасском языке является не только заметным событием в его социальной истории, но и фактором расширения сфер его использования и поддержки его витальности.

Впрочем, для того, чтобы говорить о полноценном вхождении языка в религиозную сферу, недостаточно одних лишь переводов священных текстов. Так, А. Р. Мурадова считает использование миноритарного языка (или его «классического» варианта) в качестве языка богослужения одним из важнейших факторов, способствующих сохранению языка национального меньшинства [Мурадова, 2008]. Поэтому как положительный момент следует отметить, что перевод Нового Завета – не единственный факт вхождения хакасского языка в религиозную сферу. К сожалению, в настоящее время использование хакасского языка в богослужениях – скорее исключение, чем правило, однако таких исключений с годами становится больше. Так, в градо-абаканском храме Святых Равноапостольных Царей Константина и Елены в ходе воскресной литургии совершается чтение Евангелия не только на старославянском, но и на хакасском языке. По-хакасски читаются и некоторые молитвы (например, «Отче наш» – «Пабабыс»), на региональный язык переведено также некоторое количество песнопений [Настоятель Градо-Абаканского храма...]. Всё это, конечно, во многом является личной инициативой на-

стоятеля храма протоиерея Геннадия Фаста, однако в любом случае расширение сферы применения хакасского языка служит дополнительным поводом для более оптимистичного прогноза относительно его будущего.

Таким образом, если в начале 2000-х гг. из священных текстов на хакасский язык были переведены только Жития святых, то в настоящее время христиане, владеющие хакасским языком, могут читать на нём Новый Завет и детскую Библию, а также слышать хакасский язык на богослужениях. Следовательно, динамика функционирования хакасского языка в сфере религии может быть признана положительной.

5.1.5. Сфера городского пространства

Язык города представляет собой сложную систему, которая в последние годы весьма активно изучается отечественными лингвистами. Пристальное внимание исследователей обращено к вопросам языковой политики и языкового планирования, особенно в части городской топонимики. Для столицы поликультурного региона эти вопросы особенно актуальны, поскольку при наименовании городских объектов здесь очень важно соблюсти баланс между языками, функционирующими в соответствующем городском пространстве.

В урбанонимии г. Абакана доминирующие позиции занимает русский язык, преобладающий практически во всех сферах жизни республики. Несмотря на официально установленное двуязычие, надписи на хакасском языке в столице Хакасии встречаются достаточно редко. Использование государственного языка республики представлено:

1. В сфере административно-территориального управления, где используются двуязычные вывески на зданиях государственных учреждений. Использование таких вывесок является обязательным пунктом республиканского закона о языках (статья 14, п. 2), и их наличие укрепляет имидж столицы республики с двумя государственными языками.

2. В сфере духовной культуры, где используются двуязычные надписи, примером которых являются афиши, вывески, сообщающие горожанам о проведении мероприятий, связанных с хакасским языком и культурой. На этих вывесках чаще всего можно видеть названия хакасских праздников («Чыл пазы», «Тун пайрам»), приглашения к участию в различных мероприятиях, имеющих национальную специфику («Мисс Абахай», «Алыптар»), анонсы предстоящих культурных событий и т. п. Как было отмечено выше, хакасский язык продолжает активно функционировать в деятельности национальных учреждений культуры, потому использование хакасского языка здесь вполне органично. Следует отметить, впрочем, что подобные надписи чаще всего двуязычны, хотя встречаются и одноязычные надписи, ориентированные исключительно на хакасскоязычную аудиторию.

3. В сфере здравоохранения следует отметить двуязычные вывески в зданиях медицинских учреждений, в частности, аптек и аптечных пунктов разной формы собственности.

4. В номинации городских объектов, в том числе торговых точек, предприятий, встречаются такие эмпоронимы как магазин детских товаров «Палалар» («Дети»), сауна «Мылча», торговый центр «Агбан» («Абакан»), выставочный зал «Чылтыс» («Звезда») и некоторые другие. В качестве удачного примера использования хакасского языка в городской номинации А. Д. Каксин приводит название гостиницы «Кантегир», что находится в аэропорту [Каксин, 2013 (а)]. Поясняя эту мысль, он ссылается на хакасско-русский словарь, с помощью которого сочетание слов хан (хан, владыка) и тигір (небо), от которых образовано название гостиницы, можно перевести как «владыка небес». Исследователь делает вывод о том, такое название можно считать вполне оправданным, «если учесть к тому же, что гостиница эта предназначена, прежде всего, для летчиков» [Каксин, 2013 (а), с. 67].

Однако общий языковой облик города А. Д. Каксин характеризует следующим образом: «Сегодняшний Абакан, столица Республики Хакасия, – город «с русским языком»» [Каксин, 2013 (а)]. С этим мнением трудно не согласиться, поскольку хакасских названий на карте Абакана действительно немного.

Для того, чтобы получить более полное представление о доле регионального компонента в урбанонимии г. Абакана, мы провели анализ названий линейных городских объектов (годонимов), представленных на интернет-сайте «Почтовый индекс». Материалом исследования послужили 384 годонима. Отметим, что мы намеренно не включили в исследование такие названия как «Район 1-й, квартал 101-й» и подобные, которых в Абакане имеется несколько десятков. Подобные наименования безлики и неинформативны, а потому не представляют интереса для настоящего исследования. Проведённый анализ позволил установить, что лишь около 13 % абаканских улиц названы в честь людей или мест, связанных с Хакасией и Сибирью. В качестве примера можно привести такие оттопонимические годонимы как ул. Сибирская, Енисейская, Минусинская, Дивногорская и т.п., а также названия улиц, образованных от фамилий знаменитых уроженцев наших мест: ул. Ивана Ярыгина, ул. Кати Перекрещенко, ул. Николая Манакова, ул. Г. А. Вяткина и другие. Если же остановиться только на хакасских названиях, то их будет ещё меньше. В Абакане есть улицы, названные в честь шести из восьми районов Хакасии: ул. Алтайская, Аскизская, Бейская, Бюграда, Таштыпская, Ширинская. Возможно, в эту группу можно включить и улицу Саралинскую, поскольку до 1955 года Орджоникидзевский район Республики Хакасия назывался Саралинским районом. Помимо перечисленных «географических» годонимов следует назвать улицы Абаканская и Хакасская, а также

Баланкульский и Ташебинский проезды. Улиц, носящих имена выдающихся представителей коренного народа Хакасии, нам удалось выявить всего 13. Это улицы имени А. П. Кыштымова, В. А. Угужакова, Н. Г. Доможакова, И. Н. Ахпашева, Г. И. Итыгина, И. Н. Карачаковой, М. Е. Кильчичакова, Н. Ф. Катанова, А. Киштеева, С. З. Карамчакова, М. Г. Торосова, М. И. Чебодаева, И. Ф. Чертыгашева. Впрочем, имена эти увековечены не только в названиях улиц. Ряд образовательных, научных и культурных учреждений нашей республики названы в честь её прославленных сынов. Так, имя Н. Ф. Катанова носят Хакасский госуниверситет и Хакасская национальная гимназия-интернат, имя классика хакасской литературы Н. Г. Доможакова – национальная библиотека. Хакасский краеведческий музей назван в честь выдающегося археолога-востоковеда Л. Р. Кызласова, Хакасский национальный драматический театр – в честь драматурга А. М. Топанова. Учреждения, носящие имена знаменитых уроженцев Хакасии, есть и в других населённых пунктах республики (например, Аскизский краеведческий музей имени Н. Ф. Катанова (с. Аскиз), Центральная районная библиотека имени М. Е. Кильчичакова (с. Аскиз), Литературный музей имени М. Е. Кильчичакова (с. Верхняя Тёя) и др.). Многие из упомянутых имён запечатлены и на памятных досках, которые установлены на городских строениях. Всё это, несомненно, идёт на пользу языковому облику г. Абакана, придавая ему региональный колорит, которого в лингвокультурном пространстве республиканской столицы так мало.

Впрочем, как положительный факт можно отметить, что постепенно число хакасских названий на карте Абакана увеличивается. Так, в последние годы здесь появились магазин этнических сувениров «Алтын чир» («Золотой мир»), ресторан хакасской кухни «Хоон Хоорай» (тюркское самоназвание территории Саяно-Алтая), хакасский образовательный центр «Піліс» («Знание»). Кроме того, администрацией города также предпринимаются меры по увеличению доли регионального языка в лингвокультурном пространстве Абакана. Так, летом 2013 года по инициативе Администрации города Абакана в столице Хакасии началась работа над первым в истории города проектом по присвоению названия будущему жилому массиву, который появится в ближайшие годы. На первом этапе реализации проекта жителей Абакана через средства массовой информации пригласили принять участие в выборе названия для нового микрорайона. Обязательное условие конкурса заключалось в том, что название обязательно должно быть на хакасском языке. В течение месяца от горожан поступила почти сотня вариантов нового названия. На заседании комиссии по наименованию и переименованию городских объектов, куда были приглашены специалисты по хакасскому языку, были выбраны 11 наиболее удачных вариантов, среди которых: «Айас» (светлый, ясный, солнечный); «Айдас» (могучий, мощный); «Арбан» (счастье);

«Пайзан» (прекрасный); «Солбан» (астрономич. Венера) и другие. В течение следующего месяца на сайте мэрии Абакана проходило голосование; наибольшее количество симпатий абаканцев досталось вариантам «Арбан», «Айас» и «Солбан». Решением комиссии по наименованию и переименованию городских объектов новому жилому району Абакана было присвоено имя «Арбан», которому отдали предпочтение большинство участников интернет-голосования.

Свой вклад в придание облику г. Абакана регионального колорита внесло и хакасское региональное отделение партии «Единая Россия», которым было принято решение о развитии проекта «Историческая память». Целью проекта является «увековечивание в названии улиц и вновь возводимых в регионе объектов культуры, спорта и социальных учреждений памяти уроженцев Хакасии, которые прославились военными подвигами или выдающимися достижениями в труде, искусстве, научной или иной деятельности» [Абаканским улицам придумали названия...]. Единороссы Хакасии внесли в комиссию по наименованию и переименованию городских объектов предложение о присвоении улиц имен выдающихся ученых, деятелей культуры и искусства, героев боевых действий. В представленный список вошли такие прославленные уроженцы Хакасии как, например, офицеры Вооружённых сил РФ С. С. Ашлапов и С. В. Кирячек, погибшие в Чечне, выдающийся спортсмен С. З. Карамчаков, а также Г. Я. Ремишевская, которая почти 30 лет возглавляла Хакасскую республиканскую больницу. Эти предложения были учтены Абаканским городским Советом депутатов, резолюцией которого в 2011 году улицам 10-го жилого района Абакана были присвоены указанные имена. В названиях улиц тогда же были увековечены имена заслуженного художника России В. Ф. Капелько и заслуженного учителя РСФСР И. А. Барашковой, которые жили и работали в Абакане.

«Любое название – это своего рода социальный заказ, тесно связанный со сменой общественно-экономической и политической формации, социального уклада общества, отражением национально-культурных традиций в полиэтническом пространстве, которые в совокупности неизбежно влияют на языковое оформление урбанонимического пространства», – пишет Ю. Г. Пушкарёва [Пушкарёва, 2013, с. 11]. Позволим себе считать, что увеличение (пусть даже незначительное) количества хакасских названий на карте Абакана знаменует собой переход к более прогрессивной языковой политике муниципального уровня. Сами абаканцы также способствуют увеличению регионального компонента в лингвокультурном пространстве столицы Хакасии, что свидетельствует об их неравнодушии к языковому облику родного города, об их интересе к государственному языку республики и является проявлением высокого уровня языковой толерантности.

По словам Б. Я Шарифуллина, «Языковое планирование и языковая политика должны стать органичной частью общей политики, направленной на улучшение социальной, экономической и культурной ситуации в городе. Языковая ситуация для горожанина должна быть такой же комфортной, как и его социокультурное и экономическое положение» [Шарифуллин, 2000, с. 172]. Эти слова полностью подтверждают и нашу мысль о том, что для жителей каждого многонационального города очень важно осознавать, что языки, используемые в общении его жителями, являются равноправными, и поэтому в равной степени должны участвовать в создании его языкового и этнокультурного облика.

5.2. Языковая лояльность жителей Хакасии

Языковая лояльность является важным параметром оценки языковой ситуации. Действительно, объективные условия жизни языка во многом определяются языковой политикой государства, но даже самая прогрессивная языковая политика может оказаться неэффективной, если сами носители миноритарного языка не имеют по отношению к нему позитивной установки. Высокий уровень лояльности к родному языку является показателем высокой этнической самооценки и комфортного самочувствия этноса на данной территории; толерантность по отношению к неродным языкам свидетельствует о наличии спокойных, добрососедских отношений между представителями этносов, населяющих регион, что является залогом их мирного сосуществования и успешной межкультурной коммуникации. Соответственно низкий уровень языковой лояльности и языковой терпимости сигнализирует о наличии каких-либо негативных явлений в области национального самосознания и межнациональных отношений. Именно поэтому для исследований и практической деятельности в области языковой политики важно выявление уровня лояльности общества к родным и неродным языкам, функционирующим на данной территории.

Несмотря на то, что языковая ситуация в Республике Хакасия и языковая лояльность как её компонент не раз становились объектами глубокого и всестороннего исследования, постоянные изменения в этом вопросе обуславливают необходимость дальнейшего его изучения с привлечением данных по конкретным районам. В настоящей работе массовому социолингвистическому обследованию впервые подвергаются населённые пункты Орджоникидзевского района – самого северного района республики, имеющего продолжительную границу с Красноярским краем и Кемеровской областью. Он интересен для исследования тем, что является собой в некотором смысле «Хакасию в миниатюре» – здесь так же, как и

в республике в целом, хакасское население, сосредоточенное в основном в отдалённых посёлках, составляет 12 % от общего количества жителей.

С целью определения лояльности к хакасскому языку со стороны населения района в 2012 г. нами был проведён социолингвистический опрос в трёх населённых пунктах: в районном центре Копьёво, а также сёлах Устинкино и Новомарьясово. Целью проведения анкетирования было выявление особенностей функционирования хакасского языка и уровня языковой толерантности жителей в пограничном районе Хакасии. Общее количество анкетлируемых составило 548 человек, их возраст – от 12 до 72 лет. Следует отметить, что национальный состав респондентов в населённых пунктах, где проводился опрос, не отличается однородностью. Так, самый высокий процент респондентов хакасской национальности представлен в с. Новомарьясово, что, несомненно, отразилось и на результатах анкетирования.

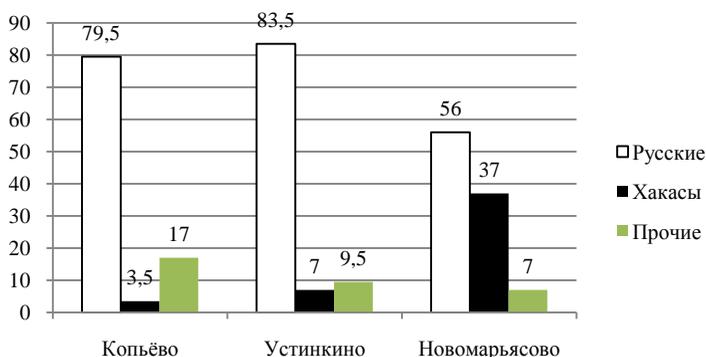

Рис. 2. Этнический состав респондентов

На первый вопрос анкеты («Было бы для Вас интересно изучать хакасский язык?») в целом по району было получено 25 % положительных ответов. Если же дифференцировать ответы респондентов в зависимости от места их проживания, то результаты оказываются следующими: среди жителей Копьёво только 16 % заявили о своём желании изучать хакасский язык, в Устинкино их количество равно 22 %, а в Новомарьясово – 39 %. Ответы на этот вопрос представлены на рис. 3.

Что касается причин, почему большая часть опрошенных не желает изучать государственный язык республики, то основной из них названа узкая сфера его применения. Описывая своё отношение к изучению хакасского языка, респонденты заявляли: «Он мне не нужен», «Я не знаю, где он может пригодиться», «Не перспективно», «Нет необходимости его знать». Кроме того, молодёжь заявляла о своей перегруженности в шко-

ле, вследствие чего ребята не хотят введения дополнительных предметов изучения («Хватает английского», «И без него предметов хватает», «Я и так два языка учу», «Немецкий тут выучить не можешь, ещё и хакасский»). Опасения по поводу качества языкового образования высказала и одна из родительниц: «У детей достаточно большая нагрузка, и научили бы хотя бы одному немецкому или английскому нормально». Что же касается взрослых людей, то некоторые из них сообщили, что не интересуются изучением хакасского языка по причине своего возраста: «Возраст не тот», «Возраст не позволяет», «Уже поздно», «Время уже ушло». В нежелании изучать хакасский язык присутствовал и фактор этнической принадлежности: некоторые респонденты сообщили, что хакасский язык не интересен им, поскольку не является языком их национальности («Я не хакас», «Я русский», «Я русская и предки все русские»). Что же касается тех 25 % респондентов, которые хотели бы изучать хакасский язык, то причины их интереса к нему состоят в следующем:

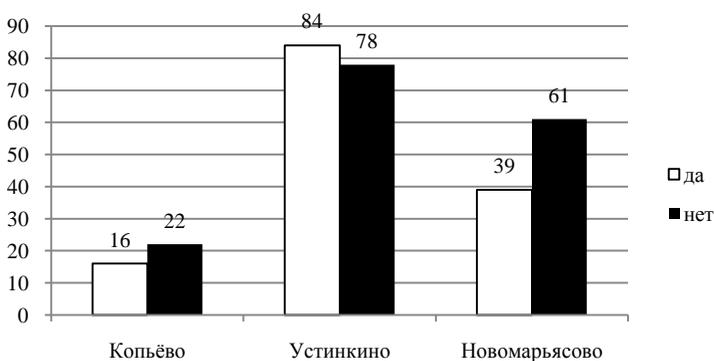
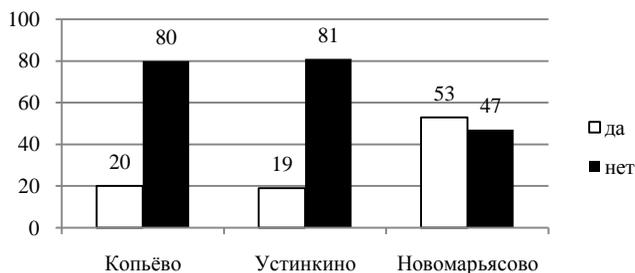

Рис. 3. Было бы для Вас интересно изучать хакасский язык?

- проживание на территории Хакасии («Я живу в РХ», «Мы живём в Хакасии и дружим с хакасами»);
- принадлежность к хакасскому этносу («Это мой родной язык», «Я хакас», «Это язык моих предков»);
- наличие соответствующего круга общения («Есть родственники хакасы», «Муж хакас», «Много друзей хакасов»);
- любознательность («Просто интересно», «Изучение нового», «Для общего образования», «Чтоб в будущем знать», «Он похож на другие тюркские языки»).

Далее респондентам было задано несколько вопросов, касающихся преподавания хакасского языка в школе. На вопрос «Если бы в Вашей школе началось преподавание хакасского языка, желали бы Вы, чтобы Ваши дети изучали этот предмет?» – положительно ответили 20 % рес-

пондентов из Копьёво, 19 % – из Устинкино, 53 % – из Новомарьясово (в целом по району – 29 % положительных ответов, 71 % отрицательных).

Рис. 4. Если бы в Вашей школе началось преподавание хакасского языка, желали бы Вы, чтобы Ваши дети изучали этот предмет?

Следует отметить, что Новомарьясовская СОШ является одной из немногих школ Орджоникидзевского района, в которой ведётся преподавание хакасского языка. Несомненно, этот факт (равно как и проживание в посёлке значительного количества хакасов) во многом объясняет высокий уровень языковой лояльности жителей Новомарьясово. Что же касается причин, по которым респонденты хотели бы (или не хотели бы), чтобы их дети изучали хакасский язык, то думается, что они в общих чертах те же, что указаны в ответе на предыдущий вопрос: часть респондентов видит хакасский язык бесперспективным и бесполезным, а потому считает более целесообразным изучение русского языка как государственного языка РФ и языков международного общения вроде английского или немецкого. Другая часть респондентов более лояльно настроена к региональному языку, поскольку считает полезным изучение титульного языка республики проживания, связывающего народ с духовным и культурным наследием его предков. К сожалению, степень осведомлённости населения о преимуществах билингвизма по-прежнему невысока, хотя преодоление стереотипа о бесполезности или даже вреде двуязычия, на наш взгляд, могло бы значительно изменить мнение людей о целесообразности изучения других языков, даже если они не являются языками международного общения.

Один из ключевых вопросов анкеты, направленный на выявление уровня толерантности к хакасскому языку, звучал следующим образом: «Считаете ли Вы необходимым, чтобы хакасские дети имели возможность изучать хакасский язык в школе?». На этот вопрос было получено 58 % положительных ответов от жителей Копьёво, 44 % – от жителей Устинкино и 97 % – от жителей Новомарьясово (в целом по району – 64,4 % положительных ответов, 35,6 % – отрицательных).

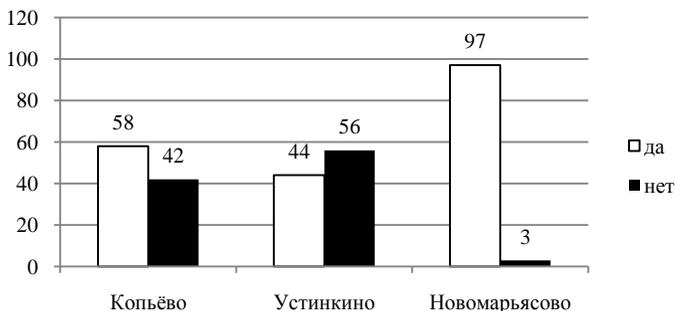

Рис. 5. Считаете ли Вы необходимым, чтобы хакасские дети имели возможность изучать хакасский язык в школе?

Из представленной диаграммы можно сделать вывод о влиянии компактности или доли проживающего на определенной территории коренного населения на языковую толерантность всего сообщества, что демонстрируется показателями с. Новомарьясово в сравнении с другими обследованными населёнными пунктами. Выше упоминалось также, что в Новомарьясовской СОШ ведётся преподавание хакасского языка, а потому считаем возможным предположить, что данный факт также способствует более высокой языковой лояльности населения села.

В ходе анкетирования респондентам был задан и такой вопрос: «Как вы думаете, все ли хакасы владеют хакасским языком? Если нет, то почему?». Цель включения в анкету этого вопроса состояла в том, чтобы выяснить степень осведомлённости населения о проблемах функционирования регионального языка. Ответы на этот вопрос позволяют заключить, что мало кто из жителей Хакасии считает, что хакасским языком владеют все хакасы. Что же касается причин его незнания, то в числе основных были названы следующие:

- язык не используется в семейном общении («Не общаются в семье», «Родители не научили», «В семье не разговаривают», «Язык не передаётся из поколения в поколение»);
- язык не преподаётся («Не изучают в школе», «Многие с детства учат русский», «Учатся в русскоязычных школах»);
- преобладание русского языка и русского этноса («Большинство разговаривает на русском», «Хакасы живут в русскоязычном окружении», «Нет однородных поселений коренного народа»);
- этническая ассимиляция («Живут в смешанных семьях», «Не осталось чистокровных хакасов», «Многие обрусели»);
- нежелание хакасов изучать и использовать родной язык (здесь наиболее частотным ответом было краткое: «Не хотят»).

В ходе анкетирования респондентам было задано несколько вопросов, касающихся динамики социолингвистических процессов в республике. На вопрос: «Как Вы думаете, делается ли в РХ что-нибудь для распространения хакасского языка?» – положительно ответили 33,8 % респондентов, отрицательно – 22,6 %, однако большинство анкетированных (43,6 %) затруднилось ответить на этот вопрос. Это свидетельствует о том, что те меры, которые предпринимаются Правительством РХ для поддержки хакасского языка, мало заметны широким слоям населения, хотя введение предмета «Хакасский язык» в школах республики, проведение культурных мероприятий, увеличение количества печатной и медиапродукции на хакасском языке, размещение двуязычных вывесок на различных учреждениях не осталось незамеченным.

Похожие результаты были получены при анализе ответов на вопрос: «Какие изменения в этом плане (т.е. в плане распространения хакасского языка) Вы заметили за последние 20 лет?». Лишь 17 % респондентов указали, что заметили хоть какие-то изменения; 20 % изменений не заметили, а 63 % затруднились ответить. Жители Орджоникидзевского района отметили, что в последние годы стало больше информации о хакасском языке и культуре, интерес к ним возрос, а присутствие хакасского языка в сфере образования, духовной культуры и СМИ значительно усилилось. Но при этом респонденты указали и на другие изменения: хакасы забывают родной язык, и следовательно, число его носителей уменьшается.

При этом нельзя не отметить, что Администрацией Орджоникидзевского района предпринимаются определённые усилия по укреплению и развитию культуры хакасского народа в районе: в д. Горюново открыт национальный центр, а в с. Новомарьясово – класс хакасских народных инструментов, комплект которых был для этого закуплен. В октябре 2012 и 2014 гг. в с. Сарала по собственной инициативе членов районного Совета старейшин хакасских родов и при поддержке Администрации Орджоникидзевского района прошли районные конференции представителей хакасских кызыльских родов «Сохранение и развитие языка и культуры хакасов-кызыльцев в Орджоникидзевском районе», в которых приняли участие представители министерств и ведомств РХ, научные сотрудники ХГУ и ХакНИИЯЛИ, работники образования и СМИ. Однако, несмотря на это, в целом по Орджоникидзевскому району уровень языковой лояльности и толерантности заметно ниже, чем, например, в г. Абакане (по данным аналогичного опроса [Боргоякова, Гусейнова, 2012]). Если развести респондентов на две группы по национальному признаку, то соотношение положительных и отрицательных ответов на один из ключевых вопросов анкеты можно представить следующим образом:

**Считаете ли Вы необходимым, чтобы хакасские дети имели
возможность изучать хакасский язык в школе?**

	Абакан		Орджоникидзевский район	
	Да	Нет	Да	Нет
Русские	90 %	10 %	62 %	38 %
Хакасы	100 %	-	74 %	26 %

Причиной такого расхождения в показателях, на наш взгляд, является менее заметное присутствие хакасского этноса в Орджоникидзевском районе. Несмотря на то, что в Абакане и в Орджоникидзевском районе проживает практически одинаковый процент коренного населения, в столице Хакасии его присутствие гораздо более заметно: существует значительное количество двуязычных вывесок, объявлений, а доступ к хакасско-язычным СМИ в Абакане шире, чем в отдалённых районах Хакасии. Кроме того, Абакан является и культурной столицей республики, а в сфере духовной культуры хакасский язык функционирует относительно благополучно. Возможно, именно по причине большей информированности о языке и культуре хакасского народа в Абакане уровень языковой лояльности оказался более высоким.

Кроме того, в российском обществе до сих пор существуют предрасудки по поводу второсортности и бесперспективности языков меньшинств. Возможно, данный стереотип является следствием языковой политики советского периода, однако и в настоящее время он весьма живуч не только среди обывателей, но и среди учёных. Так, Н. Б. Мечковская справедливо критикует приложение «Языковая ситуация и языковая политика в России и СССР», представленное в учебнике В. И. Беликова и Л. П. Крысина «Социоллингвистика» (М., 2001). Среди слабых сторон Приложения она указывает на неосведомлённость авторов в том, что касается чужой (не русской) культуры, небрежное отношение к источникам и отмечает: «Однако больше, чем неаккуратность и неосведомлённость, поражает общий тон «Приложения» – недоброжелательность и жестокость по отношению к народам окраин империи, равнодушие к этике межнациональных отношений. Для этики издания диагностично многократное употребление терминов «инородцы», «инородческое население» – чаще без кавычек или иного дистанцирования от них... Думаю, контент-анализ «Приложения» показал бы, что имена нерусских народов встречаются преимущественно в отрицательных контекстах. Очерк написан жестко, и это даже не связано с тем, что содержат конкретные строки – правду или полуправду» [Мечковская, 2003, с. 50].

С сожалением приходится констатировать, что если даже именитые социолингвисты проявляют пренебрежение и недоброжелательность к языкам и культурам этнических меньшинств России, то соответствующее отноше-

ние со стороны российских обывателей, далёких от проблем социолингвистики, не вызывает удивления. Однако данный факт актуализирует необходимость более серьёзной работы по формированию толерантных межэтнических отношений в России. В связи с этим весьма своевременным является появление Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., которая была утверждена указом Президента РФ в декабре 2012 г. Как указано в документе, «стратегия разработана в целях сохранения этнокультурной самобытности её народов». К основным вопросам, требующим особого внимания государственных и муниципальных органов, отнесено «сохранение и развитие культур и языков народов РФ, укрепление их духовной общности» [Указ Президента РФ..., 2012].

Продолжая тему языковой толерантности жителей РХ, интересно сравнить ответы русских респондентов (далее – РР) из Абакана и Орджоникидзевского района на некоторые другие вопросы анкеты. К примеру, на вопрос: «Думали ли Вы когда-нибудь изучать хакасский язык?» – положительно ответили 21,5 % РР из Абакана и всего 9 % – из Орджоникидзевского района. На вопрос: «Стоит ли сделать изучение хакасского языка в школе обязательным для всего населения Республики Хакасия?» – положительные ответы дали те же 9 % РР из Орджоникидзевского района и 10 % опрошенных абаканцев. Как видно, показатели языковой толерантности русских жителей Хакасии к языку её коренного этноса невелики, причём за прошедшее десятилетие они снизились. Результаты анкетирования, проведённого нами в 2002 г. среди студентов ХГУ им. Н. Ф. Катанова, показали, что 26 % РР тогда хотели изучать хакасский язык, а 19 % полагали, что его изучение должно быть обязательным. Эти цифры подтвердили распространённую позицию носителей доминантных языков, не желающих изучать другие языки. Эта позиция, несомненно, оказывает влияние на престиж и статус миноритарного языка [Боргоякова, 2002, с. 200]. На этом основании автор делает вывод о том, что эстимационный (оценочный) параметр характеристики ЯС в РХ и измерения мощности хакасского языка оказывается не вполне благоприятным для его функционирования. Следует признать, что этот вывод до сих пор остаётся справедливым в отношении ЯС в Хакасии, особенно её отдалённых районов.

В целом, исходя из результатов анализа, можно заключить, что показатели языковой лояльности и языковой толерантности в Орджоникидзевском районе и г. Абакане не являются высокими, но при этом враждебности к языку коренного этноса жители района не испытывают. Даже не желая изучать хакасский язык, люди всё же признают право на его изучение со стороны титульного этноса республики. В то же время думается, что расширение сфер функционирования хакасского языка могло бы изменить мнение большинства жителей района о необходимости его изучения, а это в очередной раз свидетельствует о важности грамотной региональной языковой политики.

5.3. Особенности коммуникативного поведения хакасов в полиэтнической среде

Для того, чтобы получить подробное представление об особенностях коммуникативного поведения хакасов в полиэтнической среде, научными сотрудниками Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н.Ф. Катанова в 2012–2013 гг. было проведено социолингвистическое исследование в г. Абакане, а также в населённых пунктах Аскизского, Таштыпского и других районов Республики Хакасия. В анкетировании приняли участие 400 респондентов хакасской национальности в возрасте от 14 до 67 лет. Для полноты социолингвистической характеристики хакасского языка особенности языковой компетенции и языковой лояльности хакасов рассматриваются в разрезе пола, возраста и места проживания опрошенных. С целью изучения динамики языкового сдвига анкетирование проводилось в тех же районах, которые более десяти лет назад подвергались аналогичному обследованию Т. Г. Боргояковой (результаты этой работы представлены в её монографии «Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири» [Боргоякова, 2002], данные из которой приводятся ниже для выявления динамики языковой компетенции хакасов).

5.3.1. Гендерные особенности функционирования хакасского языка

Результаты социолингвистических исследований гендера, начавшихся в 70-х годах XX века, однозначно свидетельствуют о наличии языковой дифференциации мужчин и женщин. Так, рассматривая пол как социолингвистический фактор, У. Лабов указывает на существование качественных данных, описывающих половой диморфизм, который признаётся и постоянно упоминается всеми членами сообщества, передаётся от взрослых к детям [Лабов, 2012]. Исследуя взаимодействие пола и социального класса в ходе языковых изменений, учёный приходит к выводу о том, что женщинам свойственно стремление использовать более престижные языковые формы, и делает попытку дать объяснение этому явлению: «Повышенное внимание к внешним стандартам может подкрепляться более слабым экономическим положением женщин, их относительной безвластностью и деспотической природой самой социальной стратификации» [Лабов, 2012, с. 146]. Таким образом, следование литературным или более социально престижным нормам характерно для женщин в большинстве языковых сообществ. Что же касается языковых изменений, относящихся к переходу с одного языка на другой (или к перераспределению диалектов), то они, в отличие от изменений внутри системы (таких как, например, систематические фонетические изменения),

неизбежно осознаются сообществом носителей языка и зачастую тесно связаны с экономическими факторами. «Первенствующая роль женщин [в переходе с одного языка на другой – А. Г.], следовательно, не может ожидать в тех случаях, когда язык ассоциируется с занятостью и возможностями получить образование, которые открыты по преимуществу мужчинам», – пишет У. Лабов [Лабов 2012, с. 130]. Возможно, данный вывод американского социолингвиста отчасти объясняет большую (по сравнению с мужчинами) приверженность женщин родному языку. Однако важно ещё и то, что именно на женщин традиционно возлагаются обязанности по воспитанию детей. Исследования учёных свидетельствуют о том, что женщинам принадлежит ведущая роль в сохранении родного языка посредством билингвизма. Т. Г. Боргоякова ссылается на исследования А. Зентеллы, в которых описывается опыт Пуэрто-Рико, где «основную ответственность за сохранение испанского языка взяли на себя женщины», успешно применяющие билингвальную модель для гармоничного воспитания своих детей [Боргоякова, 2002, с. 208].

На материале Хакасии также прослеживается тенденция большей языковой лояльности и более высокой языковой компетенции среди женщин. Сведения, полученные в ходе социолингвистического обследования носителей хакасского языка, позволяют сделать вывод о том, что респонденты-женщины (далее ЖР) лучше респондентов-мужчин (далее МР) владеют всеми видами речевой деятельности на хакасском языке. По сравнению с МР на 12 % больше ЖР свободно понимают по-хакасски, на 10 % больше – свободно говорят. Большее количество респондентов-мужчин признали родным языком хакасский, однако больше респондентов-женщин – два языка.

Динамику языковой лояльности и языковой компетенции хакасов в разрезе гендера можно проследить, сравнив результаты настоящего опроса (2013) с данными анкетирования 2001 г., которые представлены в монографии Т. Г. Боргояковой «Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири» [Боргоякова, 2002]. Анализ показателей владения языками (см. табл. 7) свидетельствует о том, что в женской группе на 4 %, а в мужской группе на 3 % повысилось количество респондентов, признающих родным языком русский. Показатели по признанию хакасского языка родным у ЖР снизились на 1 %, а у МР на 3 % повысились за счёт сокращения тех, кто считает родными оба языка. Как положительный момент следует отметить увеличение количества респондентов, оценивающих свои навыки владения хакасским языком как свободные (среди МР количество свободно говорящих по-хакасски возросло почти на 12 %, среди ЖР – почти на 19 %). Впрочем, количество тех, кто не понимает, не говорит, не читает и не пишет по-хакасски, за прошедшие годы также увеличилось (так, количество не говорящих по-хакасски ЖР увеличилось на 1 %, а МР – на 7 %).

**Выбор родного языка и оценка уровня владения им
в зависимости от пола (%)**

	Пол			
	женский		мужской	
	2001 г.	2013 г.	2001 г.	2013 г.
Родной язык:				
русский	4,9	8,7	7,4	10,2
хакасский	70,4	69	68,3	71,2
русский и хакасский	24,8	22,3	24,3	18,6
Понимают по-хакасски:				
свободно	50,6	68	44,3	56
частично	44,9	24	49,9	35,8
не понимают	4,5	8	5,8	8,2
Говорят по-хакасски:				
свободно	41,5	60,4	38,8	50,4
частично	44,7	25	51,1	32,5
не говорят	13,8	14,6	10,1	17,1
Читают по-хакасски:				
свободно	61,6	66,6	58,3	61,8
частично	31,8	23,4	38,7	27,6
не читают	6,5	10	3	10,6
Пишут по-хакасски:				
свободно	57,8	64,7	55,9	61
частично	32,5	22,4	40,6	24,4
не пишут	9,7	12,9	3,5	14,6

Анализ эмпирического материала показал, что ЖР чаще МР общаются на хакасском языке в семье, причём, если для общения с родителями родной язык используют на 3 % больше женщины, то при общении со старшим поколением (бабушками и дедушками) разрыв между полами составляет почти 10 %. Около четверти опрошенных обоих полов общаются с родителями на русском языке. При общении с друзьями большая часть респондентов использует два языка – русский и хакасский, причём у МР, по сравнению с ЖР, показатели использования как русского, так и хакасского языков выше на 4 %.

Что касается динамики сфер использования языков, то отмечается снижение числа респондентов, использующих русский язык для семейного и дружеского общения, и увеличение количества тех, кто выбирает хакасский язык. На фоне уменьшения числа хакасов, владеющих родным языком, усиление его присутствия в сфере семейной коммуникации вызывает удивление. Возможным объяснением этого феномена является, на наш взгляд, повышение степени осознания ценности родного языка и одновременно – угрозы его исчезновения, с одной стороны, и некоторое укрепление позиции регионального языка в коммуникативном пространстве республики, с другой. Гендерный аспект функционирования языка в семье и ближайшем социальном окружении представлен в таблице 25.

Сферы использования языков в зависимости от пола (%)

Язык общения	Пол			
	женский		мужской	
	2001 г.	2013 г.	2001 г.	2013 г.
С родителями:				
русский	29,9	25,3	28,4	26,4
русский и хакасский	45,3	35,3	47,7	37,2
хакасский	24,8	39,4	23,9	36,4
Со старшим поколением:				
русский	22,2	21	24,6	22,2
русский и хакасский	36,8	22,5	39,3	31,6
хакасский	41	56,5	36,1	46,2
С друзьями:				
русский	59	37,8	61,6	41,7
русский и хакасский	37,5	50,4	33,6	42,5
хакасский	3,5	11,8	4,8	15,8
С коллегами:				
русский	нет	41,5	нет данных	43,9
русский и хакасский	данных	44,8		42,1
хакасский		13,7		14

По сравнению с социолингвистическими опросами 2001 г. в новые анкеты был включён вопрос о выборе языка общения с коллегами. Выяснилось, что говорит с сослуживцами по-хакасски около 14 % респондентов. Показатели использования русского, а также русского и хакасского языков для общения с коллегами у мужчин и женщин примерно равны. При обращении в госучреждения 60,9 % опрошенных мужчин и 57,3 % опрошенных женщин используют только русский язык, остальные – прибегают к помощи как русского, так и хакасского. В этих пунктах существенного расхождения между мужчинами и женщинами не наблюдается.

Песни на хакасском языке по-прежнему знают больше ЖР (73,6 %), чем МР (66,7 %). Следует отметить, однако, что результаты социолингвистического опроса 2001 г. выглядят несколько иначе: тогда хакасские песни знали 66,9 % ЖР и 48,9 % МР. Налицо заметный рост данного показателя, который может быть связан как с общим повышением уровня языковой лояльности, так и с усилившимся присутствием хакасского языка в республиканской культурной сфере.

Отношение к хакасскому языку среди его носителей также разнится в зависимости от пола, хотя расхождения между мужчинами и женщинами невелики. Практически по всем пунктам ЖР проявляют более позитивный настрой по отношению к родному языку, нежели МР. Так, почти сто процентов опрошенных женщин считают, что родной язык надо знать (99,6 %) и изучать в школе (98,5 %). У опрошенных мужчин показатели по этим пунктам ниже на 2–2,5 %. Достаточно высока у ЖР и готовность оказать содействие работе по сохранению и развитию родного языка

(90 %), что на 3 % превышает данный показатель у мужской части респондентов. Исключением является лишь вопрос о желании респондентов передать родной язык детям: 94,3 % опрошенных мужчин заявили о таком желании, что превышает женский показатель почти на 3 % (см. табл. 26).

Таблица 26

Отношение к хакасскому языку в зависимости от пола (%)

	Пол			
	женский		мужской	
	2001	2013	2001	2013
Знают песни на хакасском языке	66,9	73,6	48,9	66,7
Считают, что родной язык надо знать	90,7	99,6	86	97,6
Считают, что родной язык надо изучать в школе	90,4	98,5	86,4	95,9
Хотят, чтобы их дети знали родной язык	89,4	91,6	83,6	94,3
Готовы оказать содействие работе по сохранению и развитию родного языка	86,8	90	81,3	87

Динамику отношения хакасов к родному языку нельзя не признать положительной. По сравнению с результатами аналогичного опроса, проведённого в 2001 г., показатели языковой лояльности хакасов увеличились в среднем на 10 %. Можно предположить, что это связано с осознанием угрозы исчезновения родного языка, которая за прошедшее десятилетие стала ещё серьёзней. Кроме того, в широком доступе появилось больше информации о преимуществах билингвизма. Возможно, совокупность этих факторов является причиной роста языковой лояльности хакасов.

Кроме того, 85,7 % опрошенных женщин и 78 % опрошенных мужчин считают, что будущее хакасского языка находится под угрозой. Почти 8 %-ный разрыв между респондентами разных полов свидетельствует о том, что женщины в большей степени осознают реальность угрозы исчезновения, нависшей над хакасским языком. Понимание проблем родного языка и позитивное отношение к необходимости его поддержки и развития, выявленное в ходе опроса, является показателем высокой степени языковой лояльности хакасов к родному языку.

5.3.2. Особенности функционирования хакасского языка, связанные с местом проживания его носителей

Анализ языковой ситуации в современной Хакасии в сравнении с материалами исследования 2001–2002 гг. подтвердил факт более высокой степени сохранности миноритарного языка в сельской местности. Дан-

ные, представленные в таблице 27, свидетельствуют о том, что сельские респонденты (далее СР) по сравнению с городскими (далее ГР) демонстрируют более высокий уровень языковой лояльности и языковой компетенции на хакасском языке во всех видах речевой деятельности. На 13 % больше СР признают хакасский родным языком, в то время как почти треть ГР считает родными два языка – русский и хакасский. Разница в качестве владения хакасским языком у городских и сельских респондентов также довольно существенна: она составляет 33 % между свободно понимающими, почти 32 % – между свободно говорящими, 21,6 % и 15 % – соответственно между свободно читающими и пишущими. Если проследить динамику языковой компетенции опрошенных горожан и селян, то нельзя не отметить, что за прошедшее десятилетие между ними значительно увеличилась разница в степени владения разными видами речевой деятельности. Интересно отметить, однако, что если показатели владения хакасским языком у ГР почти не изменились, то у СР они существенно возросли: более чем на 20 % увеличилось число свободно говорящих на нем и понимающих его сельских респондентов, на 6,6 % возросло количество свободно читающих селян и на 7,2 % – количество свободно пишущих на родном языке.

Таблица 27

Выбор родного языка и оценка уровня владения им в зависимости от места проживания (%)

	Место проживания			
	город		село	
	2001 г.	2013 г.	2001 г.	2013 г.
Родной язык:				
русский	7,3	8,5	3,6	9,4
хакасский	65,3	61	76,1	74,2
русский и хакасский	27,4	30,5	20,2	16,4
Понимают по-хакасски:				
свободно	43,2	43	56,2	76,1
частично	51,1	47,2	39,9	16,7
не понимают	5,7	9,8	3,8	7,2
Говорят по-хакасски:				
свободно	35,9	36,8	47,8	68,65
частично	51	42,1	41	18,65
не говорят	13,1	20,8	11,2	12,7
Читают по-хакасски:				
свободно	56,6	51,4	66,4	73
частично	37,9	38	29	17,5
не читают	5,5	10,6	4,6	9,5
Пишут по-хакасски:				
свободно	54,4	53,5	61,3	68,5
частично	37,5	33,3	32,5	18
не пишут	8	13,2	6,1	13,5

Данные таблицы 28 свидетельствуют о более высокой степени интенсивности использования хакасского языка в семье, которая характерна для СР. Их показатели общения на хакасском языке с родителями и старшим поколением в среднем на 20 % превышают аналогичные показатели ГР. Кроме того, в семейном общении СР русский язык значительно уступает хакасскому. Тенденция к укреплению позиций хакасского языка в сфере семейного и дружеского общения полностью коррелирует с возросшим уровнем языковой компетенции на родном языке, отмеченным у СР. Нельзя не отметить, впрочем, что городские респонденты продемонстрировали некоторое увеличение показателей использования как русского, так и хакасского языков в семейном и дружеском общении. Увеличение количества ГР, предпочитающих либо русский, либо хакасский язык, можно наблюдать на фоне сокращения тех, кто выбирает для общения оба языка. Однако обращает на себя внимание то, что в дружеской коммуникации ГР (в отличие от семейной) доля использования русского языка ничуть не возросла, а напротив, сократилась на 9,2 % на фоне увеличения доли респондентов, признавших, что для общения с друзьями они используют два языка – русский и хакасский. Для общения с коллегами более 60 % ГР используют русский язык (у СР этот показатель в два раза ниже). Чуть более трети ГР и почти половина СР общаются с коллегами на двух языках, а показатели функционирования собственно хакасского в данной сфере невелики в обеих группах, хотя разрыв между ГР и СР составляет 15 % в пользу последних.

Таблица 28

Сферы использования языков в зависимости от места проживания (%)

Язык общения	Место проживания			
	город		село	
	2001 г.	2013 г.	2001 г.	2013 г.
С родителями:				
русский	32,8	34,8	23,7	20,9
русский и хакасский	48,7	39,7	42,3	33,7
хакасский	18,5	25,5	33,9	45,4
Со старшим поколением:				
русский	26,6	29,9	17,4	16,6
русский и хакасский	41,3	31,5	31,9	23
хакасский	32,2	38,6	50,7	60,4
С друзьями:				
русский	66,2	57	50	29,6
русский и хакасский	30,8	38,5	44,4	52,6
хакасский	3	4,5	5,6	17,8
С коллегами:				
русский	нет данных	60,7	нет данных	30,7
русский и хакасский	нет данных	34,8	нет данных	49,8
хакасский		4,5		19,5

Обращаются в госучреждения исключительно на русском языке 69,1 % ГР и 55,2 % СР. Русский и хакасский языки для этого используют 30,9 % опрошенных горожан и 44,8 % опрошенных селян. Это подтверждает факт более активного использования (и, как следствие, большей сохранности) языка в сельской местности. Знают хакасские песни 69 % ГР и 72,6 % СР, имеют дома книги на хакасском языке 79 % ГР и 75,4 % СР (возможно, преобладание показателя городских респондентов по этому пункту можно объяснить тем, что в городе книги более доступны для приобретения).

Данные таблицы 29 свидетельствуют о том, что языковая лояльность хакасов за последние годы повысилась. Следует отметить также, что если в 2001 г. у ГР были зафиксированы более высокие показатели позитивного отношения к родному языку, то сейчас по этим пунктам лидируют СР, хотя разрыв между двумя группами респондентов невелик.

Таблица 29

Отношение к хакасскому языку в зависимости от места проживания (%)

	Место проживания			
	город		село	
	2001 г.	2013 г.	2001 г.	2013 г.
Считают, что родной язык надо знать	89,7	98,6	87,5	99,2
Считают, что родной язык надо изучать в школе	89,6	96,5	87,8	98,8
Хотят, чтобы их дети знали родной язык	88	90,3	85,7	93,6
Готовы оказать содействие работе по сохранению и развитию родного языка	84,9	85,4	84,1	90,9

Таким образом, факт более высокой сохранности языка в сельской местности нашел своё подтверждение на примере Республики Хакасия: сельские респонденты демонстрируют большую приверженность родному языку, чаще используют его в повседневной коммуникации, обладают более высоким уровнем языковой компетенции. Кроме того, анализ динамики функционирования хакасского языка в городской и сельской местности однозначно доказывает то, что именно аалы с компактным проживанием хакасов являются ресурсной базой для восстановления и расширения его функций.

5.3.3. Возрастные особенности функционирования хакасского языка

Исследование возрастных особенностей языковой компетенции на хакасском языке и его использования в очередной раз подтвердило известную социолингвистическую закономерность, согласно которой «чем моложе поколение, тем ниже языковая лояльность и тем быстрее она снижается» [Беликов, Крысин, 2001, с. 412]. Об этом свидетельствуют

результаты социолингвистического опроса хакасских респондентов, разделённых нами на три возрастные группы (см. табл. 30). Уровень языковой компетенции напрямую зависит от возраста респондентов: чем старше группа, тем больший процент её членов свободно владеет различными видами речевой деятельности на хакасском языке. Так, если в первой группе свободно понимают по-хакасски менее 50 % респондентов, то в третьей – более 90 %; разница в показателях навыков свободного говорения между первой и третьей группами также составляет почти 50 %. Закономерность возрастания уровня языковой компетенции по мере увеличения возраста респондентов нарушается лишь в оценке навыка свободного уровня письма, где лучшие показатели принадлежат не старшей группе, а средней. Вообще же следует отметить, что показатели старшей группы постепенно уменьшаются от навыков аудирования до навыков письма, в то время как в средней группе отмечается, что показатели активного владения языком (умение свободно говорить и писать) уступают пассивным показателям (умение свободно понимать и читать). Возможно, это связано с тем, что для респондентов из старшей группы хакасский язык является функционально первым, поэтому навыки понимания и говорения в данном случае развиты лучше. Что же касается средней группы, где показатели активного владения языком превосходят пассивные показатели, то здесь, вероятно, уже можно говорить о пассивном билингвизме, свойственном более молодому поколению. В самой младшей группе показатели навыков свободного чтения и письма превышают показатели свободного аудирования и говорения. Т.Г. Боргоякова объясняет этот феномен тем, что молодые хакасы в подавляющем большинстве случаев изучают хакасский язык как второй, а «изучение второго языка в школе развивает в большей степени навыки чтения и письма» [Боргоякова, 2002, с. 204]. Таким образом, особенности процесса языкового сдвига у хакасско-русских билингвов могут быть охарактеризованы следующим образом: если для респондентов старшей группы хакасский язык является функционально первым, в средней имеются признаки его перехода в пассивную часть русско-хакасского билингвизма, в младшей группе этот переход, по-видимому, завершается окончательным закреплением хакасского языка в качестве второго.

Выявить динамику коммуникативной компетенции респондентов средней и старшей групп в данном случае не представляется возможным, поскольку в монографии Т. Г. Боргояковой, на которую мы опираемся как на источник данных за 2002 г., представлены результаты опросов только молодёжных групп. Однако даже сравнение уровней свободного владения родным языком респондентами первой возрастной группы может дать некоторое представление о динамике языковой компетенции хакасской молодёжи. Согласно исследованиям Т. Г. Боргояковой, среди хакасских респондентов в возрасте до 20 лет свободно понимали по-

хакасски 47,6 %, свободно говорили – 39,2 %, свободно читали – 58,3 %, свободно писали – 55,7 %¹. Сравнение этих показателей с результатами опросов 2012–2013 гг. свидетельствует о том, что языковая компетенция молодежи за прошедшее десятилетие практически не претерпела изменений.

Таблица 30

Выбор родного языка и оценка уровня владения им в зависимости от возраста (%)

	Возраст		
	младше 20	21–40	старше 41
Считают родным языком:			
хакасский	63,4	75,3	79,3
русский и хакасский	24,1	22,4	12,1
Свободно понимают по-хакасски	47,2	87,5	91,4
Свободно говорят по-хакасски	40,8	73,9	89,7
Свободно читают по-хакасски	55	77,3	82,8
Свободно пишут по-хакасски	56,2	75	67,2

Таким образом, результаты анализа особенностей функционирования хакасского языка в различных сферах общения полностью коррелируют с оценкой респондентами своего уровня владения хакасским языком. Прослеживается явная связь между возрастом респондента и степенью интенсивности использования хакасского языка в его семье, рабочем и дружеском коллективе. Респонденты всех трёх возрастных групп отдают предпочтение хакасскому языку при общении в семье (в большей степени с более старшим поколением, нежели с родителями). С друзьями и с коллегами по-хакасски общается примерно равное количество респондентов в каждой группе, причём показатели использования родного языка респондентами младшей группы несколько превосходят аналогичные показатели средней и старшей групп, члены которых предпочитают билингвальное общение с друзьями и коллегами. Что же касается различий в интенсивности общения на родном языке внутри групп, то они, как было сказано выше, находятся в прямой зависимости от возраста респондентов. По словам Т. Г. Боргояковой, «более высокий уровень владения разными видами речевой деятельности подтверждается и более высокой степенью использования языка в семье и с друзьями» [Боргоякова, 2002, с. 205]. Эту закономерность можно проиллюстрировать следующим примером: по данным социолингвистического опроса, интенсивность использования хакасского языка при общении с родителями в средней группе более чем на 20 % выше, чем в младшей, а в старшей – на 20 %

¹Суммы получены путём вычисления средних показателей владения различными видами речевой деятельности респондентами четырёх молодёжных групп: 7–10, 11–14, 15–17 и 18–20 лет (см.: [Боргоякова, 2002, с. 205]).

выше, чем в средней. Что же касается использования родного языка для общения со старшим поколением, то здесь разрыв между младшей и средней группой увеличивается до 33-х процентов, а между средней и старшей – сокращается до 13-ти. Таким образом, можно установить, что языковая компетенция молодёжи находится в прямой зависимости от языкового окружения в семье.

Таблица 31

Сферы использования языков в зависимости от возраста (%)

Язык общения	Возраст		
	младше 20	21–40	старше 40
С родителями:			
русский	36,5	11,4	9,1
русский и хакасский	36,5	39,8	21,8
хакасский	27	48,8	69,1
Со старшим поколением:			
русский	30,7	7,3	9,8
русский и хакасский	32,1	22	5,9
хакасский	37,2	70,7	84,3
С друзьями:			
русский	56,6	21	14
русский и хакасский	27,6	68,6	77,2
хакасский	15,8	10,4	8,8
С коллегами:			
русский	55,7	18	18,2
русский и хакасский	30	70,5	70,9
хакасский	14,3	11,5	10,9

***5.4. Роль языка в этнической самоидентификации хакасов
(результаты социолингвистического опроса старшеклассников
Хакасской национальной гимназии)***

В данной части нашей работы представлены результаты анализа данных, полученных в ходе опроса учащихся выпускных и предвыпускных классов Хакасской национальной гимназии-интерната имени Н. Ф. Катанова (далее ХНГИ) в аспекте развития их хакасско-русского двуязычия. Открытая в 1945 году как национальная школа, ХНГИ остается одним из немногих учебных заведений, где изучаются хакасский язык и литература, проводятся традиционные хакасские праздники, регулярно устраиваются встречи с деятелями науки и культуры республики. С первых лет своего существования ХНГИ стала «кузницей национальных кадров», а сейчас здесь ведётся активная работа по формированию национального самосознания хакасской молодёжи. Кроме того, среди гимназистов есть представители большинства населенных пунктов республики, где прожи-

вает хакасское население, включая Абакан. Всё это объясняет роль и значимость гимназии в качестве объекта социолингвистических исследований, которые проводятся здесь регулярно (см., например, [Боргоякова, 2002], [Побызакова, 1998]). Анализ данных этих опросов позволяет выявить изменения, которые произошли за последние годы в языковой компетенции гимназистов, их языковом поведении и языковой лояльности.

В 2012–2013 учебном году нами было проведено социолингвистическое обследование учащихся 10-х и 11-х классов ХНГИ. В анкетировании приняли участие 116 человек. Отвечая на первый вопрос анкеты, 47 % респондентов назвали родным языком хакасский, 16 % – русский, 36 % – хакасский и русский, 2 % затруднились ответить. Следует отметить, что 57 % из тех, кто признаёт родным языком хакасский, и 95 % из тех, кто назвал в качестве родных хакасский и русский, указали, что язык, на котором они начали говорить и говорили до шести лет, – русский. Эти данные полностью подтверждают слова А. Н. Баскакова, который отмечал, что «понятие «родной язык» ... для большинства тюркоязычных этносов связано с понятием языка своей народности независимо от степени владения им и является одним из основных показателей национальной принадлежности» [Баскаков, Насырова, 2000, с. 60]. При этом в 2002 г. 70 % гимназистов-старшеклассников признавали родным языком хакасский, 4 % – русский, 24 % – хакасский и русский [Боргоякова, 2002].

В целом свободно всеми четырьмя видами речевой деятельности на хакасском языке владеют 12 % опрошенных выпускников, частично – 53 %, что в совокупности составляет 65 %. Следует отметить, что среди тех, кто указал, что частично владеет хакасским языком, уровень реального владения им, несомненно, разный. Среди них отдельно необходимо выделить довольно многочисленную группу респондентов, которые заявляют о частичном владении навыками аудирования и говорения, но при этом считают, что могут свободно читать и писать. Группа эта составляет четвертую часть от количества респондентов, которые сообщили о частичном владении хакасским языком, и 13 % от общего числа опрошенных. Более того, свободно читающих и свободно пишущих по-хакасски гимназистов оказалось больше, чем свободно понимающих. Объяснить это можно тем, что при работе с письменным текстом в распоряжении читающего имеется больше времени для восприятия написанного, он имеет возможность возвращаться к непонятным фрагментам и размышлять над ними, а также использовать словарь. Что же касается навыков письменной речи, то, возможно, заявляя о своём умении свободно или частично писать по-хакасски, респонденты подразумевали не производство оригинальных текстов, а переписывание готовых образцов, ведь традиционно под умением писать понимается именно умение письменно воспроизводить графические изображения слов.

Свободно понимают по-хакасски 24 % респондентов, частично – 62 %, не понимают – 14 %. Эти данные вполне коррелируют с количеством опрошенных, которые назвали хакасский язык родным или одним из двух родных языков (наряду с русским). Свободно говорить по-хакасски могут лишь около 15 % респондентов, частично – 56 %. Соответственно, разница между гимназистами, которые не понимают и не говорят по-хакасски, составляет 15 %. Объясняется эта разница, очевидно, сложившейся коммуникативной практикой, при которой основным языком общения в семье является русский, либо используется два языка: русский и хакасский. Результаты ответов респондентов на вопросы, связанные с интенсивностью и сферами использования родного языка, отражены в следующей таблице.

Таблица 32

Язык общения в семье и с друзьями

	Язык общения с родителями	Язык общения с бабушкой и дедушкой	Язык общения с друзьями
Русский	51 %	43 %	76 %
Хакасский	7 %	21 %	–
Оба языка	42 %	36 %	24 %

Как видно из приведённых выше данных, во внутрисемейном и дружеском общении хакасский язык оказался наименее востребованным. Это может быть связано с привычкой к пассивному восприятию хакасской речи, которая формируется при получении информации главным образом из СМИ или со сцены, вследствие чего навыки «живого» общения постепенно утрачиваются. Кроме того, смотрят хакасские телепередачи только 53 % опрошенных, читают газеты на хакасском языке – 33 %, слушают радио – 6 %. Эти цифры свидетельствуют о том, что не у всех респондентов, свободно или частично понимающих по-хакасски, есть возможность или заинтересованность в восприятии информации именно на хакасском языке.

В таблице 33 приведены результаты социолингвистического обследования учащихся ХНГИ за последние 15 лет, на примере которых можно проследить динамику изменений в языковой компетенции гимназистов.

Сравнение данных, приведённых в таблице, наглядно демонстрирует изменения, произошедшие в языковой компетенции учащихся на родном языке. Не говорит по-хакасски уже почти треть выпускников гимназии, причём за последние 10 лет число свободно говорящих сократилось более чем наполовину. Навыки аудирования также претерпевают негативные изменения: показатели частично понимающих по-хакасски и не понимающих совсем увеличились на 10 % каждый за счёт 20-процентного сокращения числа свободно понимающих. Практически то же можно сказать и об изменениях умений читать и писать.

**Динамика уровня владения хакасским языком
старшеклассниками ХНГИ**

Виды речевой деятельности		1998 г.	2001 г.	2013 г.
Аудирование	Свободно	43,1 %	43 %	24 %
	Частично	50 %	52 %	62 %
	Нет	6,9 %	4 %	14 %
Говорение	Свободно	26,7 %	31 %	15 %
	Частично	57,8 %	52 %	56 %
	Нет	15,5 %	17 %	29 %
Чтение	Свободно	44 %	59 %	37 %
	Частично	50 %	38 %	48 %
	Нет	5,2 %	5 %	15 %
Письмо	Свободно	34,5 %	46 %	40 %
	Частично	57,8 %	47 %	41 %
	Нет	6,1 %	6 %	19 %

При этом показатели языковой лояльности гимназистов остаются достаточно высокими: 97 % опрошенных считают, что родной язык надо знать и изучать в школе, 91 % респондентов хотели бы, чтобы их дети знали хакасский язык. 98 % убеждены, что будущее хакасского языка находится под угрозой, 78 % готовы оказывать содействие работе по сохранению и развитию хакасского языка. На вопрос: «От чего зависит будущее хакасского языка?» – 88 % опрошенных ответили: «От его носителей», 32 % – «От государственной политики, 17 % – «От школы». Среди прочих факторов были названы семья и окружение. Таким образом, среди молодых хакасов достаточно высока степень осведомлённости о проблемах родного языка, присутствует также осознание своей ответственности за его судьбу. Всё это в совокупности с высокой степенью признания хакасского языка родным даже при отсутствии навыков свободного общения на этом языке делает очевидным факт признания языка как важной части этнической самоидентификации молодых хакасов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ ключевой социолингвистической терминологии позволил уточнить значение термина «миноритарные языки», имеющего разную смысловую нагрузку в российской и европейской законодательной и терминологической практике. Доказана правомерность отнесения к разряду миноритарных языков государственных языков республик Южной Сибири в контексте особенностей перевода названия Европейской языковой хартии на русский язык и множественности номинаций языков народов РФ в законодательстве страны. Установлена полная и частичная синонимичность значения термина «миноритарные языки» термину «родные языки», который используется преимущественно в значении «язык этноса» как в региональном законодательстве, так и в языковом сознании респондентов.

По итогам сравнительного анализа статуса и функционирования миноритарных языков РЮС (Хакасия, Тыва и Алтай) предложена трехуровневая социолингвистическая типология (СТ) Саяно-Алтайского региона, основу которой составляют языковое законодательство, динамика демографической мощности миноритарных языков и языковой лояльности носителей миноритарных языков, коммуникативная мощность и коммуникативные стратегии билингвов.

Изучение современного языкового законодательства РЮС выявило общность региональной языковой политики рекомендательного или «мягкого» типа, не предполагающей обязательного изучения титульных языков, с более частной дифференциацией применительно к каждой из трех республик. Степень правовой поддержки коммуникативной мощности миноритарных языков соответствует уровням СТ: на первом месте находится законодательство РТ, на втором – РА и затем – РХ, в которой языковое законодательство носит преимущественно разрешительный характер. «Мягкий» вариант языкового законодательства в РЮС, во многом удовлетворяя «потребности этнической идентификации» народов (по В. М. Алпатову), способствует поддержке межэтнического согласия и содержит резервы для укрепления коммуникативных возможностей титульных языков. Правовое регулирование статуса государственных языков РЮС носит противоречивый характер, так как их декларируемое равноправие опровергается в рамках одних и тех же законов в статьях, регламентирующих их функционирование. На практике оно подтверждает

ет право на использование этих языков в соответствии с их функциональным типом, получившим законодательное закрепление.

Демографическая мощьность миноритарных языков РЮС формирует следующие типы языковых ситуаций (ЯС): 1) устойчивая (РТ), 2) относительно устойчивая (РА) и неустойчивая (РХ). В Республике Тыва по численности населения доминирует тувинский этнос (82 %) с хорошим уровнем языковой компетенции на родном языке. Демографическая неравномерность в пользу миноритарного языка служит гарантом его функциональной устойчивости. В Республике Алтай, где по численности населения преобладают этнические русские (56,6 %), тюркский языковой компонент, включающий алтайский этнос (37,6 %) и казахское население (6 %), может оказывать существенное влияние на развитие коммуникативной устойчивости алтайского языка в условиях асимметричного билингвизма. Неустойчивость ЯС в РХ объясняется демографической неравномерностью ее государственных языков с доминированием русского языка в ситуации, когда хакасы составляют 12 % населения республики.

Уровень языковой лояльности титульных народов, выраженной долей говорящих на родном языке в РЮС в 2010 г., соответствует типам СТ: высокий – 96 % тувинцев, средний – 75,1 % алтайцев, низкий – 57,6 % хакасов. Очевидной является ее корреляция как с демографической мощьностью языков, так и со стартовыми условиями запуска новых принципов языковой политики в РФ. Так, к 1989 году не считали язык своего этноса родным 1 % тувинцев, 10 % алтайцев и 20 % хакасов.

Выявленная динамика языковой лояльности служит своеобразным рейтингом-прогнозом витальности языков ТН РЮС, подтверждая тезисы о корреляции между скоростью утраты этнического языка и снижением языковой лояльности и о влиянии национального состава жителей на языковое поведение. В РХ только в трех из 8 районов коренные жители составляют более 20 %: Аскизском – 47,5, Таштыпском – 22,4 % и Бейском – 20,3 %, где их расселение носит преимущественно дисперсный характер. В РТ, как и при переписи 2002 года, одиннадцать муниципальных районов являются мононациональными, на их территориях проживает более 99 % тувинцев.

Количество коммуникативных сфер и подсфер использования ТЯ РЮС в целом совпадает. Ведущими являются четыре основные сферы: образование, массовая коммуникация, духовная культура и межличностное общение носителей языка, в которых титульные языки функционируют параллельно или в дополнение к русскому языку. Однако степень интенсивности использования ТЯ в указанных сферах оказалась разной в соответствии с демографической мощьностью языков, компактностью проживания носителей языков и уровнем языковой компетенции. Так, хакасский и алтайский языки используются как языки обучения в на-

чальной сельской школе, но тувинский – еще и в основной школе (5–9 классы), а также в национальных школах, которые преобладают в республике. За период с 2000 года издано: художественных книг – 54 на тувинском языке, 50 на алтайском и 25 на хакасском, по восемь журнальных изданий на алтайском и тувинском, 3 на хакасском. В 2010 году издавалось 9 газет на тувинском, 4 на алтайском и 3 на хакасском языке.

Соответственно разными являются коммуникативные стратегии хакасско-русских и тувинско-русских билингвов. Для абсолютного большинства тувинских респондентов общение с родителями и более старшим поколением проходит преимущественно на родном языке. Использование двух государственных языков активизируется в общении с друзьями (45 %) и коллегами (42 %). Особенно полно двуязычная коммуникация реализуется в официально-деловой сфере, в частности, при обращении в государственные учреждения (79 %). Языковые предпочтения хакасских респондентов определяются стремлением сохранить этнокультурную идентичность, используя родной язык в семейной сфере (64 %). В более широком социально-экономическом пространстве, включая друзей и соседей, коммуникативные стратегии меняются: одновременно используют русский и хакасский языки в зависимости от ситуации общения 45 %, только русский язык – 30 % и только хакасский язык – 31,5 % респондентов. Дополнительный аспект исследования, связанный с изучением влияния билингвизма на интеллектуальное развитие детей, подтвердил на хакасском материале теорию опережающего развития когнитивных способностей билингвов.

Анализ опросов шорских респондентов, проживающих в с. Бискамжа Аскизского района РХ и в г. Абакане, показывает практически 100 %-ную степень признания этнического языка родным при самом низком уровне его сохранности. Он продолжает ограниченно использоваться на местном уровне в ситуации трехязычия, когда используются русский, хакасский и шорский языки. На материале шорского языка убедительное подтверждение получила прямая корреляция уровня сохранности миноритарного языка с наличием и типом автономии и официальным статусом языка.

Социолингвистические опросы, проведенные в группах русских и хакасских респондентов в РХ, позволили выявить сохранение высокого уровня позитивной этнической идентификации и языковой лояльности хакасов, а также отсутствие негативного отношения к возможности хакасов изучать родной язык со стороны большинства представителей доминантного русского этноса. В то же время на фоне продолжающегося увеличения числа русскоязычных монолингвов среди хакасов респонденты из сельской местности по-прежнему демонстрируют высокий уровень владения родным языком (76,1 % сельских респондентов свободно понимают по-хакасски, 68,7 % – свободно говорят). Это доказывает то, что

именно аалы с компактным проживанием хакасов по-прежнему остаются ресурсной базой для сохранения и расширения функций хакасского языка. Как позитивные, так и негативные изменения в республиканской языковой политике оказывают соответствующее влияние на особенности билингвизма хакасской молодёжи. Благодаря позитивным переменам в региональной языковой политике несколько усилилось присутствие хакасского языка в этническом коммуникативном пространстве Республики Хакасия, в частности, в сферах образования, духовной культуры, СМИ, религии, городского пространства. При этом интенсивность использования хакасского языка в социальных сферах по-прежнему остаётся невысокой и потому едва ли может оказать существенное влияние на восстановление естественной межпоколенной передачи языка. Проведенные исследования позволили установить также и то, что родной язык воспринимается хакасами как существенная часть хакасской этнической идентичности, а потому его объединяющий потенциал должен эффективно использоваться для замедления и остановки процессов языкового сдвига.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абаканским улицам придумали названия. URL: <https://hakac.info/news/2011030314470> (дата обращения: 06.10.2016).
2. Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф. Опыты федерализма. М.: Республика, 1994. 318 с.
3. Алексеев М. А. Перевод Библии как фактор сохранения и развития языков народов России // Перевод Библии как фактор сохранения и развития языков народов РФ и СНГ. Материалы конференции. 24–26 сентября 2008 г. / ИПБ, ИЯ РАН. М., 2008. С. 14–20.
4. Алпатов В. М. Глобализация и развитие языков // Вопросы филологии. 2004. № 2 (17). С. 23–27.
5. Алпатов В. М. Языковая ситуация в регионах современной России // Отечественные записки М., 2005, № 2 (23) URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/alpatov-05.htm>. (дата обращения: 20.05.2012).
6. Алпатов В. М. 150 языков и политика. 1917–2000: социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: КРАФТ+ИВ РАН, 2000. 224 с.
7. Андреев И. А. Языковая ситуация в Чувашии в начале XXI столетия // Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы: тезисы докладов международной конференции. Москва, 23–25 октября 2001 г. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 75–77.
8. Анжиганова Л. В. Нормативная правовая основа сохранения и развития хакасского этноса в Республике Хакасия // Этноссы развивающейся России: проблемы и перспективы: материалы пятой Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Абакан, 14–15 декабря 2012 г.) / под общ. ред. В. Г. Морогина. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2012. С. 11–13.
9. Бавуу-Сюрюн М. В. Тувинский язык на современном этапе: образовательный аспект // Новые исследования Тувы. 2010. № 3. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_7/2158-bavuu-syuryun-mv.html (дата обращения: 21.09.2016).
10. Баскаков А. Н. Алтайский язык // Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Книга 1. М.: Academia, 2000. С. 53–64.
11. Баскаков А. Н., Насырова О. Д. Языковые ситуации в тюркоязычных республиках Российской Федерации (краткий социолингвистический очерк) // Языки РФ и нового зарубежья: статус и функции. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
12. Баскаков А. Н. Тюркские языки: судьбы и прихоти // Татарский мир: Общероссийская газета. 2003. № 15.
13. Беликов В. П., Крысин Л. П. Социолингвистика. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. 315 с.
14. Бережков Д. В. Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ // О мерах по реализации целей второго международного десятилетия коренных народов мира в сферах народного образования и сохранения родных языков в районах проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ: материалы Парламентских слушаний. М., 2008. С. 89–95.
15. Боргоякова Т. Г. Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2002. 166 с.
16. Боргоякова Т. Г. Развитие социальных функций хакасского языка в контексте современного языкового законодательства // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях развивающейся России: материалы Международной научной кон-

- ференции. 22–24 сентября 2005 года; Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2005. С. 54–58.
17. Боргоякова Т. Г. Особенности развития языкового законодательства Республики Хакасия // *Язык как национальное достояние: проблемы сохранения лингвистического разнообразия: сборник трудов Международной научной конференции*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 114–120.
  18. Боргоякова Т. Г. (а) Языковое законодательство: курс лекций. Абакан: Издательство ГОУ ВПО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», 2011. 80 с.
  19. Боргоякова Т. Г. (б) Правовой и функциональный статус языков Республики Хакасия // *Вестник Иркутского лингвистического университета*. 2011. № 4 (16). С. 152–158.
  20. Боргоякова Т. Г. Социолингвистические аспекты функционирования тюркских языков Южной Сибири // *Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы IV Международной научно-практической конференции (Абакан, 19–20 мая 2016 г.)* / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2016. С. 42–48.
  21. В Абакане более половины детей хакасской национальности изучают хакасский язык. URL: <http://www.sreda-info.ru/news/cat-3/201409254426.html> (дата обращения: 06.10.2016)
  22. Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX веке: Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Булавин, 2001. 338 с.
  23. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социолингвистика и социология языка: учебное пособие. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.
  24. В Республике Тыва прокуратура защитила права школьников на изучение русского языка. // <http://www.genproc.gov.ru/smi/news/archive/news> (дата обращения: 12.10.2016).
  25. В Туве стартует год русского языка. URL: <http://www.pravda.ru/districts/siberia/kyzy/03-02-2014/1190159-region-0/#> (дата обращения: 15.11.2016)
  26. Выступление министра образования и науки Республики Хакасия Г. А. Салата на заседании Рабочей группы по сохранению хакасского языка, культуры и развитию этнотуризма при Совете по экономическому развитию Республики Хакасия 29 мая 2012 года. URL: http://www.r-19.ru/mainpage/authority/21/obrazministry/documents/doklady/doklady_ministra/55576.html (дата обращения: 21.09.2016)
  27. Гаджиева Н. З. Тюркские языки // *Большой энциклопедический словарь*. Языкознание. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 527.
  28. Галдия М. Языковое законодательство и предупреждение конфликтов // *Этнопанорама*. 2004, № 1. URL: <http://eawarn.ru/bin/view/Pubs/MarkusGaldia?CGISESSID=139f38659a4b2ceb1b045d63f6159c8c> (дата обращения: 20.07.11).
  29. Галина Салата о сохранении и развитии хакасского языка // URL: http://www.r-19.ru/mainpage/authority/21/obraz-ministry/documents/doklady/doklady_ministra/26903.html (дата обращения: 05.12.2016).
  30. Гусейнова А. В. Региональный язык в сфере духовной культуры Республики Хакасия // *Миноритарные языки в поликультурном пространстве России: материалы Всероссийского научного семинара с международным участием, 29 июня 2011 года, г. Абакан* / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. Абакан: Изд-во ХГУ имени Н.Ф. Катанова, 2011. С. 43–47.
  31. Гусейнова А. В. (а) Особенности билингвизма хакасской молодежи в контексте языковой политики Республики Хакасия // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч.1. С. 65–68.
  32. Гусейнова А. В. (б) Региональный язык в медиапространстве Республики Хакасия // *Вестник Челябинского государственного университета*. Серия: Филология. Искусствоведение. 2013. № 29 (320). С. 34–36.
  33. Гусейнова А. В. Особенности социолингвистической ситуации в Орджоникидзевском районе Республики Хакасия // *Этносы развивающейся России: проблемы и перспективы: материалы пятой Всероссийской научно-практической конференции с междуна-*

- родным участием (Абакан, 14–15 декабря 2012 г.) / под общ. ред. В. Г. Морогина. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2012. С. 78–79.
34. Гусейнова А. В. Хакасский язык в системе образования: состояние и перспективы // Вестник ВЭГ. 2014. № 1(69). С. 178–183.
  35. Доровских Е. М. Право и национальный язык: регулирование языковых отношений в Российской Федерации. М., 1996. 51 с.
  36. Итоги переписи закрепляют единство алтайского народа, 2011 (интервью с И. И. Белековым, Председателем Госсобрания-Эл Курултай Республики Алтай (г.Горно-Алтайск, 28.12.2011г.) // http://elkurultay.ru/index.php?option=com_content&view (дата обращения: 21.05.2013).
  37. О языках в Республике Тыва: Закон Республики Тыва. URL: // www.consultant.ru (дата обращения: 04.08. 2014).
  38. О языках народов, проживающих на территории Республики Алтай: Закон Республики Алтай. URL: <http://docs.cntd.ru/document/802008526> (дата обращения: 04.08. 2014).
  39. Каксин А. Д. Тюркские названия на карте города Абакан: к вопросу о расширении этнического языкового кластера // Актуальные проблемы современной науки. Научная сессия «XV Невские чтения»: материалы научных конференций 22–27 апреля 2013 г. СПб, 2013. № 1 (4). С. 67–68.
  40. Караулов Ю. Н. Этнокультурная и языковая ситуация в современной России: лингвистический и культурный плюрализм. Часть 1. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/russianworld/28_106 (дата обращения: 10.05.2012).
  41. Карпов В. Г., Насилов Д. М. Хакасский язык // Государственные и титульные языки России: энциклопедический словарь-справочник. М.: Academia, 2002. С. 400–413.
  42. Карпов В. Г. Прошлое, настоящее и будущее хакасского языка. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2008. 36 с.
  43. Касаткина С. С. Медиапространство современного города. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mediaprostranstvo-sovremennogo-goroda> (дата обращения: 06.10.2016).
  44. Каташев М. С. Социально-экологические последствия хозяйственного освоения Горного Алтая // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск, 2001. Вып.4. С. 137–142.
  45. Катунин Д. А. Языковое законодательство в республиках Сибири // Язык и культура . 2009. № 4. С. 13–24.
  46. Катунин Д. А. Современное языковое законодательство Хорватии: становление и тенденции. Статья первая // Вестник Томского государственного университета. № 2 (10). 2010. С. 18–44.
  47. Кимеев В. М. Проблемы этнической идентификации шорского этноса // Этности развивающейся России: Проблемы и перспективы: материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Абакан, 14–15 декабря 2012 г.) / под ред. В. Г. Морогина. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2012. С. 39–40.
  48. Кондрашкина Е. А. Языковая ситуация в Республике Марий Эл к началу третьего тысячелетия //Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы: тезисы докладов международной конференции. Москва, 23–25 октября 2001 г. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 112–113.
  49. Костякова Ю. Б. Двужычие в средствах массовой информации Республики Хакасия: история, традиции, задачи // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России: материалы Международной научной конференции 22–24 сентября 2005 года; Абакан / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2005. С. 90–93.
  50. Красных В. В. Этнолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: ИТДГК «Гносис», 2002.
  51. Кривоногов В. П. Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2011.

52. Лабов У. Взаимодействие пола и социального класса в ходе языковых изменений // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 117–177.
53. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 44. М.: Издательство политической литературы, 1967.
54. Ле Пэр-Зубкова Л. В. Языковая ситуация в Нидерландах и Бельгии: языковая политика без политиков? // Решение национально-языковых вопросов в современном мире / под ред. Е. П. Чельшева. М.–СПб: Златоуст, 2003. С. 233–262.
55. Мартан-оол М. Тувинский язык // Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Книга 1. М.: Academia, 2000. С. 485–500.
56. Мечковская Н. Б. Язык и религия. М.: Агентство «ФАИР», 1998.
57. Мечковская Н. Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. М.: Флинта: Наука, 2001. 312 с.
58. Мечковская Н. Б. Об учебнике по социолингвистике В. И. Беликова и Л. П. Крысина // Russian Linguistics. V. 27. 2003. № 1. С. 41–55.
59. Михальченко В. Ю. Национальные языки в эпоху глобализации: языки России и Монголии // Вопросы филологии. 2010, №1(34). URL: <http://journal.mosinyaz.com/contents34/> (дата обращения: 20.05.2014).
60. Михальченко В. Ю. Принципы функциональной типологии языков России // Язык и общество в современной России и других странах: Международная конференция (Москва, 21–24 июня 2010 г.): доклады и сообщения. М.: ТЕЗАУРУС, 2010.
61. Монгуш Д. А., Насилов Д. М., Бичелдей К.-о. А. Тувинский язык // Государственные и титульные языки России. Энциклопедический словарь-справочник. М., 2002. С. 370–384.
62. Мониторинг межнациональных отношений в Республике Хакасия в I квартале 2010 года. URL: http://www.r-19.ru/mainpage/authority/21/national/documents/reports/monitoring/monitoring_2010_1.html (дата обращения: 19.12.2016)
63. Мурадова А. Р. Как исчезают языки и как их возрождают. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/muradova-08.htm> (дата обращения: 06.10.2016)
64. Насилов Д. М. Алтайский язык // Государственные и титульные языки России: энциклопедический словарь-справочник. М., 2002. С. 50–61.
65. Настоятель Градо-Абаканского храма Геннадий Фаст: Хакасия проходит период двоеверия. URL: <http://www.19rus.info/index.php/obshchestvo/item/7807-nastoyatel-grad-abakanskogo-khrama-gennadij-fast-khakasiya-prokhorodit-period-dvoeveriya> (дата обращения: 06.10.2016)
66. Насырова О. Д. Хакасский язык // Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Книга 1. М.: Academia, 2000. С. 521–533.
67. Нерознак В. П. Языковая ситуация в России: 1991–2001 годы // Государственные и титульные языки России: энциклопедический словарь-справочник / под общей редакцией В. П. Нерознака. М.: Academia, 2002. С. 5–19.
68. Нешименко Г. П. К рассмотрению динамики языковой ситуации через призму процессов интеграции и дифференциации // Глобализация-этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы. М.: Наука, 2006. С. 38–68.
69. Об утверждении государственной программы Республики Хакасия «Региональная политика Республика Хакасия (20014–2016 годы)»: Постановление правительства Республики Хакасия от 13.11.2013 № 622. URL: <http://r-19.ru/authorities> (дата обращения: 03.10.2016)
70. Озонова А. А., Тазранова А. Р. Языковая ситуация у чалканцев (по материалам экспедиции 2000 г.) // Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы: тезисы докладов Международной конференции. М., 2001. С. 247–250.
71. Около 75 процентов хакасских детей изучают родной язык в школе. URL: <http://gazeta19.ru/news/24642> (дата обращения: 06.10.2016).
72. Определение ВС РФ 92-АПГ12-4 от 18 апреля 2012 г. URL: <http://open.lexpro.ru/stream/doc> (дата обращения: 30.09.2016).

73. Окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php (дата обращения: 14.10.2016).
74. О развитии языков народов Республики Хакасия в 2011–2013 годах. URL: <http://www.r19.ru/mainpage/authority/21/national/documents/programs/11885.html> (дата обращения: 14.12.2016).
75. Официальный сайт ХакНИИЯЛИ. URL: <http://haknii.ru/> (дата обращения: 12.04.2016)
76. О языках народов, проживающих на территории Республики Алтай (с изменениями на: 03.06.2016). URL: <http://docs.cntd.ru/document/802008526> (дата обращения: 20.12.2016)
77. От съезда к съезду: некоторые вопросы развития социальной сферы в Республике Хакасия за 2011–2016 годы: сборник информационных материалов. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2016. 30 с.
78. Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Книга 1. М.: Academia, 2000.
79. Побызакова Е. К. Государственный хакасский язык: перспективы реального функционирования // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 2. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 1998. С. 202–209.
80. Побызакова Е. К. Экстралингвистические факторы функционирования хакасского языка // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России: материалы Международной научной конференции, 22–24 сентября 2005 года; Абакан / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2005. С. 77–82.
81. Почеревин Г. Е. Система образования коренных малочисленных народов Севера в Хабаровском крае // О мерах по реализации целей второго международного десятилетия коренных народов мира в сферах народного образования и сохранения родных языков в районах проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ: материалы Парламентских слушаний. М., 2008. С. 119–126.
82. Пушкарёва Ю.Г. Урбанонимия города Улан-Удэ: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. URL: <http://www.bsu.ru/?mod=news&nid=9474> (дата обращения: 06.10.2016)
83. Родной язык изучают 72 % детей хакасской национальности. URL: <http://www.19rus.info/news/87699.html> (дата обращения: 20.05.2013).
84. «Русский центр» в Алтае раскритиковал инициативу обязательного изучения алтайского языка. URL: www.sibinfo.su/news/ra (дата обращения: 20.06.2014).
85. Рязанов А.В. (а) Структурные изменения этнических коммуникативных пространств: динамика и направленность. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129325/> (дата обращения: 06.10.2016).
86. Рязанов А. В. (б) Этнос в коммуникативном пространстве социума: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2009
87. Сагалаков Ю. Г. Развитие этнокультурного образования в Республике Хакасия // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы IV Международной научно-практической конференции (Абакан, Республика Хакасия, 19–20 мая 2016 года) / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2016. С. 28–32.
88. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН, 2006.
89. Сотрудники Эл Курултая напишут диктант на алтайском языке. URL: <http://regions.ru/news/2536159/> (дата обращения: 18.10.2014).
90. Справка об изменении административно-территориального деления Республики Алтай // Архивы России. URL: <http://guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?bid=12&sid=165495> (дата обращения: 20.07.2014).
91. Стратегия государственной национальной политики РФ до 2025 г. URL: <http://zakonbase.ru/content/part/1293590> (дата обращения: 06.09.2014).

92. Стернин И. А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры. URL: <http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1996/Part2-2.htm> (дата обращения: 06.10.2016).
93. Суге-Маадыр Д. М. Социолингвистические аспекты функционирования тувинского языка // Этноссы развивающейся России: проблемы и перспективы: материалы пятой Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Абакан, 14–15 декабря 2012 г.). Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2012. С. 83–84.
94. Тишков В. А., Степанов В. В., Функ Д. А., Артеменко О. И. Экспертный доклад «Статус и поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации». М., 2009.
95. Тюхтенев С. С. Доклад «Губернские права Ойротской автономной области» на научно-практической конференции «От кочевой государственности к автономии и республике». URL: <http://elkुरुlтай.ru/index.php?Itemid=2&catid> (дата обращения: 06.09.2014).
96. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 года № 1666. URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 06.10.2016)
97. Чельшева И. И. Современное лингвистическое законодательство Италии // Решение национально-языковых вопросов в современном мире / под ред. Е.П. Чельшева. М.–СПб: Златоуст, 2003. С. 161–169.
98. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: Федеральный закон от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 22.08.2004 № 122-ФЗ от 26.06.2007 № 118-ФЗ)
99. Шарифуллин Б. Я. Языковая политика в городе: право языка vs. языковые права человека (право на имя) // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 172–181 URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/sharifullin-00.htm> (дата обращения: 06.10.2016)
100. Юдина Е. Н. Развитие медиапространства современной России (на примере телевидения): автореф. дисс... д-ра соц. наук. URL: <http://vak.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/vak/announcements/sociol/01-09-2008/UdinaEN.doc> (дата обращения: 06.10.2016)
101. Chevalier, J. F. Local Language Education in Southern Siberia: The Republics of Tyva and Altai // *Sibirica*, Vol. 12, # 3, 2013. P. 56–84.
102. Edwards Viv. Education and the Development of Early Childhood Bilingualism // *Voces Diversae: Lesser-Used Language Education in Europe* / Edited by Donall O’Riagain. Belfast: Belfast Studies in Language, Culture and Politics, 2006.
103. European Charter for Regional or Minority Languages and explanatory report. – Strasbourg, Council of Europe Publishing, 1992. URL: http://www.unmikonline.org/regulations/unmikgazette/02english/Eirs/European_Charter_for_Regional_or_Minority_Languages.pdf (дата обращения: 7.12.2016)
104. Fishman J. A. Reversing Language Shift. Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Clevedon & Philadelphia^ Multilingual Matters, 1991.
105. Hamel, R. E. (2006) The Development of Language Empires // *Sociolinguistics. An International Handbook of the Science of Language and Society*, vol. 3. Berlin, New York.
106. Janhunen, Juha and Salminen, Tapani (1993-1996). UNESCO. Red Book of Endangered Languages: North-East Asia. URL: http://www.helsinki.fi/~tasalmin/nasia_index.html.
107. Novak-Lucanovich, S. The Position of Minority Languages in Slovenia: Legal Aspects and Everyday Situation [Text] / S. Novak-Lucanovich // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России: материалы Международной научной конференции / отв.ред. Т.Г. Боргоякова. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2005. С. 28–45.
108. Vladimirova A. S. Analyses of the Sociolinguistic Survey on the Identification of the Language Tolerance (Loyalty) Level of the Russian-speaking Population in the Republic of Khakassia // Проблемы языкознания и межкультурной коммуникации: взгляд молодых исследователей: материалы Всероссийской конференции-школы с международным участием (Абакан, 22–23 мая 2014 г.) / отв. ред. М. В. Зубец, А. Н. Чугункова. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2014. С. 116–119.

Научное издание

Боргоякова Тамара Герасимовна
Гусейнова Аурика Вагифовна

**Статус и функционирование тюркских языков
Южной Сибири**

Редактор – Л. Н. Макарова.
Компьютерное обеспечение О. Н. Калининой.

Подписано в печать 4.04.2017. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Печать – ризограф. Бумага офсетная.
Физ. печ. л. 8,5. Усл. печ. л. 7,91. Уч.-изд. л. 8,23.
Тираж 50 экз. Заказ № 37.

Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»
Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»
655017, г. Абакан, пр. Ленина, 90а, тел. 22-51-13; e-mail: izdat@khsu.ru